К 70-летию Победы
в Великой Отечественной войне

АЛЬМАНАХ

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ
ФРУНЗЕНСКОГО РАЙОНА О БЛОКАДЕ

Санкт-Петербург, 2014

**ДОРОГИЕ ВЕТЕРАНЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ,
ЖИТЕЛИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА!
ДОРОГИЕ ЖИТЕЛИ ФРУНЗЕНСКОГО РАЙОНА!**

Более 70 лет прошло с того дня, когда измученные блокадой ленинградцы впервые за 900 дней без страха смотрели в зимнее небо. В нем гремел победный салют — 27 января 1944 года город полностью был освобожден от вражеской осады.

За эти годы выросло несколько поколений россиян. Многие ветераны приводят на празднование памятных дат уже своих правнуков. А это значит, что память о героизме жителей блокадного города сохранится в сердцах петербуржцев.

В нашем районе живет свыше 18 тысяч блокадников и ветеранов Великой Отечественной войны. Мы гордимся своими земляками. Наши ветераны — мужественные люди. Они продолжают вести активную общественную жизнь, встречаются с молодежью, поддерживают друг друга.

Администрация Фрунзенского района считает своим долгом перед жителями блокадного Ленинграда, перед всеми горожанами сохранить память о героизме ленинградцев. Сегодня, когда наша страна готовится встретить 70-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне, мы начинаем новый проект — выпуск альманаха «Люди и время». В нем будут опубликованы воспоминания купчинцев — жителей блокадного Ленинграда, участников войны, тружеников тыла, узников фашистских концлагерей. Такие воспоминания имеют огромную ценность для современников и потомков. Они живое свидетельство того трудного пути, который привел нашу страну к Победе в Великой Отечественной войне.

Глава администрации
Фрунзенского района В. В. Омельницкий

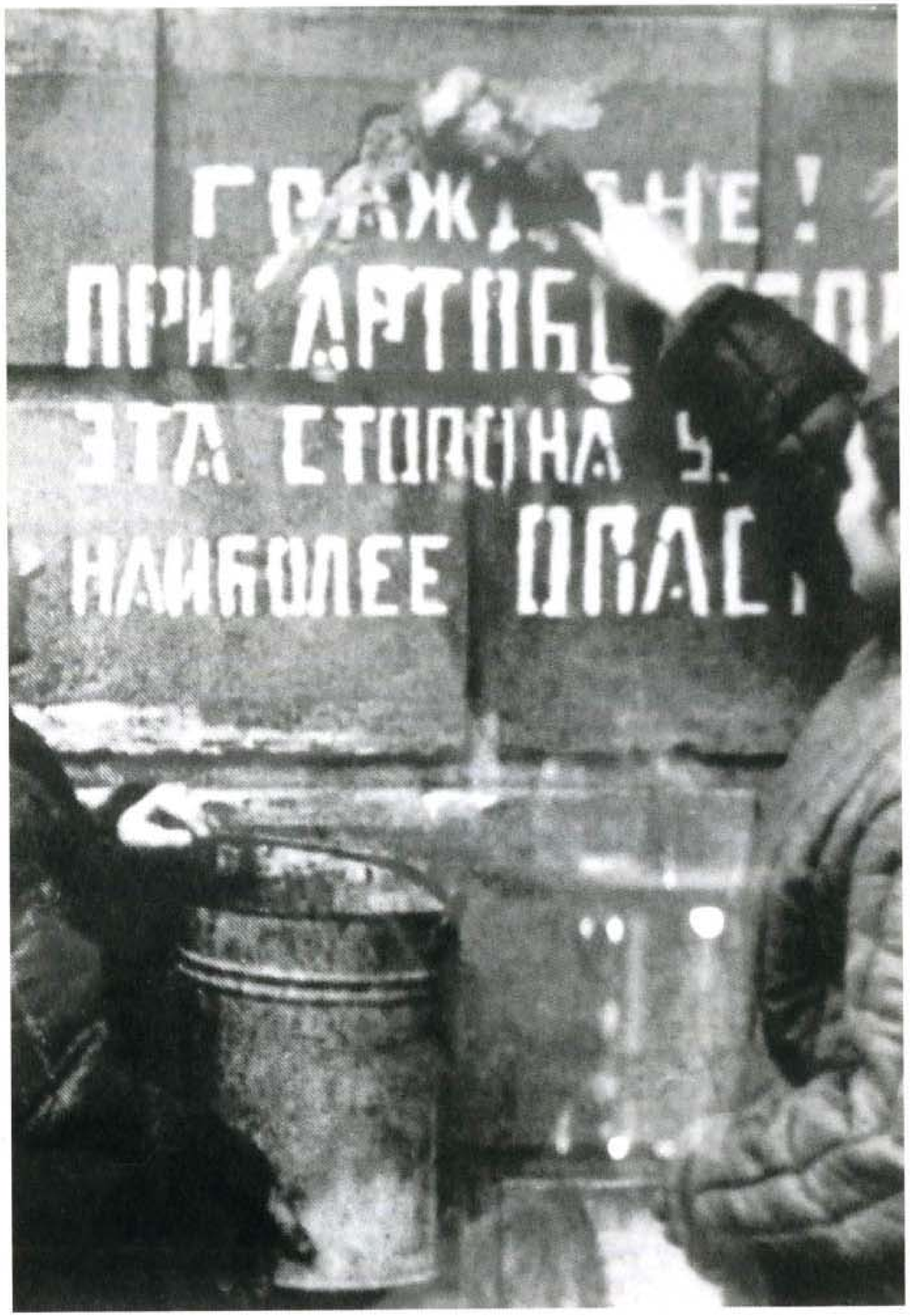
ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

В2015 году мы будем отмечать знаменательную дату в истории нашей страны — 70 лет Победы в Великой Отечественной войне. Блокада Ленинграда — одна из самых героических и тяжелых страниц в истории этой войны. В нашем районе живет более 13 тысяч людей, переживших эти страшные 900 дней. И у каждого есть что рассказать об этом времени, каждый из нас — носитель исторической памяти, которую необходимо передать следующим поколениям — нашим детям внукам и правнукам. Члены Фрунзенского отделения Общества жителей блокадного Ленинграда часто встречаются со школьниками и студентами, рассказывают им о подвиге осажденного города. Мы верим, что молодые люди, которые знают о великом прошлом своего города и своей страны, вырастут настоящими патриотами и никогда не уронят чести гордого имени «петербуржец».

Многие блокадники написали воспоминания о своей жизни. Наше Общество считает очень важным, чтобы эти произведения увидели свет. Сегодня вы держите в руках первый выпуск нового проекта «Альманах “Люди и время”». Это воспоминания наших ветеранов,

Общество жителей блокадного Ленинграда благодарит администрацию Фрунзенского района за идею и воплощение этого проекта, нужного всем петербуржцам.

Председатель местного отделения Фрунзенского района Общественной организации «Жители блокадного Ленинграда» Н. А. Кудрякова



Мама надеялась, что наш отец жив и может прийти в любую минуту...

Врачи всю дорогу ходили и предупреждали, чтоб не ели много.

Мы были в отчаянии, но бессильны помочь девочке, и она вскоре умерла.

К счастью, бомба оказалась начинена песком, и там — записка от немецких рабочих: «Чем можем, тем поможем».

Это было почти беспрерывно: бомбежка заканчивалась, тут же начинался обстрел.

Люди из вагонов стали бежать по полю в лес, а самолеты их расстреливали.

Сколько бы ни пришлось ждать тебя, родной, буду ждать, ты помни это и еще яростнее иди на врага.

Во мне всегда жила уверенность, что наш народ непобедим. Я верю, что, если потребуется, среди нас найдутся такие люди, как Александр Невский, Минин и Пожарский, которые поднимут весь народ на борьбу с врагом.

На станциях поездов не было. Наконец пришел паровоз, он был последний: судьба хранила нас.

Я тоже решила пойти добровольцем на фронт, но меня не взяли из-за возраста.

Вот так и я шла когда-то с медным чайником под дождем к церкви, в которой мы ночевали после переправы на катере.

Иногда давали по карточкам немного пшена, это была редкость.

В дни, когда мы были дома, мать не давала лежать и сидеть без дела: мы вышивали, мыли пол, носили воду.

Первые обстрелы приводили нас в восторг. Но мы поняли опасность очень скоро, когда осколками были убиты взрослые и дети.

АБРАМОВА (ФАДЕЕВА) НИНА ИВАНОВНА

«Я НА САНОЧКАХ ПОВЕЗЛА МАМУ НА ЗАВОД ЗА КАРТОЧКАМИ, ОНА УМЕРЛА, И Я ЕЕ НА ЗАВОДЕ ОСТАВИЛА»

Я родилась 7 октября 1925 года в деревне Зябицы Волосовского района Ленинградской области. Живу в Ленинграде с семи лет. В 1942 году получила паспорт. Жила по адресу: набережная Обводного канала, дом 46, квартира 4.

Не было воды и света. Воду брали на Воронцовской улице — там лопнула труба. Мы на саночках возили воду домой, потом поднимали на свой третий этаж.

Мама и папа работали на военном заводе № 77. Папа умер в 1942 году, 10 января. Он перед смертью очень кричал, и бабушка меня накрыла одеялом, сказала: «Не бойся, папа умирает». Папу похоронили в гробу за 400 граммов хлеба. Повезли на саночках, около Волковского кладбища стояла лошадь с гробами, там его и оставили.

Иждивенцам давали хлеб по 125 граммов, рабочим по 250 граммов. Как-то три дня вообще не было хлеба, потом дали мукой. Варили столярный клей, была одна плитка. По телу и на одежде ползали крупные белые вши.

Один раз выхожу из парадной — лежит мужчина, голый, лицом вниз, упитанный, а под лопаткой вырезано мясо.

В булочной мужчина с железной палкой схватил буханку хлеба и стал быстро есть. Его били люди, ругали.

В нашей квартире у соседей Орешкиных, когда они умерли, обнаружили кошачьи шкурки.

В бомбоубежище не ходили — не знали, где оно есть.

Бабушка умерла 21 февраля 1942 года. Ее тело завернули в матрац и отвезли на саночках в Петушки около Волковского кладбища и часового завода. Там были вырыты траншеи, и тела лежали вдоль траншей.

Я на саночках повезла маму на завод № 77 за карточками, она умерла, и я ее на заводе оставила.

Осталась я с сестрой Раей, ей было тринадцать лет. Ее эвакуировали через Ладогу в город Ульяновск. Она оттуда писала письма, болела малярией. После войны я взяла ее под свое опекунство.

Я осталась одна. Соседка по площадке Люба Жаворонкова устроила меня на работу, на Разъезжую улицу, стегать матрацы. Вату мы брали у Смольного под навесом — большие кипы ваты сырые, и везли на тележках, двое спереди, двое сзади. Матрацы стегали для госпиталей на Разъезжей улице в подвале.

Потом паспорт отобрали и отвезли на паровозе на станцию Пери. Там мы рыли окопы. Впереди шел бой, освещало так, хоть иголки собирай!

Мороз, а на мне было летнее зеленое пальто. Делали шалаши из елок, а под себя нечего было постелить: пальто либо сверху, либо снизу. Варили крапиву. Потом дистрофиков отправили в Московский райсовет, оттуда — в Ленводоканалстрой. Жили в школе на Университетской набережной, числились бойцами. Там дали фуфайку и ватные штаны, резиновые сапоги с портянками.

Кормили два раза в день, давали пшенную кашу с чечевицей. Мы выезжали на аварийные работы под обстрелом. Где лопнувшая труба, внизу работали слесари-женщины из столовой, а мы откачивали воду и бросали землю на бровку. На штанах намерзали сосульки.

Потом дистрофиков отправили в Московский райсовет, оттуда — в Ленводоканалстрой.

В Рыбацком была водопроводная станция. Мы копали для столбов ямки (для маскировки). Рабочий Кашицын крикнул: «Перекур!», а девочка Женя Рунова, рыженькая с веснушками, ей было семнадцать лет, сказала: «Я докопаю свою ямку». Мы около стеночки зажгли маленький костерчик. Кашицын сказал, что на душе неспокойно, и предложил перейти в другое место. С Вороньей горы начался обстрел из дальнобойных орудий. Осколком Жене Руновой снесло голову, так она и осталась в ямке. А когда мы отошли от того места, где грелись, туда попал осколок.

Не помню, на улице Воинова или Таврической, была водопроводная станция, мы в резервуаре ремонтировали арматуру колонн смесью цемента с силиконовым клеем. Ремонтировали на Мытнинской улице, на Бакунина, дом 29.

Я работала учеником штукатура 2-го разряда. Когда стала тянуть карнизы, мне дали 5-й разряд. И там я работала до 1947 года, когда вышла замуж за Абрамова Ивана Васильевича (он работал электрогазосварщиком, а в войну воевал на Финском фронте разведчиком).

Имею медали «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Не помню, на улице Воинова или Таврической, была водопроводная станция, мы в резервуаре ремонтировали арматуру колонн смесью цемента с силиконовым клеем.

Где лопнувшая труба, внизу работали слесари-женщины из столовой, а мы откачивали воду и бросали землю на бровку. На штанах намерзали сосульки.

ЯКОВЛЕВА АНТОНИНА АЛЕКСАНДРОВНА

«В ПРОРУБИ ЗАСТЫЛ ЗАМЕРЗШИЙ ЧЕЛОВЕК С ПОДНЯТОЙ РУКОЙ, КАК СТАТУЯ»

Мне было девятнадцать лет, я работала в научно-исследовательском институте эпидемиологии и микробиологии имени Пастера помощником эпидемиолога.

Солнечное утро 22 июня 1941 года. Вдруг по радио раздаются слова: «Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза. Немецкие войска вероломно нарушили нашу границу». Война!

Это был гром среди ясного неба! Мне было девятнадцать лет, я работала в научно-исследовательском институте эпидемиологии и микробиологии имени Пастера помощником эпидемиолога. Жила на улице Боровой в Московском районе, работала на улице Мира в Петроградском районе — другой конец города. Во время блокады, когда не было трамваев, вынуждена была ходить пешком. Особенно трудным было преодоление Кировского моста: под тобой Нева — жутко было, особенно во время обстрела.

Первые бомбежки начались 8 сентября 1941 года, со временем они стали чаще и длительнее. Потом пошли обстрелы города.

По радио сообщали о захвате пригородов Ленинграда. Кольцо окружения сжималось. Работников института отправили на окопы в Волосовский район. Вывезти нас успели на последнем санитарном поезде.

Ленинград принял беженцев из пригородов. Их пропускали через эвакопункты, где они находились под наблюдением врачей для обнаружения больных, чтобы не допустить эпидемии в осажденном городе. Борьба с инфекционными заболеваниями была на высоком уровне, нас туда направляли дежурить. Заболевания были, но эпидемии не допустили.

Проводилась эвакуация, особенно детей, через Ладожское озеро. Появилась песня: «Ладога родная, Дорогой жизни названа». Но не все доезжали до Большой земли, некоторые машины ушли под лед озера.

Разбомбили Бадаевские склады, где хранились запасы продовольствия. Стали резко уменьшаться пайки по карточкам. Появилась дистрофия, которая уносила жизни голодных и обессиленных людей. Чуть живые люди на санках увозили своих умерших родных, завернутых в простыни, и хоронили в братских могилах.

На улицах мороз, температура –30-35°, в домах — тоже мороз. Водопровод, канализация и электричество не работали, телефон отключен. Дров нет, приходилось ломать на дрова стулья, табуретки и другую мебель. На маленькой железной буржуйке мы нагревали чай и варили что-то вроде супа. За водой я ходила в прорубь на Обводный канал. Берега у него крутые — пока доползешь до верха, полведра на себя выльешь.

В городе съели всех кошек. Одолели крысы. Бывали случаи, когда они кусали людей. У нас в институте был пункт прививок от бешенства.

В соседний дом попал снаряд. От сотрясения у нас рухнул потолок, вылетели стекла, со стены упали часы. В оконных рамах застрял осколок — до нас не дошел. Судьба!

Голод не только изнурял физически, он действовал на психику. Преследовала мечта вдоволь наесться хлеба. Самыми тяжелыми были 1941—1942 годы. Мы дежурили в военном госпитале 1—2 раза в месяц, приходилось дежурить и в институте, на случай экстренных сообщений ночью.

Отважные мальчишки ловили ракетчиков-диверсантов и тащили их в милицию. Бывали безобразные случаи, когда у людей вырывали карточки или хлебный паек — в то время это равнялось убийству.

На стене некоторых домов было написано: «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Была такая надпись и на моем доме.

Памятник «Медный всадник» был закрыт мешками с песком и забит досками. Кони на Аничковом мосту и многие другие памятники были замаскированы. Золотые шпили Адмиралтейства, Инженерного замка, Петропавловской крепости были замаскированы чехлами. Эту сложнейшую и очень опасную работу выполнила бригада

На маленькой железной буржуйке мы нагревали чай и варили что-то вроде супа. За водой я ходила в прорубь на Обводный канал.

мастеров спорта — верхолазов, при участии знаменитого Михаила Боброва, в дальнейшем — почетного гражданина города.

Я вспомнила, как говорили о памятнике Суворову, который не был замаскирован, что он оберегал город от врага.

Конечно, было много трудностей и потерь. Не всем удалось дожить до светлой даты в 1944 году. Блокада научила нас ценить многое. На моей длинной дороге до работы мне пришлось встретиться со всеми ужасами этой жестокой войны — лежали мертвые люди, которых не успели подобрать, разрушены дома. Помню, передней стены дома нет, а на третьем этаже висит рояль, зацепившийся ножкой за перекрытие. Или в проруби Обводного канала застыл человек с поднятой рукой, он так замерз, как статуя. Ужас!!!

Вера в победу над врагом помогала голодным, измученным людям бороться и работать. Оптимизм и любовь к своему городу давали силы. Нужно отметить, что люди были добрее, чем сейчас, они старались помогать друг другу.

Конечно, все эпизоды жизни блокады вспоминать трудно — нет сил. Это время жизни и борьбы со злобным врагом нечеловечески ужасно. Но зато какое ликование вызвало сообщение о конце войны и долгожданной победе! Счастью не было конца, ленинградцы ликовали, незнакомые люди обнимали друг друга, гремел салют!

P. S. Медаль «За оборону Ленинграда» мне вручили в Первом медицинском институте имени академика Павлова в 1943 году.

Не всем удалось дожить до светлой даты в 1944 году. Блокада научила нас ценить многое.

Вера в победу над врагом помогала голодным, измученным людям бороться и работать.

АХУНДОВА
НАТАЛИЯ ЮЛЬЕВНА

«ПОСЛЕ ВОЙНЫ ПОПРОБОВАЛА ДУРАНДУ — ЧТО-ТО НЕ ПОНРАВИЛОСЬ...»

Наша семья состояла из шести человек: бабушка, дедушка, мама, папа, я и брат. Папа только окончил в 1940 году университет, биолого-почвенный факультет. Его направили на работу в метро, которое начали строить в Ленинграде. Мама работала на Балтийском заводе в конструкторском бюро. Дедушка трудился в Оптическом институте вахтером. Бабушка занималась домашним хозяйством.

Мы жили на Васильевском острове, на Биржевой линии. Рядом с нашим домом находился университет, Оптический институт, Библиотека Академии наук, биржа, клиника им. Отта. Нева была рядом.

И вот война... Сначала налетов на город было мало. Самый сильный налет произошел 6 сентября 1941 года — в тот день мы узнали, что сгорели Бадаевские склады, а это — главные запасы продовольствия в городе. Немцы окружили город со всех сторон, и 8 сентября началась блокада Ленинграда. Началась эвакуация населения. Школы, детские сады, учреждения и все, кто хотел, срочно уезжали. Был единственный просвет, который впоследствии получил название «Дорога жизни».

Папа ушел на фронт. Мама и дедушка продолжали работать там же, где и раньше. Наших запасов дома хватило на два месяца, и то лишь потому, что бабушка любила готовить, часто пекла пироги и булочки, поэтому у нас были мука и крупы разные. Когда ввели карточки, нам сначала еды хватало. А когда убавили норму выдачи

хлеба иждивенцам и детям, начали думать только о еде. Все время хотелось кушать. Мама продала пианино за три буханки хлеба и пять пачек папирос. Были же они у кого-то!

Мы жили в отдельной однокомнатной квартире с печным отоплением — комната 26 кв. м, большая кухня и прихожая. В то время это считалось хорошими условиями жизни. Возле дома были сараи с дровами. Первые месяцы мы топили печку, но когда дрова кончились, жгли книги, ноты, а потом уже и мебель. Спали одетыми и еще укрывались чем можно — платки, пальто. При бомбежке спускались в бомбоубежище. Обстрел города был так часто, что мы стали к этому привыкать и потом уже никуда не уходили, а только прятались или закрывались. Во время бомбежек все окна дребезжали, мы их заклеили бумагой, тогда все так делали.

Мы всегда с нетерпением ждали с работы маму, которая приносила хлеб, выдаваемый в магазине по карточкам. А она иногда приходила ни с чем, потому что на всю очередь не хватало хлеба, и тогда мы пили кипяток.

Однажды дедушка пришел с работы и сразу лег спать. Бабушка поставила самовар и, когда он закипел, стала будить дедушку, а тот уже холодный… Это был февраль 1942 года. Умер он от голода и дистрофии, такой был его диагноз в свидетельстве о смерти, которое хранится у меня и сейчас. Завернули дедушку в одеяло, и мама повезла его на Смоленское кладбище. Там была специальная траншея вырыта, потому что трупов было очень много, и могилы уже не рыли. А до траншеи мама несла его на спине. Как только у нее хватило сил!

Зима в тот год была очень холодная, мороз доходил до 40 градусов. Голод и холод косили людей. На улице лежали трупы, но люди этого как будто не замечали. Тем не менее город жил, работал. Маме не раз предлагали эвакуацию, но бабушка не соглашалась. А после смерти дедушки она попросила маму, чтобы та нас троих отправила.

В начале апреля 1942 года мы выехали в Сибирь — так предполагалось, но доехали только до Вологды. Бабушка была вся опухшая, у нее началась водянка, и я уже не ходила. И вот меня, трехлетнего ребенка, завернули в одеяло, посадили к бабушке на санки, привязав, чтобы не упала, и мама с братом повезли нас. Брату было уже девять лет. До отъезда он с такими же мальчишками, как сам, сбрасывал с крыш бомбы-зажигалки.

Мы жили в отдельной однокомнатной квартире с печным отоплением — комната 26 кв. м

Наша бабушка умела складывать печи, а ей за это приносили кто молоко, кто яйца

Доехали мы до Вологды, там жила сестра дедушки. Бабушка боялась, что меня не довезет, потому что я все время стонала, а мертвецов на станциях снимали с поезда. Сама она еле передвигалась. Вся надежда была на моего брата.

Вологодская область и в мирное-то время не слыла богатой, но зато война туда не дошла. Хоть и голодно, но что-то достать было можно: хлеб из мякины, вместо сахара — сушеная морковка, с ней и чай пили. Выдавали мыло, соль, подсолнечное масло, спички. Для нас подсолнечное масло было деликатесом, мы хлеб макали в него — ничего вкуснее не существовало! Скот кормили жмыхом. А мы, дети, с удовольствием ели дуранду. После войны я ее как-то попробовала — что-то не понравилось…

Наша бабушка умела складывать печи, а ей за это приносили кто молоко, кто яйца. Брат ходил в школу. С бабушкой они ходили на полевые работы. О войне мы там ничего не знали. Письма от мамы приходили редко, также нам писали папа и его мама — моя вторая бабушка. Однажды она к нам приехала в 1944 году. До войны она жила в Москве, но их эвакуировали в Башкирию, а возвращаясь домой, заехала к нам в Вологодскую область. Хорошо помню, что она привезла кое-какие продукты, в том числе вермишель, которую я называла «червячками». Старший брат-то знал, что это, а мы же ничего этого не видели.

Однажды брат пришел из школы и сказал, что война кончилась. Девятое мая объявили Днем Победы. В июне мы получили письмо от папы, он писал, что скоро будем все вместе. У нас сохранилась его фотография от 26 июня 1945 года, а 4 августа этого года он погиб при исполнении служебных обязанностей… Он дошел до Берлина, а на обратном пути в Венгрии погиб. Они везли медикаменты, шофер поздно увидел, что мост разрушен, и машина упала. Он сам и еще три человека, сидевших в кузове, успели спрыгнуть, а папа, сидевший в кабине, ударился переносицей и потерял сознание. Его поднимали потом вместе с машиной. Об этом нам рассказала его мама, которая ездила на его похороны. До самой смерти она хранила его шинель, заржавевшие наручные часы, а нам передала все его письма с фронта. Папе было 33 года, он прошел всю войну, на фронте служил фельдшером.

Мама всю блокаду прожила в Ленинграде, трудилась на оборонных работах, была донором — кровь требовалась на фронте. Получила награды — медаль «За оборону Ленинграда» и знак «Почетный

донор». Осенью 1945 года она приехала за нами. Через год я пошла в первый класс.

В 1950 году маме предложили переехать в Московский район, пообещав, что там скоро будет газ. Новая квартира была коммунальной (мы заняли комнату площадью 29 кв. м), но зато не надо было думать о дровах, и один раз в неделю давали горячую воду.

Пишу я все это, а сама плачу. Сколько же горя принесла эта война! Двадцать семь миллионов погибших. А как мы жили после войны? Мы, дети, помогали восстанавливать город, трудились вместе со взрослыми. В Московском парке Победы сажали деревья, помогали разбирать по кирпичику разрушенные дома.

Во мне всегда жила уверенность, что наш народ непобедим. Я верю, что, если потребуется, среди нас найдутся такие люди, как Александр Невский, Минин и Пожарский, которые поднимут весь народ на борьбу с врагом. Русская душа отличается добродушием и желанием помочь другому. Я люблю людей. Мне доставляет удовольствие помочь другому человеку. Работая в Обществе блокадников, я не боюсь встречаться с людьми, ведь если кто-то обращается с просьбой, надо представить себя на его месте и помочь решить проблему.

Да, наше поколение многое пережило — голод, холод, войну, разруху. Но мы все преодолели. Верю, что сегодняшняя молодежь будет достойно продолжать наши дела и наши традиции.

Во мне всегда жила уверенность, что наш народ непобедим. Я верю, что, если потребуется, среди нас найдутся такие люди, как Александр Невский, Минин и Пожарский, которые поднимут весь народ на борьбу с врагом.

БОЕВА (АНТОНОВИЧ) ЛЮБОВЬ СЕРГЕЕВНА

«ЕСЛИ БЫ МЫ СОМНЕВАЛИСЬ В ПОБЕДЕ, ТО СОВЕРШЕННО ТОЧНО НЕ ВЫЖИЛИ БЫ»

Я свидетель огромного горя и ужаса, который приносит любая война, а уж Вторая мировая — и подавно.

Мы жили на Гороховой улице (тогда — Дзержинского), дом 18, квартира 9 (дом Бутурлина). В этом здании было учреждено первое в России Училище глухонемых, затем находился Педагогический университет им. А. И. Герцена. Преподаватели до войны жили в этом же доме и во флигеле. Моя бабушка работала в институте, и после революции ей как активной революционерке (она знала самого Ленина) за заслуги предоставили квартиру из пяти комнат. Потом нас уплотнили и две комнаты отобрали.

У бабушки с дедушкой было трое детей, одна дочь уехала в Новгород, а вторая дочь (моя мама) и сын со своими семьями жили вместе с ними. У дяди был один ребенок, а нас у родителей — пятеро. Я родилась 3 октября 1932 года третьим ребенком в большой и дружной семье. Мой брат Герман родился 9 августа 1929 года (он работал с двенадцати лет, впоследствии был целинником — сейчас и не знают этого слова). Сестра Людмила родилась 4 ноября 1930 года (и до сих пор живет в Санкт-Петербурге), а 21 марта 1941 года родилась моя сестра Надежда (в наши дни переехавшая в Израиль).

В парадной дома сидел швейцар Тимофей Фаддеевич, он гонял нас, не разрешая выбегать на улицу. А у ворот дежурил дворник

Иван, я знала, что он был «из кулаков». Когда началась война, его жена сказала моей бабушке: «Придет немец, я доложу, что ты коммунистка». Вот тогда мы и узнали, что наш дворник был классовым врагом советской власти, скрывавшимся до поры.

На войну я попала прямо из кинотеатра «Баррикада»... 22 июня 1941 года мы, трое старших детей, не уехали на дачу, а пошли в кино на фильм «Фронтовые подруги» (с актрисами Жеймо и Федоровой). Когда вышли из кинотеатра, то попали в настоящую войну, которая шла уже восемь часов, и многие к тому времени погибли.

Вскоре нас, школьников, эвакуировали в Малую Вишеру — прямо навстречу наступающим немцам. Не знаю, о чем думали, когда отправляли детей без зимней одежды, без каких-либо запасов. В летних платьях и сандалиях мы очутились в школе. Колхоз кормил, но как мы могли существовать? Мы бы пропали, но старшие увидели немцев на берегу реки. Ночью мы не спали и с рассветом погрузили свои нехитрые пожитки на лошадь, которую дал колхоз, и зашагали по дороге на станцию.

Не помню, сколько мы шли. На станции поездов не было. Наконец пришел паровоз, он был последний: судьба хранила нас. Когда мы шли по дороге, я оглянулась и в окне дома у дороги увидела отца, он зашел попить воды — это ли не чудо, что мы встретились?!

Мы собирались в эвакуацию уже с матерью и грудным младенцем, но кольцо вокруг города замкнулось. Зато мы успели насушить сухарей в дорогу, они нас и спасали некоторое время.

Мама замачивала желудевый кофе, добавляла немного сухарей и пекла лепешки из кофейной гущи. Кофе продавали без карточек, еще в аптеке покупали рыбий жир и сироп, но все это скоро кончилось. Мы бы погибли, но в нашем доме сформировали госпиталь. С осени мы подбирали на помойке очистки, капустные кочерыжки и другие отходы госпиталя. Также в госпитале стоял аппарат, и для раненых зимой делали настой из сосновых иголок, иногда давали и нам.

Отец мой, Сергей Донатович Антонович, на фронте не был — он работал «на оборону», как тогда говорили, и имел броню. Цех был на Невском проспекте, дом 32. Однажды недалеко убило лошадь снарядом. Рабочим дали немного конины. Эта лошадь тоже нам помогла выжить. И еще выдавали рабочим дуранду! Теперь о ней знают немногие, это жмых из подсолнечника, льна или конопли. Мы сосали ее, как конфеты, но она очень мало питательна. Был у отца еще столярный клей, его мы тоже съели.

Но самое главное, никто не сомневался в победе, по крайней мере, в нашей семье. Если бы мы сомневались, то совершенно точно не выжили бы. Это был важный фактор.

В день, который считают началом блокады, началась бомбежка. Все жильцы нашего дома стояли на лестнице, почему-то считалось, что так безопаснее. Стоял такой грохот, что казалось, на земле остался только наш дом. По лестнице вверх и вниз бегала тетя Лина — дети ее ушли, а она не знала, что с ними. Когда бомбежка кончилась и мы вышли на улицу, я удивилась тому, что ничего не изменилось: светило солнце, было тихо и красиво. В наш дом в тот раз не попало ни одной бомбы. Судьба пока хранила нас.

Помню учителя Эрнеста Вельферта (отчество не осталось в памяти), я дружила с его младшей дочерью Лелей. С началом войны его семья уехала — Татьяна Николаевна, Леля и Ира, а он остался со своей матерью. Он был немец, на фронт его не брали. И он стал готовить наш дом к обороне. Первым делом побелил чердак известью, установил ящики с песком и бочки с водой. Мы тогда разобрали на песок насыпную горку для зимних катаний во дворе под руководством Вельферта. Окна со стороны улицы заложили песком — стекла остались целы всю блокаду. На крыше дежурили все взрослые по очереди, сбрасывали и тушили зажигалки. Детей туда не пускали, но мой одиннадцатилетний брат тоже тушил зажигалки.

Позже Вельферт умер от голода, а его мать сгорела от свечки. Я ее помню всю жизнь. Когда мы приходили к ним в гости, Лелина бабушка угощала нас арахисом в скорлупе, тогда его называли китайскими орешками. А мы жили бедно, покупали только грецкие орехи на Новый год, чтобы вешать на елку.

В ноябре немцы подступали к Москве, было очень страшно. Помню, мы искали во всех шкафах завалявшиеся продукты, и самое удивительное — нашли засохшую корку хлеба! От голода были галлюцинации: стоило закрыть глаза, как всплывала тарелка с гречневой кашей и котлетами. Почему-то меня мучили именно эти продукты, особенно запах.

Еще с осени в нашей комнате были выбиты стекла — от близкого разрыва снаряда стекла разлетелись по комнате, но никого не ранили. Мы во время бомбежки ходили прятаться в помещения на первом этаже, выходящем на набережную Мойки. И опять чудо: в один из дней мы почему-то не пошли туда. А снаряд попал прямо в это помещение. Вообще снарядов и бомб было очень много. Сна-

чала ребята подбирали осколки, еще теплые. Но ближе к зиме уже никто не гулял в нашем дворе. Люди умирали, и трупы складывали в прачечную.

В первые дни войны дядя Алексей Дмитриевич Зиновьев ушел на фронт, прошел всю войну до Берлина. Раньше он работал на заводе имени Марти, а после его ухода туда же пошла работать его жена, тетя Варя. Ее убило снарядом прямо в трамвае, когда она возвращалась с работы. Аккуратные немцы обстреливали остановки трамваев, именно когда люди ехали на работу или возвращались домой. Моего двоюродного брата взяла к себе заведующая детским садом, в который он ходил до смерти матери. До конца войны он жил в ее доме, пока отец не вернулся после Победы. Такие были люди.

Мой дедушка Дмитрий Михайлович Трифонов как-то в декабре 1941 года ушел на работу и не вернулся домой. Он работал заведующим хозяйственным магазином. Где он упал, где похоронен — мы не знаем до сих пор. Искать его ни у кого не было сил. Он умер первым.

Бабушка Мария Зиновьевна Зиновьева слегла и уже не встала. 5 апреля 1942 года она умерла и долго лежала на плите в холодной кухне, завернутая в розовую материю (досок на гроб уже не было, да и сил не было вовсе). В прачечную мы ее не стали складывать. Целую неделю бабушку не могли похоронить, пока

мама и тетя Варя получили выходной день и увезли ее на санках. Я долго не могла понять, почему мне не жалко бабушку. Думала, что я жестокая, а я просто была полумертвая. И я также могла лежать на плите в холодной кухне или там, где меня могла застать смерть. Только потом я узнала, что перед смертью люди теряют чувства, вот почему мне было не жалко бабушку, и даже никакого страха я не испытывала.

Перед смертью бабушки, в феврале, умер дядя Саша. Ему еще купили доски на гроб. Тетя Катя отдала за них 400 граммов хлеба — неслыханная по тем временам цена.

Умерла и бабушка Маня, которая хотела донести на мою бабушку немцам.

Потом прибавили паек, и стало легче. Отец с братом ходили за травой. Один раз у них отобрали мешок травы, но иногда мы все-таки питались одуванчиками, лебедой, подорожником и еще какой-то неизвестной травой. Это было совершенно невкусно, но очень необходимо.

Лето я плохо помню. Но в августе нам просто не выдали карточки. Пришлось эвакуироваться по Ладоге, это было страшно и очень тяжело.

Недавно я увидела по телевизору мальчика, который нес чайник, — это была эвакуация. Вот так и я шла когда-то с медным чайником под дождем к церкви, в которой мы ночевали после переправы на катере. Мысль, что у нас нет дома и идем мы неизвестно куда, ужасала, я об этом помню всю жизнь.

Мне лично помогли выжить Ленинградское радио и книги. Был такой цикл — «Чтение с продолжением». Вечером по радио читали классику наши великие артисты. На самом интересном чтение обрывалось, и мы ждали следующий вечер, чтобы узнать, что же было дальше. Дикторы читали много. Мария Григорьевна Петрова многим людям просто помогла выжить. Жаль, что теперь мало вспоминают и Петрову, и Горина-Горяинова, Хенкина, Качалова. Это были прекрасные люди, они достойны людской памяти.

Не дай бог никому пережить то, что выпало на долю детей войны! Люди не должны воевать. Места на земле хватит всем.

Вот так и я шла когда-то с медным чайником под дождем к церкви, в которой мы ночевали после переправы на катере.

ВОРОНКОВ
МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ

«СРАЗУ ТРУПЫ НЕ ХОРОНИЛИ, А СОБИРАЛИ, КАК ПОЛЕННИЦЫ ДРОВ, И ЗАТЕМ ВЫВОЗИЛИ НА ГРУЗОВИКАХ, ИНОГДА С ПРИЦЕПАМИ»

Я родился в 1939 году. Пишу по рассказам моей мамы — Пейсиной Зинаиды Федоровны. Мой отец — Пейсин Яков Михайлович погиб в боях в августе 1941 года.

В начале сентября 1941 года немецкая авиация нанесла удар по продовольственным Бадаевским складам города, черный дым был виден из окна нашей комнаты на Лесном проспекте. Затем налеты велись постоянно.

В городе отключили водоснабжение, свет, отопление, была введена карточная система распределения продовольствия. В конце сентября или начале октября по «сарафанному» радио люди узнали, что на складах станции Кушелевка остались бочки с капустой.

В этот период мама потеряла продовольственные карточки и деньги — оставила в пригородном поезде. Вместе с другими женщинами и подростками двенадцати-тринадцати лет она пошла на станцию, надеясь что-то найти. Бочки оказались большими чанами, врытыми в землю. Внизу на дне были остатки капусты. Подростки залезали внутрь чанов, а женщины собирали капусту как могли.

Когда они возвращались обратно домой, на тропинке вдоль железной ветки лежало несколько трупов. Подростки еще могли шутить: «Вот объелись, встать не могут». В городе уже начался голод.

Воду в наших домах на Лесном проспекте, дом 37, можно было набрать только в пожарной части около третьего и четвертого корпусов. Рядом с пожарной частью находился сарай, куда с наступлением холодов стали свозить трупы людей, умерших в своих квартирах. Сразу их не хоронили, а собирали, как поленницы дров, и затем вывозили на грузовиках, иногда с прицепами. На трупы сверху садились женщины-грузчики.

В квартирах домов, на кухнях имелись плиты, которые топились дровами, углем и всем, что могло вообще гореть, жгли книги, тетради. Соседей в нашей квартире уже не было, они уехали куда-то с началом блокады, и мы втроем — мама и мы с сестрой — спали на этой плите. Когда топить плиту стало нечем, мама посадила нас с сестрой на санки и пошла к свекрови на набережную реки Фонтанки, дом 103. Идти было страшно, ведь случаи разбоев в городе были не так редки.

Мама рассказывала, что, когда она шла по набережной Фонтанки, из двора доносились крики о помощи. Помочь кому-то в такие моменты было сложно, практически невозможно, потому что люди были слишком истощены. Ели в этот период все, что можно было как-то достать или выменять на вещи, даже столярный клей.

25 января 1942 года бабушка умерла, и мама с нами возвратилась на Лесной проспект.

С наступлением теплых дней появилась возможность собирать траву и корешки растений.

В мае 1942 года пришли документы из военкомата на эвакуацию из блокированного города. Отправка людей производилась с Финляндского вокзала до берега Ладожского озера, затем по воде на другую сторону озера до поселка Лаврово. Там предстояла посадка в товарные вагоны для следования вглубь страны. С нами по наше-

му литеру ехал пятнадцатилетний сосед-подросток. Пока ожидали посадки в эшелон, этот мальчишка поймал где-то кошку, которую сварили на костре, и все вместе мы ее съели.

Мама рассказывала, что в пути следования во всем был порядок, практически не имелось никакой охраны, однако воровства или грабежей не случалось.

От Ладоги поезд повез людей на Урал. По пути было организовано питание эвакуированных. Ни денег, ни документов на это не требовалось — истощенных людей было видно и так.

Под городом Свердловском маму сняли с поезда и вместе с нами отправили в больницу, потому что она уже не могла ходить. Из Свердловска мы попали в г. Невьянск, где мама поступила на работу на кирпичный завод. Там мы прожили до окончания войны.

В начале 1945 года мы вернулись в Ленинград. Мама поступила на работу на оборонный завод, где работала на его восстановлении и дальше до пенсии в одном из цехов.

ГАРЕЕВА
НАИМА ШАКИРОВНА

«ПОСЛЕ СМЕРТИ МАМЫ НАС С БРАТОМ СНЯЛИ С ПОЕЗДА И ПОДСЕЛИЛИ, КАК БЕСПРИЗОРНЫХ, К КАКОЙ-ТО БАБУШКЕ»

Родилась я в Ленинграде в 1931 году. До войны мы жили на Васильевском острове, 5-я линия, дом 2, квартира 3, в большой коммунальной квартире из одиннадцати комнат. У нас была одна комната с мамой, папой и братом. В соседних комнатах жили семьями мои тетя, бабушка, два маминых брата. Нас было много — двоюродных братьев и сестер, мы дружили и вместе играли.

Папа работал на заводе ЭПРОН на Петроградской стороне, мама — на хлебозаводе. Я закончила первый класс, а старший брат — третий. Перед самым началом войны у нас родился маленький братик.

Когда началась война, папин завод эвакуировали. Но папа отказался от брони, потому что мама не захотела уезжать от своей мамы и родных. Так папа пошел на войну, а мы с мамой и моими двумя братиками остались.

Мои родной брат вместе с двоюродным ходил за молоком для малыша в больницу им. Отта. Там он и встретил раненого отца: папа несколько раз был ранен и каждый раз попадал в эту больницу. Папа помогал нам продуктами, приносил нам то, чем его кормили в больнице.

В блокаду было очень тяжело — голодно и холодно. За водой ходили на Неву. В начале 1942 года первым умер маленький братишка, затем бабушка и мамина сестра.

Позже, когда началась эвакуация и дети маминой сестры с моим дядей решили уехать, наша мама тоже решила уехать. Папа проводил нас на санях до Финляндского вокзала, затем вернулся в госпиталь. После выздоровления он снова отправился на фронт.

Когда мы ехали в товарном вагоне, мама умерла по дороге. Ее взяли на станции Череповец. Так мы остались вдвоем с братом, мне было десять лет, а ему двенадцать.

Нас высадили на какой-то станции и подселили, как беспризорных детей, к какой-то бабушке. У нее мы жили целый год. Позже брат приобрел друзей, и они ему объяснили, как нам доехать до нашего дяди. Мы нашли его и стали жить вместе с его большой семьей. Год нас кормили, а потом сказали, чтобы мы уезжали жить в родительский дом.

Позже папа написал письмо брату, в котором осведомился, где мы и что с нами. Дядя ему все рассказал: что с детьми все в порядке, а вот мамы больше нет в живых.

По окончании войны папа приехал в город и вызвал нас к себе.

Когда началась война, папин завод эвакуировали. Но папа отказался от брони, потому что мама не захотела уезжать от своей мамы и родных. Так папа пошел на войну, а мы с мамой и тетями двумя братиками остались.

МАТВЕЕВА
АЛЕКСАНДРА КОНСТАНТИНОВНА
ПРОХОРОВА
АНТОНИНА НИКОЛАЕВНА

«БАБУШКУ И МАМУ СПАС МОЙ ОТЕЦ. ОН ПРИНЕС ИМ ПАЕК СВОЙ И СВОИХ ТОВАРИЩЕЙ»

Воспоминания Квят Галины Борисовны, дочери и внучки блокадников, которые во время блокады с первого до последнего дня работали в осажденном Ленинграде все 900 дней:

– Было страшное, тяжелое время, поэтому мама и бабушка не любили вспоминать о блокаде. Ведь они потеряли самых близких и родных людей.

Отчим мамы умер в самом начале блокады, а затем и бабушка мамы. Где они захоронены, неизвестно, только знаем, что где-то на Охтинском кладбище.

На фото: мама Матвеева Александра Константиновна

Моя бабушка, Прохорова Антонина Николаевна (13.06.1901—27.07.1978), ходила рыть окопы, сбрасывала зажигалки, дежуря на крышах, помогала соседям с детьми и ослабленным от голода спускаться в бомбоубежище во время бомбежек, работала на мельнице Ленина.

Когда началась война, моя мама, Матвеева Александра Константиновна (26.04.1924 — 05.12.2009), окончила школу и пошла ра-

ботать на фабрику, где шили ватники и рукавицы для бойцов нашей армии. После работы мама дежурила на крыше, сбрасывала зажигалки, ходила по квартирам, проверяла, все ли живы. Квартиры не закрывались. Затем по запросу ее как активную комсомолку послали работать в Ленинский райком партии, где она служила связисткой. Живя на улице Маяковского, моя мама ходила через весь город пешком, ведь транспорт не работал, а райком находился на проспекте Огородникова (сейчас Рижский). Иногда она подсаживалась на подводу, но извозчик прогонял ее кнутом, потому что боялся, что лошадь падет.

За водой ходили на Неву, отапливали комнату книгами, мебелью. В общем, жили как все.

Бабушка в 1942 году уже умирала. Она вся опухла, не вставала с кровати. Решили продать последнее, что у них оставалось, — сережки с хризолитом, которые подарил маме отчим, и это была единственная память о любимом человеке. Но сережек не оказалось на месте. Как выяснилось позже, лучшая подруга мамы их украла. Она хотела есть и ничего уже не понимала, не соображала, что по ее вине умрет другой человек — только любым способом получить еду. Она сама об этом рассказала.

Бабушку и маму спас мой отец. Он служил на подводной лодке, которая защищала Ленинград. Он принес им паек свой и своих товарищей. Мои родные поделились с соседями. Так отец и его сослуживцы спасли не только мою семью. Все старались помогать друг другу.

Познакомились мама с отцом на балу во Дворце культуры моряков. Несмотря на войну, блокаду, власти старались поддерживать в людях желание жить. Работала филармония, Театр музыкальной комедии, вот и был организован бал для моряков, защищавших Ленинград, куда пригласили и лучших работников. Так и познакомились мои родители, а в 1943 году они поженились.

Из нашего двора по улице Маяковского, дом 17, никто не уехал в эвакуацию, и всю жизнь все очень дружили, ведь вместе было много пережито, и взаимная поддержка помогла им выжить.

В 1967 году дом пошел на капитальный ремонт, многие жильцы получили квартиры во Фрунзенском районе, другие — в Сосновой Поляне. Но даже после расселения дома связь людей, совместно переживших то страшное время, сохранилась.

Живя на улице Маяковского, моя мама ходила через весь город пешком

Во время блокады открывались самые лучшие и плохие стороны человека. Некоторые нажились на страданиях других и ничем не брезговали. Такая одна семья жила в нашем дворе. После войны они переехали туда, где их никто не знал. Но таких в нашем городе были единицы. Все жили, как одна семья, помогая друг другу.

Несмотря на войну, блокаду, власти старались поддерживать в людях желание жить.

На фото: бабушка Прохорова Антонина Николаевна

ЖУКОВА (ПРОКОФЬЕВА)
НИНА ИОСИФОВНА

«ВО ВРЕМЯ СТРАШНОГО ОБСТРЕЛА С ПОДРУЖКОЙ ЗАБЕЖАЛИ НА ЛЕСТНИЦУ ЧУЖОГО ДОМА, ТАМ НАС, ПИОНЕРОК-ВТОРОКЛАССНИЦ, ЖЕНЩИНЫ НАУЧИЛИ КРЕСТИТЬСЯ И МОЛИТЬСЯ»

Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась та война.
Ведь эта память — наша совесть,
Она как сила нам нужна.

Я родилась 30 января 1934 года. Мечтала 1 сентября 1941 года пойти в школу, уже были куплены тетради, карандаши и портфель, но.... увы, мечте не суждено было сбыться — началась война!

Жили мы в поселке Кленово, в доме от Кировского завода (было построено всего четыре каменных дома, и дали комнаты лучшим заводским работникам). Это недалеко от нынешнего Автово, трамвай № 36 шел от завода до нашего поселка, расположенного на горе, и дальше до Стрельны.

Не случайно начинаю свое воспоминание с этого времени — счастливого довоенного, когда впервые мы жили в своей собственной солнечной комнате с замечательными соседями по квартире. И вдруг — ужас, война обрушилась на наши дома так неожиданно. Помню эпизод: мы, дети, смотрели фильм «Чапаев» в клубе — и вдруг задрожали стены, пол, фильм прекратили, и все бросились к

И вдруг — ужас, война обрушилась на наши дома так неожиданно.

выходу. Что-то случилось... Выскочили на улицу — там взрослые что-то кричали, суетились. Хватали своих ребятишек и бежали к дому. Было непонятно и страшно. Вот тогда впервые я поняла, что война — это страшно.

А дальше — еще страшнее: мама уехала за своей сестрой, моей крестной, у нее было два маленьких ребенка — Юра (два года) и Валечка (три месяца) — мама решила, что у нас на окраине будет спокойнее. И вот мы вместе, казалось, взрослым так лучше. Но все получилось хуже. Первый же обстрел разрушил часть нашего дома, нашу комнату и кухню. Все жильцы стали жить в подвале, где у каждой семьи был закуток, что-то вроде нар.

На фото: Нине 11 лет

Плохо помню, чем мы питались. Женщины почему-то выползали из окон подвала на поле и собирали турнепс, в подвале посередине стоял мешок с сахарным песком (это женщины притащили из разбитого магазина), макали турнепс в песок и грызли. Сколько времени прошло так, я не знаю, мама вспоминала, что июль и до 19 августа.

Потом взрослые женщины (мужчины были все уже давно на фронте) собрались на совет и решили идти пешком вдоль трамвайной линии до Кировского завода. Выползали из окна подвала, шли цепочкой. Пока спускались с горки до трамвайной насыпи, было тихо, как только стали подниматься на рельсы, началась стрельба, свист пуль, крики... Это стреляли из клуба: оказывается, там засели немецкие десантники, которые заметили наших солдатиков, помогавших нам перейти трамвайную линию. Вот тогда я впервые увидела смерть, раненых и убитых...

И все-таки мы шли с другой стороны насыпи. Сколько нас было? Мама говорила, восемнадцать человек вместе с детьми: мама несла Юру двухлетнего, крестная — маленького сынишку, я несла свой портфель с тетрадками. Было солнечно, жарко, трудно идти, хотелось пить.... Первые испытания войной! Шли, казалось, целую вечность, добрались до Форели (там сейчас Трамвайный проспект). И тут нам повезло: военная машина! Нашу процессию беженцев посадили в кузов и повезли в центр.

Крестная тогда жила у Калинкина моста (на Таракановке, ныне улице Циолковского). Мы все — мама, крестная, я, Юра и маленький Ванечка — поселились в одной ее комнате на первом этаже! Окна были забиты досками и чем-то завешаны. Электричества не было. Помню, что появилась посредине комнаты буржуйка. Началась блокада. Голод, холод, дуранда и обстрелы — ведь это Ленинский район, рядом Гознак, вагранка, фабрика Дзержинского, завод «Красный Треугольник», военно-морской госпиталь, порт — все рядом. Поэтому обстрелы и бомбежки почувствовали сразу.

За водой выползали с бидончиками на Фонтанку — благо она рядом.

Я была такой дистрофик, все время хотела пить, и кончилось тем, что опухла, словно вся раздулась, оказалось, что не выдержали почки. Это было 27 января 1942 года. Запомнила свой день именин навсегда!

Взрослые уходили на работу: крестная работала в порту, мама — на курсах училась на водопроводчика. А мы оставались дома одни, закрытые в комнате с заколоченными окнами, укутанные какими-то платками, чтобы не замерзнуть — лежали под одеялами. Вечером мама топила буржуйку, грела воду, сушила паек хлеба, чтобы сухарики дольше можно было сосать, и еще помню сушеные очистки свеклы — сладкие.

А дальше потянулись мрачные дни до самой весны. Весной на Таракановке появилась травка, собирали лебеду, еще какую-то зелень.

В августе нам дали комнату в Дерптском переулке, дом 11а, потому что мама стала работать после окончания курсов водопроводчиком (а ведь до войны она была поваром).

В августе меня определили на площадку по подготовке в первый класс, там нас уже подкармливали чечевичной кашей, вкуснее которой ничего не было, до сих пор помню тот вкус.

1 сентября 1942 года я пошла в первый класс школы № 265 на Курляндской улице, но учились мы в основном в бомбоубежище, потому что бомбежки и обстрелы были постоянные. Попал снаряд в нашу школу, нас перевели в школу № 280 на год, а в третий класс снова вернули в свою родную 265-ю. Так прошли самые трудные годы.

До сих пор помню обстрелы, усыпанный кирпичами и стеклами переулок, страх и дождь...

Дважды попадала под жуткий обстрел, когда не знаешь, куда спрятаться, — везде страшно. До сих пор, когда смотрю фильмы про войну, про блокаду, снова переживаю мучительно.

Умер братик зимой 1942 года, было ему уже одиннадцать месяцев. У двухлетнего Юры отказали ноги — не мог ходить. Мы мучились от холода, спали все вместе, чтобы согреться — пять человек на одной кровати. Какие-то полубредовые воспоминания о тех днях, месяцах. Но пока человек живой, он хочет жить, выжить. Так и было.

Когда по карточкам давали крупу, был суп. И в комнате становилось теплее. Вот так и выживали в эту трудную зиму. Она для всех блокадников была одинаковая: голодная, холодная, болезненная, страшная. Но было и светлое: когда училась в школе, в первом, втором классе, нам давали соевое молоко. У всех были маленькие бидончики. Наверное, емкостью один стакан. И мы несли это лакомство домой. А еще нас подкармливали немного винегретом, чуточку хлебом и половиной конфетки. О нас заботились, хотели, чтобы дети выжили и могли учиться.

Вспомнила один случай. Был день, очень тепло, солнечно, мы с подружкой Валей Кудрявцевой возвращались из школы, учились тогда во втором классе на 12-й Красноармейской, наверное, это был 1943 год. Было так хорошо на улице — и вдруг сирена, гул, шум, все бегут, кричат. Мы добежали уже до своего Дерптского переулка, Валя жила в доме № 9 (второй от угла), заскочили в ее парадную, вдруг — ух-бух — нас от одной стены к другой так тарахнуло, что распахнулась дверь парадной, мы выскочили на улицу... В доме № 8, напротив, стояло много женщин на лестнице — мы к ним. Кто-то говорит, плачет: «Молитесь, креститесь...» — учат нас, как нужно (а мы же пионерки!) — так в первый раз мы молились... И в это время снова: бух, запахло дымом. Крики: «Горим? Бежим!» Женщины бросились вниз, на улицу, мы за ними... Ужас! Весь наш переулок в кирпичах, в стекле, в каком-то мусоре... А в окне первого этажа огромная дыра и что-то трещит... Куда бежать? Домой?!

Дом рядом, почти напротив, а как бежать? Стекла... Где мама? Где крестная, Юра? В парадную не войти — все засыпано. И вдруг наша дворник тетя Ульяна из парадной кричит: «Сюда, ко мне быстрее!» И вдруг снова все тихо... Это был налет. Оказывается, в дом № 9 во двор попала бомба, в наш двор — тоже, а в дом № 8 — в первый этаж, в окно. Как мы спаслись? Значит, судьба.

В этот день было много жертв. А меня била дрожь, как в лихорадке, до самого вечера. Даже сейчас вспоминать страшно.

Во втором классе нас приняли в пионеры. Галстук мама сшила сама, а значок нам выдали торжественно. Я его передала в музей школы № 318 , где работала учителем с 1994 года по 2006 год.

К сожалению, торжественный прием в пионеры закончился уже в бомбоубежище школы, потому что начался страшный артобстрел, и нас быстро спустили в подвал-бомбоубежище, где мы под свет керосиновых ламп давали клятву верности Родине. Это событие я на всю жизнь запомнила.

А еще светлый день — праздник снятия блокады! Салют, радость, казалось, сердце выпрыгнет из груди. Наша учительница Варвара Ивановна Чиж пела и плясала вместе с нами. Она была настоящим воспитателем, учителем и педагогом. Я училась у нее с первого по третий класс. И в День Победы, я помню май 1945 года, мы все вместе выскочили на улицу, орали, кричали, бросали вверх портфели. Безумствовали!

Осенью 1945 года нас всех построили и торжественно перевели по классам в школу № 278 на проспекте Огородникова, где нас учили с четвертого класса уже другие, но тоже прекрасные учителя. Я до сих пор помню трех Анн — бывших «смолянок»: они прекрасно говорили по-французски, ходили в длинных юбках и платьях до пола, словом, настоящие «смолянки» — Анна Петровна (русский язык), Анна Емельяновна (математика), Анна Гаспаровна (рисование и черчение). Еще был физик Венедикт Порфирьевич Демкович (наш классный руководитель с шестого класса, у него были оценки «четыре», «пять» и «единица»).

Школу я окончила в 1959 году и поступила в пединститут имени А. И. Герцена на факультет русского языка и литературы, который окончила в 1956 году. По комсомольской путевке была направлена на целину в Казахстан — в сельскую среднюю школу Кустанайского района, где работала три с половиной года. Но это уже другая эпоха в моей жизни.

С 1956 года по 2006 год — мой стаж учителя русского языка и литературы (из них — девять лет завучем и десять лет — директором). Сначала после Казахстана с сентября 1959 года — Ленинский район, школа № 271, с 1968 года (с января) открылась новая школа № 311 во Фрунзенском районе, затем — школа № 299 (директор шесть лет), а потом по направлению Горво-

енкомата — в Германии, в группе Советских войск, четыре года директором.

Вернулась в родной город Ленинград в 1958 году — и снова за учительский труд. И так до 2006 года. Вырастила двух дочерей, двух внуков, а теперь стала прабабушкой. Скоро отмечу восьмидесятилетие, надеюсь, доживу до этого юбилея.

На фото: 4-Б класс

Было так хорошо на улице — и вдруг сирена, гул, шум, все бегут, кричат. Мы добежали уже до своего Дерптского переулка...

ОЛЕХНОВИЧ
ГАЛИНА ВИТАЛЬЕВНА

«НАВСЕГДА ЗАПОМНИЛА ПРАЗДНИК, КОГДА ОТЕЦ ПРИНЕС НЕМНОГО КАРТОФЕЛЬНЫХ ОЧИСТОК»

В начале блокады мне было пять лет. Мы жили в большой коммунальной квартире на Рузовской улице, дом 9, у Витебского вокзала. Часть соседей эвакуировалась до блокады, а шесть человек умерло зимой 1941 года от голода.

Отец мой, Олехнович Виталий Владимирович, работал на Охте, ходил пешком на работу, поскольку транспорт не действовал. Он умел все делать сам. Сделал печку-буржуйку, труба выходила в форточку, топили обломками мебели и тем, что он собирал по дороге на работу. Когда наступил голод, съели все, что можно было использовать для еды — казеиновый клей, олифу. Я навсегда запомнила, какой был праздник, когда отец принес немного картофельных очисток, которые ему дали за то, что он починил что-то в столовой.

Отец уходил на работу, а мы с больной мамой лежали, укутанные, на кровати. Немцы старались разбомбить Витебский вокзал, над нами рвались бомбы, я все говорила маме: «Это не к нам». После мы увидели: противоположная сторона улицы была уничтожена, был разбомблен соседний дом.

Дядя Николай Владимирович служил на ледоколе «Ермак», тетя Людмила Владимировна, ей было двадцать лет, была шофером на Дороге жизни. Как могли, они делились с нами своими крохами еды, чтобы спасти меня.

В августе 1942 года отца забрали на курсы подготовки офицеров. Уходя на фронт, он нас отправил в эвакуацию. Вывозили жен-

щин с детьми на баржах по Ладожскому озеру, а над нами летали немецкие самолеты и бомбили. Катер и баржа с людьми на наших глазах были потоплены.

На другом берегу Ладоги эвакуированных встречали, давали пайки, но предупреждали, что есть можно только понемногу, иначе истощенный человек может погибнуть. Затем нас погрузили в товарные вагоны-теплушки и отправили вглубь страны. Так мы с мамой попали на Алтай.

Отец воевал на Ленинградском фронте командиром взвода, был награжден медалями, в том числе «За оборону Ленинграда». Однажды во время боя был так контужен, что его посчитали мертвым, завернули в плащ-палатку и положили в воронку, чтобы похоронить. Один из бойцов вдруг заметил слабое дыхание, отца вытащили ползком, на себе. Пока тащили, ранило его в ногу. Потом госпиталь, долго не приходил в сознание, потерял речь, был отправлен в Новосибирск на длительное лечение. Из госпиталя вышел только в мае 1944 года инвалидом I группы. Приехал к нам с мамой на Алтай.

В сентябре 1945 года наша семья по вызову с работы отца вернулась в Ленинград.

На другом берегу Ладоги эвакуированных встречали, давали пайки, но предупреждали, что есть можно только понемногу...

На большой перемене нам привозили бидон с похлебкой, она отдавала свою порцию истощенному мальчику...

ГИМПЕЛЬСОН СОФИЯ МОИСЕЕВНА

«ЗА ТРУД НА ФАБРИКЕ Я, ШЕСТИЛЕТНЯЯ, ПОЛУЧАЛА ПОХЛЕБКУ И МЧАЛАСЬ ПО МОРОЗУ КОРМИТЬ СТАРШУЮ СЕСТРУ С ПОСЛЕДНЕЙ СТАДИЕЙ ДИСТРОФИИ»

На склоне лет (а мне уже 79) вспомнить все, что было в жизни, трудно, особенно это относится к детству и юности. Запомнилось лишь то, что забыть нельзя.

В 1935 году я родилась, а в 1941 году война началась. Мне было всего лишь шесть лет. Отца сразу призвали на фронт, больше я его никогда не видела.

Жили мы в Выборгском районе, вместе со мной — моя мама и две старшие сестры. Дом был ветхий, деревянный, удобств никаких. Мама часто болела.

Блокада внезапно вошла в мое детство. Ничто не предвещало такой неожиданной ситуации. Запасов продовольственных у нас никаких не было. Жить стало очень трудно. Начались бомбежки, голод, холод, воздушные тревоги. Надо было как-то выживать.

Неподалеку от нас находилась фетроваляльная фабрика, куда устроилась моя мама. Производство работало день и ночь, изго-

тавливали валенки для фронта. Руководил этим процессом единственный в коллективе мужчина — инвалид, которого по этой причине не призвали в армию. В цехе работали одни молодые женщины 18—20 лет. Маме разрешили брать меня на работу. Я заходила в цех — не видно ни зги, войлок кружился повсюду, попадал и в нос, и в горло.

Мне дали небольшую работу — привязывать шнурочки к валенкам, чтобы не перепутать размеры, а затем я их носила на склад готовой продукции, откуда их срочно отправляли на фронт. За свой труд я получала вознаграждение — пол-литровую алюминиевую кружку похлебки. Я брала эту кружку и мчалась домой по сорокаградусному морозу — покормить свою старшую сестру, у которой была последняя стадия дистрофии.

Дома было жутко холодно. Посреди комнаты поставили чугунную буржуйку, вывели трубу через окно, откуда очень сильно дуло, а отапливать было нечем. В ход пошло все, что горело. Бумаги не было, керосин и спички — дефицит, дров купить не на что и негде. Дорожили каждым угольком. Иногда, сэкономив на блокадной пайке хлеба (а мы на четверых получали 500 граммов), удавалось поменять ее на какую-нибудь осину, которая неделями тлела в буржуйке, не давая никакого тепла.

Дверь закрывали на лопату. Ночью одолевали огромные крысы, мы их очень боялись. Спали мы втроем, три сестры, на железной кровати, на одной перине, а другой накрывались. Света не было, сами делали фитильки. Голод и холод одолевали нас. Все время хотелось есть. Карточки хлебные отоваривали до конца месяца. Иногда давали по карточкам немного пшена, это была редкость.

Мы со старшей сестрой помогали маме чем могли. Нянчили чужих детей, иногда отоваривали их карточки. А весной, когда начиналась распутица, ездили в колхоз «Красный партизан» в Озерки — таскали перегнивший турнепс. За это платили трудоднями. Большинство людей, как и мы, жили в бедности, но все равно протягивали руку помощи: иногда согреют, иногда похлебкой угостят, иногда дарили нательные вещи — и все пригождалось.

Прошли два тяжелых года войны, наступил 1943 год. Я пошла в первый класс. Школа находилась недалеко от дома. Встретила меня первая учительница, ее звали Валентина Ивановна. Она выглядела очень старо, хотя ей было всего 29 лет, да и мы, дети, выглядели старушками. Учительница была строгая, но очень добрая. Я была левша, а она меня научила писать правой рукой, даже каллиграфически, и мои тетради по чистописанию висели на выставке. Мы ее очень любили. На большой перемене нам привозили бидон с похлебкой, она отдавала свою порцию истощенному мальчику, который впоследствии умер от голода. Иногда привозили на обед так называемую сырковую массу — это был торф с какими-то нитями, от которого всем было плохо. Изредка давали кусочек соевой дуранды, по цвету похожий на «цвет детской неожиданности», а когда давали семечную дуранду — это был настоящий деликатес.

Время шло, бомбежки не прекращались. Когда объявляли воздушную тревогу, мы прятались в бомбоубежище. Затем немножко затихало, и народ возвращался к обычной жизни. Старались помогать взрослым. С наступлением весны взрослые ломали лед, а дети на фанерках собирали его и везли в канавы, там он быстрее таял. В результате чистки дорог было намного меньше травм.

Потихоньку жизнь стала налаживаться и в культурном отношении. На фабрике появилась художественная самодеятельность. Стали организовывать всевозможные кружки. Руководила самодеятельностью Зинаида Степановна, в прошлом — работник культуры. Она организовывала всевозможные концерты, состоявшие из выступлений певцов, танцоров и поэтов, а затем возила нас на концерты в воинские части, которые находились недалеко от города, — в Пушкин, Сертолово, Юкки, Бугры (там стояли зенитки и аэростаты). Солдаты были самыми благодарными слушателями. К нашему приезду они готовили нам небольшие подарки — чай с хлебом и кусочком сахара, отрывая от своего скромного пайка.

Описать все тяготы войны почти невозможно. Никому не пожелаешь пережить то, что пережили мы. Каждый, кто жил в блокадном городе, внес крупицу своего труда, и где бы он ни находился — на фронте или в тылу (как мы, дети), — всюду и везде мы делали все, от нас зависящее, чтобы приблизить час победы над фашизмом.

Когда пришел День Победы, ликованию не было предела. Я благодарна судьбе, что до сих пор живу под голубым чистым небом. И я горжусь, что я ленинградка, что в городе славном живу!

Бумаги не было, керосин и спички были дефицитом, дров купить не на что и негде.

Когда объявляли воздушную тревогу, мы прятались в бомбоубежище

Иногда давали по карточкам немного крупы. Это была радость.

ШИНКАРЧУК
ТАМАРА АНДРЕЕВНА

«МЫ ПРОСИЛИ КОРОЧКУ ХЛЕБА, А МАМА ГЛАДИЛА НАС ПО ГОЛОВЕ И ПЛАКАЛА»

Я родилась в Ленинграде 31 августа 1938 года. Вместе с родителями и братом мы жили на улице Халтурина, дом 18, квартира 5.

В день начала войны мне было два года 10 месяцев, брату — семь лет, маме — 33 года, папе — 34 года. Папу, Кузнецова Андрея Сергеевича, призвали на Ленинградский фронт 1 июля 1941 года. Мы провожали его на фронт с Витебского вокзала.

Все 900 дней блокады мы пережили в своей квартире. Мой брат учился в школе № 201 на набережной реки Мойки. Каждое утро он провожал меня в детсад в соседнем доме. Мы часто попадали под обстрел, прятались под арками домов. По ночам и во время обстрела брат с ребятами дежурили на крышах домов, гасили зажигательные бомбы. Запомнилась на всю жизнь сирена, извещавшая горожан о начале воздушного и артиллерийского обстрелов. Вместе с соседями мы спускались в бомбоубежище. Там было темно, горели свечи, кто дремал, кто плакал. В памяти остался детский плач. Заболев водянкой, мама решила, что в бомбоубежище спускаться не будем, а если погибнем, то дома и все вместе.

Мама, Кузнецова Анна Семеновна, принимала участие в строительстве оборонительных рубежей в районе нынешней площади Победы, плела колючую проволоку в залах дома, где сейчас находится городской спорткомитет (на улице Халтурина, дом 22).

Вместе с братом мы ходили за водой на Неву. Володя ложился на живот и набирал ее для себя в два чайника, а для меня — в оранжевый кувшин с широким носиком.

По утрам мы просили корочку хлеба, мама гладила нас по голове, а сама плакала от этой нашей просьбы.

Не помню, кто из сестер папы научил меня словам: «Боже, Боже, дай мне кожи! Я сошью себе сапожи».

В конце февраля 1944 года, спускаясь по лестнице, мы встретили почтальона. Обращаясь к маме: «Анечка, крепись!» она протянула маме извещение о гибели папы при форсировании Нарвы.

Никогда не забуду день 9 мая 1945 года. Отсутствовавшая какое-то время в группе воспитательница детского сада вбежала в группу с криком и слезами: «Дети, война окончилась! Победа!» Восторг и радость у детей, и только мы, девять человек, сели в уголок и плакали, что наши папы к нам не вернутся. Они погибли, защищая Родину и всех нас.

Мужественный подвиг совершила моя мама, пережившая это суровое время с двумя детьми на руках, оставшись в 35 лет вдовой. Мама заслуженно награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За отвагу».

По утрам мы просили корочку хлеба, мама гладила нас по голове, а сама плакала от этой нашей просьбы.

ДОИЛЬНИЦЫН АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ

«КОГДА ОДИН ПОЛК НАШЕЙ ДИВИЗИИ ПОПАЛ В ОКРУЖЕНИЕ, МЫ ВДВОЕМ С НАПАРНИКОМ ПОД ПОКРОВОМ НОЧИ ПРОБРАЛИСЬ ТУДА И ВЫВЕЛИ ЕГО ИЗ ОКРУЖЕНИЯ»

Мне было семнадцать лет, когда я попал в Лепельское военно-пехотное училище

Родился в деревне Игнатовка Вельского района Архангельской области 27 мая 1925 года. Там рос и учился в школе, там же встретил начало войны. Конечно, как и все мальчишки того времени, с первых дней войны рвался на фронт.

Призвали в ряды Красной армии только 6 января 1943 года, прямо со школьной скамьи десятого класса. Мне было семнадцать лет, когда я попал в Лепельское военно-пехотное училище. По окончании училища был направлен в Воздушно-десантные войска. Во время войны, с июля по август 1944 года, принимал участие в боевых действиях на Карельском фронте, форсировании реки Свирь, прорыве сильно укрепленной и глубокоэшелонированной обороны немецко-финской блокады Ленинграда в районе Лодейного Поля. Карелия была освобождена от немецко-фашистских захватчиков, а Финляндия капитулировала и повернула оружие против Гитлера.

После Свирской победы с марта 1945 года и до окончания войны принимал участие в боевых действиях на Третьем Украинском фронте в составе 99-й гвардейской ордена Кутузова II степени Воздушно-десантной дивизии. Дивизия прошла с боями от Будапешта,

1950 год. Гвардии капитан
Алексей Доильницын

1950 год. После прыжка с парашютом.

освобождая Венгрию, участвовала в разгроме танковой группировки немцев в районе озера Балатон и города Секешфехервар, в освобождении территории Австрии и Вены.

Среди множества боевых действий особенно запомнился эпизод, когда один полк дивизии оказался отрезанным и попал в окружение, с ним прекратилась связь. По заданию мы вдвоем с напарником под покровом ночи пробрались в полк и вывели его из окружения.

После падения Берлина и капитуляции Третьего рейха дивизия совершила марш-бросок на Прагу, освободила ее, там и закончила войну.

Но моя десантная служба продолжалась еще четыре года на Дальнем Востоке. Демобилизовался в 1950 году в звании гвардии капитана.

После демобилизации из рядов Советской армии окончил с отличием Архангельский судостроительный техникум. Женился на однокурснице Алине Михайловне Лебедевой и вместе с ней был направлен на работу в Ленинград на Адмиралтейский завод.

В 1960 году окончил вечернее отделение Кораблестроительного института, работал в проектной организации судостроения в качестве ведущего конструктора и начальника сектора до выхода на пенсию в 1986 году.

Имею награды: орден Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За Победу», «Ветеран труда», «За службу России» и многие другие. Работаю на общественных началах в РОО «Ленинградский Совет ветеранов ВДВ».

Недавно с женой отметили 55-летний юбилей совместной жизни, у нас две дочери, внучка и внук.

После падения Берлина и капитуляции Третьего рейха дивизия совершила марш-бросок на Прагу...

ПЕНЕВА МАРИЯ ДМИТРИЕВНА

«НА МОИХ ГЛАЗАХ ПОДОРВАЛИСЬ ЧЕТВЕРО ТОВАРИЩЕЙ»

Я родилась в 1922 году. До призыва в местную противовоздушную оборону работала в тресте столовых Фрунзенского района Ленинграда. С 27 марта 1942 года по 1 сентября 1944 года состояла в формированиях МПВО, с 12 июля 1943 года была переведена на положение военнослужащей.

Во время службы в МПВО мы работали по всему городу: убирали улицы от завалов, на всевозможных объектах восстанавливали отопление и водопровод, в том числе и в гостинице «Астория». Помнится, как около Обуховского моста, у Международного проспекта, попала под сильный обстрел, чудом осталась жива.

После перевода в РККА я принимала участие в восстановлении железной дороги между железнодорожными станциями Лигово и Александровка. Нашим командиром был капитан Литвинов. Жили в землянках, брошенных отступающими немцами.

Закончив ремонт дороги в Александровке, мы вернулись в Ленинград, в казармы. Прислали двух инструкторов-минеров. Нас подготовили и отправили на минные поля в Гатчинский район. В радиусе 12 километров от села Рождествено мы собирали боеприпасы. Было еще очень много неубранных немецких трупов. На моих глазах подорвались четверо наших товарищей: у командира Стесина оторвало руку, у Хайкиной — кисть руки. Было очень тяжело, но, видимо, помогало то, что мы были молодые.

После войны я вышла замуж, родила и воспитала двоих сыновей. Сейчас мне 92 года, у меня четверо внуков и четверо правнуков.

СЕМЁНОВА
АНТОНИНА ИВАНОВНА

«ИНОГДА ОТ УСТАЛОСТИ И ГОЛОДА МЫ ЗАСЫПАЛИ НАД ШЛАКОМ, КОТОРЫЙ ДРОБИЛИ В ПЛАВИЛЬНОМ ЦЕХЕ, ПРЯМО С ТЯЖЕЛЫМИ КУВАЛДАМИ В РУКАХ»

Начало войны меня застало в селе Таллы Оренбургской области. Мы с братом учились в школе. Родителей к этому времени уже не было в живых. Нас воспитывал и обеспечивал всем необходимым совхоз, в котором работала мама. Я в это время закончила девятый класс, мне было пятнадцать лет. Зимой мы учились, а летом работали в поле. Заботились о нас хорошо, большое спасибо руководству совхоза.

Жизнь в поселке с первых дней войны была поставлена на военные рельсы. Через какой-то период времени к нам начали прибывать эвакуированные из Москвы. Нам, старшеклассникам, дали поручение встречать эвакуированных, помогать им устраивать свою жизнь на новом месте и в наших условиях.

В поселке был клуб. Оттуда вынесли на улицу радиорепродуктор в виде большой черной тарелки. Эвакуированные и сами жители поселка с самого раннего утра бежали к радиорепродуктору, чтобы услышать сообщение о состоянии дел на фронте.

Взрослое мужское население, способное защищать Родину, было мобилизовано на фронт. В селе остались женщины, дети и очень пожилые мужчины. Людям жилось трудно. Не хватало хле-

ба, других продуктов, жизненно необходимых для человека. Население видело свое спасение в выращивании продуктов на собственной земле. Это, несомненно, в какой-то степени помогало справляться со своими нуждами в тяжелое время.

Ребята девятых-десятых классов добровольно написали заявление в военкомат с просьбой отправить их на фронт. Просьбу удовлетворили: отправили учиться в военные училища Оренбурга. Через год учебы отправили на фронт. Они почти все погибли. Им было всего по семнадцать-восемнадцать лет. Имена их запечатлены на табличке памятника погибшим, установленного в поселке. Каждый раз, когда приезжаю на отдых в родное село, посещаю памятник, прочитываю хорошо известные имена и фамилии и очень сожалею о преждевременно оборвавшихся их жизнях.

Война продолжалась, стране требовались квалифицированные рабочие руки. Призывали молодежь учиться в ФЗУ и РУ — фабрично-заводские и ремесленные училища. В нашем районе организовали группу девушек для учебы в РУ Орска. Образование у всех было приличное — девять-десять классов. Отправили нас в распоряжение трудовых резервов Оренбурга, там предложили учиться в Орске по специальности «химик-аналитик цветной металлургии». Но мы запротестовали, потому что слышали об этом городе не очень лестные отзывы. Нам хотелось остаться учиться в ФЗУ, которое готовило маляров, Оренбург нам понравился. В то время было все равно, какую приобрести специальность, лишь бы там остаться.

Тогда руководство трудовых резервов предложило нашей сопровождающей отправить нас учиться на связистов с последующим отправлением на фронт. Сопровождающая отказалась от такого варианта, заявив, что расскажет родителям, которые отправили детей учиться не в военное училище. Оставалось одно — добиться нашего согласия ехать учиться на химиков. Для этого начальнику трудовых резервов лично пришлось уговаривать каждую из нас в отдельности, что это лучший вариант для девушек. Он убеждал нас по-отечески, как будто бы решалась судьба его собственных детей.

В результате переговоров мы согласились ехать в Орск. Училище находилось в рабочем поселке Никель. Это было рядом с комбинатом «Южуралникель» и заводом холодной обработки цветных металлов. В окрестностях было много рабочих поселков, так как в период войны сюда много эвакуировали промышленных заводов.

Имена их запечатлены на табличке памятника погибшим, установленного в поселке

В период учебы ходили дежурить в госпиталь, который располагался на территории поселка. Раненых поступало много, не хватало рабочих рук в госпитале. У нас в училище организовали самодеятельность, которой руководила эвакуированная из Белоруссии женщина. Я в этой группе принимала активное участие — была солисткой. Мы с концертами выступали перед ранеными. Также давали концерты в заводском клубе для жителей поселка. На одном из таких концертов я исполняла песню «В землянке». Успех был ошеломляющим, слова этой песни настолько соответствовали душевному, внутреннему состоянию зрителей, что пришлось трижды на «бис» ее повторить.

В госпитале беседовали с ранеными, некоторые просили написать письмо близким. Мы писали под их диктовку и отправляли по адресам. И работая на заводе мы продолжали шефство над госпиталем. В праздничные дни ходили туда, выступали с концертами, приносили с собой раненым скромные угощения. Они всегда оставались довольны нашими посещениями.

На заводе работали в режиме двенадцать часов через двенадцать, без выходных и отпусков. Сама работа нам не казалась трудной, но она была очень ответственной. Мы это понимали. Комбинат выпускал металлы, необходимые фронту, — никель, медь, кобальт и другие. Кроме основной работы, каждый раз после ночной смены в зимнее время нас посылали расчищать железнодорожные пути от снега. Иногда посылали убирать шлак из-под печей в плавильном цехе. Давали в руки тяжелые кувалды, чтобы раздробить шлак. Они были очень тяжелые. Работа выполнялась под присмотром очень пожилого человека. Иногда от усталости, от голода мы засыпали над шлаком. Тогда этот человек осторожно подходил, будил и говорил: «Ребята, ну еще немного надо поработать» — и мы продолжали работать. Когда расчищали железнодорожные пути, нам было очень холодно, голодно. Соответствующей обуви и одежды у нас не было, и к тому же после ночной смены нам очень хотелось спать.

Жили мы в общежитии. Возвращаясь после ночной смены домой, чтобы не хотелось есть, мы ложились спать. Спали до начала работы следующей смены. Питались по карточкам в столовой. В основном была каша, суп обезжиренный и небольшой кусочек ржаного хлеба. Щи из зеленой капусты можно было взять без карточки. Брали по три-четыре порции капусты и съедали. Еще без карточек

У нас в училище организовали самодеятельность, которой руководила эвакуированная из Белоруссии женщина.

можно было взять кровяную колбасу, от которой очень тошнило, было некомфортно. Все перечисленное съедали, и тем не менее из столовой выходили голодными. Когда на фронтах положение улучшилось, и у нас с питанием стало немного получше. Получали дополнительные талоны на кашу. Так продолжалось до конца войны.

На заводе всю войну работали в основном женщины, пожилые люди и дети. Положение было тяжелое, но никто не жаловался, все работали молча.

Наконец наступил долгожданный, радостный день — окончание войны. Хорошо помню этот день. Было очень тепло и солнечно. Услышав сообщение о нашей Победе, жители города, от мала до велика, вышли на улицы, незнакомые друг с другом люди со слезами на глазах обнимались, радовались. Этого забыть никогда нельзя.

После окончания войны продолжала работать на комбинате, без отрыва от производства окончила вечернее отделение индустриального техникума Орска.

Наконец наступил долгожданный, радостный день — окончание войны.

ДВОЙНИКОВА ВАЛЕНТИНА АЛЕКСЕЕВНА

«ВРАЖЕСКИЕ НАЛЕТЫ УЧАСТИЛИСЬ, И МАМА СО МНОЙ И СЕСТРЕНКОЙ НА РУКАХ В БОМБОУБЕЖИЩЕ СПУСКАТЬСЯ ПЕРЕСТАЛА»

Июнь 1941 года. Мне семь лет. Закончились детские игры. Вместо них все стали слушать сигналы воздушной тревоги. Немец начал бомбить Ленинград.

У нас в семье отца на фронт не взяли, дали броню, так как он работал на карбюраторно-арматурном заводе им. Куйбышева, который стал выпускать продукцию «Все для фронта».

Во время налетов мы с мамой и сестрой спускались в бомбоубежище. Народу там было полно, сидели на цементном полу, поскольку скамеек не хватало. Дети плакали от страха и ужаса, хорошо еще в углу стоял бачок с водой. Потом отбой воздушной тревоги — и все вереницей расходятся по своим квартирам. Но вражеские налеты становились все чаще и чаще, маме со мной за руку и сестренкой на руках надоело ходить туда-сюда, и в бомбоубежище мы спускаться перестали (между прочим, как и многие другие). Решили так: будь что будет.

Затем объявили эвакуацию и стали составлять эшелоны. Наш эшелон двигался куда-то в Сибирь. Во время пути бомбежки были одна за другой, поезд останавливался, люди порою не успевали выйти из вагонов, чтобы куда-нибудь спрятаться. Отбомбившись, самолеты улетали, и надо было бежать обратно, чтобы не опоздать до отхода поезда. Мама заметила, что дорога, по которой нас везли, ей знакома, за окном мелькали знакомые станции: Бологое, Сонково и другие. И она решила, что, если будет остановка на станции Не-

коуз в Ярославской области, она дальше не поедет, ведь это ее родная станция, где в тридцати километрах жила ее мать, моя бабушка. Уж если умирать, так в родном краю.

Собрав кутули, она подтянула их к двери в тамбуре, усадила нас на них, и мы стали ждать. Была темная ночь, лил сильный дождь, и сейчас уже не могу вспомнить, то ли был очередной вражеский налет, то ли поезд просто остановился, но мама успела в этот момент нас буквально вытащить из тамбура прямо в привокзальную грязь.

Более суток добирались мы на возу, запряженном волами, до ее родной деревни, ведь волы — это очень упрямые животные, встанут посередине лужи и, сколько их не понукай, с места не двинутся, пока сами не надумают идти дальше.

Через день немцы разбомбили станцию Некоуз, где был красивый вокзал, построенный еще в царское время. Зарево было видно в округе за десятки километров.

Началась трудная деревенская жизнь. Мы, семи–восьмилетние девчонки и мальчишки, вместе с бабушками убирали на полях картошку, свеклу, турнепс, теребили лен, а мамы наши, запрягшись в оглобли вместо лошадей, возили урожай в хранилище, откуда все это отправлялось на фронт. На трудодни ничего не выдавали, а надо было еще учиться в школе.

Через какое-то время узнаем, что завод Ленкарз эвакуирован в г. Куйбышев, туда же переехало правительство и Верховный Совет, подальше от линии фронта.

По Волге, опять под обстрелом, в трюмах какого-то парохода мы перебрались к отцу.

Жить было негде, сначала ютились у знакомых рабочих отца, затем нам дали комнатушку в бараке, где умещались две железные солдатские койки и стояла круглая железная печка, которую надо было топить дровами или углем. Дрова и уголь собирали по железнодорожным путям, а попросту — воровали из вагонов.

Вода и удобства — на улице. Жить было тяжко. По карточкам давали только хлеб, да и то очень мало. Родители ездили на поля собирать колоски и прошлогоднюю картошку. А какое было счастье, когда родителям удавалось раздобыть кусочек дуранды! Дуранда — это прессованные отходы переработки подсолнечника. Держишь кусочек во рту, глотаешь слюну, заглушая таким образом голод, и думаешь: как бы он подольше не кончался!

На трудодни ничего не выдавали, а надо было еще учиться в школе.

Я опять училась и работала, но теперь в отряде юных натуралистов. Убирали в садах ягоды и овощи. Кушать разрешалось, а с собой брать нет. Но мы были рады и тому, что есть хоть какая-то витаминка.

Вот так и жили всю войну. А 9 мая 1945 года по громкоговорителю услышали, что война закончилась нашей победой (в бараках радио у нас не было). Радости и ликованию людей не было предела, все обнимались, от радости плакали, а вечером уже слушали песни, победные марши. Праздник вышел на улицу.

В родной Ленинград вернулись только в 1948 году, когда отца отпустили с завода. А в Ленинграде что? Комнату заняли чужие люди, вещи растащили, и опять начались мытарства. Из-за жилья родители пошли работать дворниками, жили в полуподвалах, где из маленького окошечка видны были только ноги прохожих людей.

Но это уже другая история, все-таки мы были уже в своем родном Ленинграде!

Кушать разрешалось, а с собой брать нет. Но мы были рады и тому, что есть хоть какая-то витаминка.

А 9 мая 1945 года по громкоговорителю услышали, что война закончилась нашей победой...

ТИХОНОВА
ЛАРИСА КИРИЛЛОВНА

«КОГДА ЕСТЬ СТАЛО СОВСЕМ НЕЧЕГО, СОСЕДИ СЪЕЛИ НАШЕГО КОТА МУРЗИКА»

Когда началась война, мы жили большой и дружной семьей, состоящей из двенадцати человек, в четырехкомнатной квартире на Васильевском острове. Поскольку я была маленькая, мои воспоминания основываются на том, что мне потом рассказывали мои родители. Но кое-что я помню и сама.

Моя мама, Зинаида Ксенофонтовна, сидела дома со мной и с моим старшим братом Олегом, а мой папа, Кирилл Викентьевич, работал на заводе. Каждое утро папа уходил на работу, а я просила у мамы «сюпу». Мой брат ходил в школу, там детям давали булочку и маленькую конфетку. Вот эту конфетку он всегда приносил мне. Я помню, как ждала его с этим угощением.

Помню, как мои родители рассказывали, что варили столярный клей и ели его. Мне все время хотелось есть. Когда резали хлеб, я всегда собирала пальчиками все крошки со стола. Родители называли меня за это «воробышком».

Очень хорошо в память врезался такой случай. Это был январь 1942 года, я пошла гулять с мамой. На улице было морозно и солнечно. Мы вышли из парадной, и я увидела металлическую ручку на двери, которая очень красиво блестела. Я захотела ее облизнуть, думая, что она как конфета. Лизнула… Губы и язык сразу примерзли. От испуга я дернулась и сорвала верхний слой кожи. Вот такая оказалась конфетка!

У нас жил кот Мурзик. Но когда есть уже стало совсем нечего, то наши соседи съели Мурзика. Мне было его очень жалко.

Еще помню такой случай. Сидим с мамой дома. Вдруг слышим какой-то странный звук. На посудной полке брякает чайная ложка об стакан. Решили посмотреть. А это мышка в поисках еды забралась в стакан и пыталась выбраться...

31 декабря 1941 года умер от голода дедушка (папин папа), похоронили его на Серафимовском кладбище. В феврале 1942 года от голода умерла бабушка (папина мама), она похоронена в братской могиле. Весной 1942 года умерла от голода другая бабушка (мамина мама).

В декабре 1943 года нас эвакуировали в Новосибирск, и День Победы мы встретили уже там.

Мы вышли из парадной, и я увидела металлическую руку на двери, которая очень красиво блестела....

ГОРЕЛОВА ВАЛЕНТИНА ФЕДОРОВНА

«МАМА ЖАРИЛА НА ОЛИФЕ БЛИНЧИКИ ИЗ ТРАВЫ»

Я родилась в июле 1939 года. Когда началась война, мне было почти два года, а моей сестренке — три года и семь месяцев. Папа работал на железной дороге, и у него была броня от призыва в армию до октября 1941 года, и 4 октября он ушел на войну.

К этому времени он со своим другом построил землянку на две семьи недалеко от дома. В землянке были нары из досок, на которых мы могли сидеть и лежать. Жили мы около железнодорожной станции Кушелевка в двухэтажном деревянном доме, рядом проходила железная дорога. Папа, видимо, знал, что может быть, поэтому и построил землянку. И действительно, во время войны по железной дороге шли эшелоны с солдатами, рядом находился склад с боеприпасами, поэтому нас часто бомбили.

Однажды заработала сирена, мы убежали в землянку, а когда вернулись домой — окон не было, зияли дыры, а ведь была зима. Мама заделала эти дыры одеялами и всем, чем только можно, а весной поставили окна. Спасло нас то, что у нас было печное отопление, а дров нам папа заготовил.

Воду брали там, где она заливалась в паровозы, а это рядом с домом. Лишняя вода сливалась в канаву, которая протекала вблизи. В этой канаве росла высокая трава, как осока, весной мы ее вырывали и толстую сердцевину ели — это тоже была еда. Рядом с домом находился небольшой парк, где росла трава. Мы с сестренкой собирали ее (знали какую), и мама делала из нее блинчики, которые жарила на олифе.

Мы с сестренкой ходили в садик, мама работала, папа воевал на Ленинградском фронте, несколько раз был ранен. Госпиталь размещался в районе Поклонки. Однажды мама взяла нас с сестренкой к папе. Для нас это был праздник: мы и папу увидели, правда, в бинтах, и нас накормили вкуснейшими блинчиками с компотом. Такого мы давно не ели.

Война запомнилась голодом и холодом, постоянно хотелось есть. Но война закончилась, папа вернулся, и мы снова зажили хорошо. Жаль только, что сейчас их нет со мной.

Воду брали там, где она заливалась в паровозы, а это рядом с домом. Лишняя вода сливалась в канаву, которая протекала вблизи.

ЖМУРИН
ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ

«МАМА ПОНЯЛА, ЧТО УМИРАЕТ, И РЕШИЛА, ЧТО ТОГДА УЖЕ НУЖНО, ЧТОБЫ Я УМЕР ПЕРВЫМ, И СТАЛА СЪЕДАТЬ МОЙ ХЛЕБ — И У НЕЕ ПОЯВИЛИСЬ СИЛЫ, МЫ ВЫЖИЛИ»

Блокада Ленинграда... Что я о ней помню? Ведь когда началась война, мне еще не было и пяти лет. Папа с мамой решили, что лучше всего меня из города увезти подальше, в деревню. Мама взяла расчет и повезла меня к бабушке, в Новгородскую область. Но когда мы туда приехали, то оказалось, что через деревню уже массово отступают наши воинские части, а бабушка и другие колхозники копают себе землянки, так как сюда стремительно приближаются немецкие войска. Мама была вынуждена везти меня обратно в город.

Мама взяла расчет и повезла меня к бабушке, в Новгородскую область.

Когда добрались до Шимска, районного центра, то попали под сильную бомбежку. В Шимске был чуть ли не второй по величине в Советском Союзе военный аэродром, и немцы его разбомбили вместе со всеми военными самолетами, не дав ни одному из них даже взлететь. Мы отсиживались, отлеживались и на четвереньках или ползком двигались вдоль шоссе по канавам. Вместе с нами в канавах прятались и солдаты. Один из них, глядя на меня, сказал: «Смотрите, мальчишка-то тактику военную знает, по-пластунски ползает».

Когда бомбежка немного стихла, солдаты уселись тесно в кузов грузовика. Оказалось, что они направляются в Ленинград. Потес-

нившись, как могли, они взяли в кузов и нас с мамой. Так мы снова оказались в Ленинграде.

Вскоре началась и блокада. Мама, оставшись без работы, сидела со мной дома, получая по карточкам 125 граммов хлеба. Когда начались первые бомбежки, родители оклеили окно в комнате полосками бумаги, чтобы от взрывной волны не разлетелись стекла.

Мамины знакомые по дому во время вражеских налетов дежурили на чердаке и крыше дома, тушили зажигательные бомбы. Мама в начале блокады во время бомбежек спускалась со мной в бомбоубежище, но потом у нее на это уже не хватало сил, и мы, как и некоторые соседи по коммунальной квартире, отсиживались в своей комнате, уповая на судьбу.

Однажды бомба попала в один из ближайших домов, разрушив его до основания. От него остались лишь части стен и перекрытий, на которых висели кровати и прочее. Было очень страшно.

Позднее в квартире соседей совсем не стало: кто умер, кто куда-то уехал, и мы жили в своей комнатке совсем одни, остальная квартира из пяти комнат пустовала.

На отца, воевавшего и мерзнувшего в окопах во время финской войны, наложили броню и на фронт не пустили, так как он работал шофером на каком-то военном заводе.

А когда началась зима и на Ладоге установился лед, отца направили возить хлеб по Дороге жизни. Маме удалось найти работу и устроиться дежурной на каком-то аэродроме в районе Каменного острова. Мы тогда жили на улице Халтурина, в центре города, и на работу ей приходилось ходить через весь город пешком. Позднее она лишилась и этой работы. Мы очень голодали, истощились, обессилели. Большим праздником было, когда среди старых новогодних игрушек нашли несколько конфеток. Это придало всем силы, но ненадолго. Голод изнурял.

Мамины знакомые по дому во время вражеских налетов дежурили на чердаке и крыше дома, тушили зажигательные бомбы.

Помню, когда папа приходил с работы, у него не хватало сил расстегнуть пуговицы на пальто, и мама, как могла, ему помогала. Затем разрезала порцию хлеба на маленькие кусочки, жарила их на воде с опилками, а по весне 1942 года — и с травой, что собирала на Марсовом поле. Отец траву есть не мог, его от нее рвало.

Меня мама устроила в детский сад, недалеко от дома. Помню, когда она меня приводила туда, воспитатели меня расспрашивали, жалея мою маму, сколько хлеба я съел дома, так как мама скармливала мне свою порцию, а сама оставалась совсем голодной. В детском саду детишки тоже все были истощены настолько, что у некоторых, когда они садились на горшок, вылезали наружу кишки.

Далее помню: летом 1942 года отец совсем истощал, обессилел и слег. Его отвезли в больницу. У него начались всякие осложнения, открылся острый туберкулез, и вскоре он скончался от болезней и голода. Ему было всего 37 лет.

На днях я был на его могиле на Серафимовском кладбище. Обратил внимание: рядом, с одной стороны, могилка двенадцатилетней девочки, с другой стороны похоронены двадцатитрехлетняя мама вместе с двумя дочерьми, одной из которых исполнился всего годик, другой — два. И все они погибли тогда же, от голода. Но что растрогало: на обеих могилках стоят свежие цветы, они посещаются и ухожены.

Но вернемся опять к блокаде. Что я еще помню? Помню, что и мама в какой-то момент так обессилела, что уже не могла дойти даже до булочной, чтобы получить по карточке хлеб. После войны она мне рассказывала: «Когда я совсем слегла и поняла, что вот-вот умру, и тогда ты тоже умрешь с голоду, я решила, что тогда уже нужно, чтобы ты умер первым, и стала съедать твою порцию хлеба. Но через несколько дней я почувствовала, что у меня появились силы, и смогла дойти до булочной, выкупить хлеб за несколько дней. И в результате и ты, и я остались живы».

У мамы один брат погиб на фронте еще в начале войны. Другой брат тоже служил на Западном фронте и присылал ей по почте деньги, чтобы она что-то купила для ребенка, то есть для меня. Сестра мамы воевала под Ленинградом и один раз прислала маме письмо, чтобы они встретились в районе Стрельны, что она хочет поделиться с мамой своим солдатским пайком. Я уже не знаю, как мама добралась до Стрельны, но, как она рассказывала, они с сестрой обе час или два ходили в назначенном месте друг мимо

Помню, когда папа приходил с работы, у него не хватало сил расстегнуть пуговицы пальто, и мама, как могла, ему помогала.

друга и разошлись, не узнав друг друга. Настолько уже обе были изможденны.

Однажды, когда мама привела меня в детский сад, стало известно, что его собираются эвакуировать в Ярославскую область. Заведующая, пожалев мою маму, предложила ей работу в детсаду уборщицей. И благодаря этому нам обоим вскоре удалось вырваться из осажденного города.

Не помню, каким образом в конце августа — начале сентября 1942 года нас вывезли из города и посадили в поезд. Но помню, что дорога была длинной и страшной. Нас неоднократно бомбили. Поезд во время бомбежек останавливался, а мы все, и детишки и взрослые, разбегались и прятались по канавам и ямам. Но в конце концов мы более или менее благополучно добрались до места назначения, где и оставались до конца войны. И хотя там у нас тоже было много и проблем и трудностей и переживаний, но это уже совсем другая страница истории. А с одним товарищем по детскому саду мы дружим до сих пор.

Сестра мамы воевала под Ленинградом и один раз прислала маме письмо, чтобы они встретились в районе Стрельны, что она хочет поделиться с мамой своим солдатским пайком.

БАЛЫКОВСКИЙ
ОЛЕГ ТИМОФЕЕВИЧ

«КОГДА НЕЗНАКОМЕЦ СПРОСИЛ У НАС С МАЛЬЧИШКАМИ НА ЛОМАНОМ РУССКОМ О ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ, МЫ СРАЗУ ПОНЯЛИ, КТО ЭТО, И ПОВЕЛИ ЕГО В ПРОТИВОПОЛОЖНУЮ СТОРОНУ»

Я родился в Ленинграде в 1932 году. В годы Великой Отечественной войны все 900 дней находился в блокадном Ленинграде.

Начало войны мне вспоминается воздушными тревогами и зажигательными бомбами, которые часто падали к нам во двор. Мы, мальчишки, вместе со взрослыми тушили их, они шипели и крутились, разбрасывая вокруг фосфор. В бочке с водой они еще горели какое-то время, и тогда дно бочки светилось огнем. Позже зажигалки стали засыпать песком.

В нашей коммунальной квартире жила семья: отец, сын, мать и дочь. Дети были мои ровесники, отец их ушел на фронт. Вскоре они получили похоронку на отца, потом от голода зимой умерла мать, потом ее сын, мой товарищ по играм до войны, последней умерла его сестра. Как тут не вспомнить дневник Тани Савичевой: «Умерли все».

Как-то, когда возвращался из школы домой, меня застала воздушная тревога на Лиговке, я спрятался в ближайший подъезд. Рядом стояли женщины, и из их разговора я услышал, что в мой дом попал снаряд, а там — мой брат Гена. Дождавшись отбоя тревоги, помчался к нему, но нигде не увидел брата. Крикнув по имени,

Однажды к нам пришел мой двоюродный брат Ленька, ему было около тринадцати

услышал под шкафом еле слышный отклик: он там прятался от бомбежек. На радостях я его расцеловал.

Мы с мальчишками играли на углу Предтеченской улицы (Черняховского) и Транспортного переулка. Вдруг к нам подходит незнакомец и на ломаном языке спрашивает: «Мальчики, а где здесь железная дорога?» По радио часто рассказывали про деятельность и повадки шпионов. Мы сразу поняли, кто это, и повели его в противоположную сторону, но этот тип догадался о наших намерениях и скрылся в толпе.

Однажды к нам пришел мой двоюродный брат Ленька, ему было около тринадцати. Подарил мне красивый самодельный ножичек, мама угостила его чаем. Вечером обнаружили пропажу всех продовольственных карточек. Мама спросила нас, но мы не брали, и она поняла, что их украл Ленька. Но, видимо, талонов там оставалось на два-три дня, иначе мы бы умерли с голоду.

Продовольственные карточки выдавали каждый месяц по одной на человека. Это был небольшой лист, разделенный на отрывные талончики. Продавщица в обмен давала товар. Можно, конечно, было все забрать в один день, но что есть потом? Я за карточками сам не ходил, только с мамой, ведь взрослые могут ударить маленького мальчишку и все отобрать.

Все бомбежки были связаны с железной дорогой. Это артерия, соединявшая блокадный Ленинград с линией фронта, с войсками. Туда возили танки, обратно — поврежденное оборудование. Немцы понимали ее важность и бомбили. Стреляли с Пулковских высот и часто попадали не в цель, а в близлежащие дома, где жила наша семья.

После войны, в 1952 году, я с отличием окончил Ленинградский военно-механический техникум, а в 1964 году — ЛЭТИ им. Ульянова (Ленина). Работал на заводе «Большевик», заводе п/я 15 под Москвой в специальном монтажном управлении, где занимался наладкой радиолокационных станций ПВО, расположенных вокруг столицы. С 1965 по 1998 год работал в СпецКБ Министерства общего машиностроения. Часто находился в командировках на космодроме Байконур. С юных лет я увлекался физикой и историей, видимо, это и явилось толчком к написанию научно-популярной книги. Ветеран Великой Отечественной войны, кавалер медали Федерации космонавтики СССР «25 лет космической эры».

АНТОНОВА
ЛИДИЯ ИВАНОВНА

«В БЛОКАДНОМ ДЕТСТВЕ НАС МАЛО ВОЛНОВАЛА ГИБЕЛЬ ЛЮДЕЙ: ТАКАЯ ЖИЗНЬ — С ГОЛОДОМ, ХОЛОДОМ И СМЕРТЯМИ — БЫЛА ПРИВЫЧНОЙ»

Как же нам, ребятам, было интересно, когда началась воина! Ведь мы еще не знали беды и не переживали, как взрослые.

С дачи приехали вечером. Город не узнать. По улицам несколько человек несли огромные аэростаты — воздушное заграждение города, позже называли их «колбасой». Небо то и дело прорезывали лучи прожекторов, ища вражеские самолеты. Город погрузился во мрак. Электричество еще было, но на окнах у всех — шторы затемнения. Дворники с улицы следили, чтобы шторы были плотно закрыты и сквозь них не пробивался свет — ориентир для вражеских зенитчиков. Иногда в город проникали диверсанты и нарочно врагу указывали цель для бомбежек и обстрела или подавали сигналы ракетницами — как правило, рядом с каким-нибудь важным объектом, заводом, госпиталем, школой.

Первые обстрелы приводили нас в восторг. Осколки падали вокруг уже с погашенной скоростью. Они были такие теплые, блестящие, серебром сверкающие на изломе. Милиционеры и дворники загоняли нас в подъезды и в бомбоубежище. Сначала мы собирали коллекции из осколков и обменивались ими друг с другом, не понимая, что они несут смерть. Но поняли опасность очень скоро, когда

Первые обстрелы приводили нас в восторг

осколками были убиты взрослые и дети. Пришло понимание беды, и уже было не до забав.

Голод начался тоже очень скоро. Детские карточки сдавались в школу, и детям давали горячее питание. А ученые трудились над тем, как придумать что-нибудь съедобное. Так появилось соевое молоко для младенцев и шрот для всего населения, конфеты из жмыха (дуранды). Если удавалось достать дуранду, напечь из нее лепешек на олифе, это было счастьем. Олифу тоже потом запретили. Не хватало витаминов, стала свирепствовать цинга. Тогда взрослые под обстрелом ездили в лесные массивы за ветками хвои. И в каждой квартире по приказу свыше должна быть банка хвойной воды — ужасная мерзость.

Некоторые взрослые, обезумевшие от голода, пытались объедать своих детей, поэтому детские карточки и сдавались в школу. В школе мы пытались свою еду унести домой, чтобы дома разделить суп на семью. Хитрили: получим порцию, все вместе сольем в полулитровую баночку и привяжем ее между ног. Не только девочки, но и мальчики стали носить платья. Но медицинский персонал разгадал нашу хитрость. Две дежурные тети в дверях поднимали нам подолы и, обнаружив еду, возвращали нас обратно, заставляя все съедать на месте. Правда, тут только не зевай, а то вмиг останешься ни с чем.

И взрослые, и дети были очень бдительны. Однажды к нам подошел мужчина с чемоданчиком и стал угощать нас довоенными конфетами: дешевая карамель в разноцветных фантиках. Старшие ребята смекнули, что таких конфет уже быть не может, побежали за комсомольцами. Те потребовали открыть чемоданчик. В нем оказалась ракетница. Диверсанта увели, а подвели его эти конфеты.

Мимо нашего дома ходила за соевым молоком для своего маленького брата Верка Манькова. Девчонки постарше попросили заманить ее в нашу парадную, а когда она вошла, отобрали у нее рожок с молоком и, выхватывая его друг у друга, жадно пили. А когда рожок упал и разбился о каменный пол, ползали на четвереньках и слизывали молоко со стеклянных осколков, будучи все в крови от порезов. Жуткая картина, оставшаяся в памяти.

Верку в школе не любили за то, что она всегда ходила в беленькой заячьей шубке и в белой шапочке, а мы были закутаны во что попало.

Уже была жуткая блокадная зима 1941 года. Не было воды и света. Холод, голод, обстрел, бомбежки, всюду смерть.

Верка затаила злобу на меня. Однажды перед воскресеньем спросила, люблю ли я шоколад. И пригласила меня к себе домой. В воскресенье я хожу по своей квартире, пою. Бабушка в недоумении. Не выпустила меня из квартиры. А в понедельник в школу не пришли несколько мальчиков, и я увидела заплаканную Верку, которую о чем-то спрашивала учительница. Потом пропала и Верка. Позже мы узнали жуткую историю: Веркины родители занимались таким страшным промыслом — варили и продавали студень из человечины. Он на рынке стоил дорого. Тогда еще об этом никто не догадывался. Уже давно не было у них малыша, а Верка была у них в качестве зазывалы. Останки пропавших мальчиков обнаружили у них при обыске. Родителей увезли куда-то, а Верку сдали в детский дом. Судьба ее мне неизвестна.

У ленинградцев не было сил, чтобы хоронить умерших. Зашивали в простыню, кое-как выволакивали на улицу и там оставляли. Зима 1941 года была лютая. Зато не было эпидемии. Весной уже возили трупы грузовиками, хоронили их в братских могилах, например на Пискаревке. А потом их было так много, что уже и хоронить было невозможно. Их складывали в штабеля и позже сжигали в печах кирпичного завода, превратив его в крематорий. Там трудились молодые, рано поседевшие девушки, за рабочую карточку — 500 граммов хлеба в день. Кирпичный завод находился на территории нынешнего Парка Победы, где теперь установлены памятник и крест.

Масса трупов хранилась и в храме Спас на Крови. Но обо всем этом я узнала уже позже, став взрослой. А в детстве нас это мало волновало, и такая жизнь — с голодом, холодом и смертями — была привычной.

Только Люська Андрианова говорила: «Вот американцы скоро сделают такую бомбу, что как сбросят ее на фашистов, так у них и черепа расколются!» Речь, наверное, шла об атомной бомбе, а американцы были наши союзники, вот только не спешили открывать второй фронт.

Ни одно описание Ленинградской блокады не отражает того, что было в действительности. Но время постепенно отдаляется, и тускнеет память об этих блокадных днях. Очевидцы уходят в небытие…

Самое страшное время пережили. К весне стало полегче. Появилась зелень на газонах, стали прибавлять норму хлеба.

Моя тетя Олечка очень тяжело переносила голод. Ей все казалось, что бабушка ее обделяет, дает ей меньше, чем сестре и детям: мне и Зое, ее дочери. До войны она была очень полной, работала директором скобяного магазина на Полтавской. Иногда она приносила плитки столярного клея, вымачивала и варила студень. Я пробовала эту студенистую, кисловатую на вкус массу. Но никто из нас ее не ел (там были очень вредные добавки).

Однажды мы собирались обедать, то есть съесть часть своей нормы хлеба и запить теплым морковным чаем. Но пришла какая-то женщина, спросила тетю и осталась ее поджидать. Выделили и ей крошечный кусочек, оторвав от себя. Потом она сказала, что ее брат живет в пригороде Ленинграда и у него можно купить картошку и лук. Дали ей денег и стали ждать, когда же нам привезут это богатство, особенно лук. Ведь цинга была у всех. А потом пришла сестра Зоя и сказала, что видела эту женщину у дверей другой квартиры. Аферистка. Да и о каком пригороде могла идти речь в блокаду?

Как-то была очень длительная тревога. Мы спустились в бомбоубежище, а когда вышли из него ночью, то было светло как днем: горели деревянные дома. Район был рабочий, с деревянной застройкой. Сгорел деревянный дом, в котором жила наш управдом Настя Якушкина. А у нас была отдельная двухкомнатная квартира с печным отоплением в каменном доме. И управдом нацелила свой глаз на нее, а впоследствии ею и овладела: записала на мою маму всех иждивенцев с обязательной эвакуацией. В городе тогда был приказ: вывезти все нетрудоспособное население (об этом я узнала позже).

Не знаю, может быть, мы и остались бы живы, претерпев голод, но позже в кухню влетел снаряд и не разорвался, запутался в старых пальто, которыми до войны бабушка прикрывала сваренный обед. А в войну мы с сестрой часто сидели на плите, грелись в этих пальтушках и вдыхали аромат, пропитавший их. Перед отъездом взрослые убрали квартиру, вымыли полы, и мы тронулись в путь.

В эвакуацию мы выехали 13 июля 1942 года. Привезли нас на вокзал с большими пальмами. Это был, наверное, Финляндский вокзал. Сразу дали еду на пять человек: много хлеба, большую эмалированную миску лапши с растительным маслом и еще что-то. Но бабушка нам почти ничего не дала и тем самым спасла нас от смерти. Другие, менее осторожные люди, наедались и тут же умирали.

Потом она сказала, что ее брат живет в пригороде Ленинграда и у него можно купить картошку и лук.

Потом нас привезли на берег Ладожского озера. Помню, было очень рано. И утро было туманное и очень холодное. Я была одета в зимнее пальто (и это 13 июля!) Краснофлотец дал мне кусочек сахара, а я боялась его взять — таким драгоценным он мне казался.

Стали людей сажать в самоходные баржи. Немецкие летчики бомбили баржи с детьми и с женщинами, засыпали их зажигалками. Потопили несколько барж до и после нас, но нам повезло, мы проскочили. Правда, от зажигательных бомб загорелась наша баржа. Началась паника, но матрос, нас сопровождавший, быстро установил порядок. И мы, живые, добрались до берега. Кажется, это была Кобона.

Потом нас посадили в эшелон, товарные вагоны были оборудованы нарами. Мы, измученные, едва удобно расположились на нарах, как пришло начальство, и нам, к нашему неудовольствию, велели перейти в другой вагон. А на какой-то станции сильно бомбили. И те вагоны, где были мы сначала, разбомбили. Мы с сестрой ходили смотреть на этот ужас, за что сильно попало от бабушки: не суйтесь, куда не надо.

Дальше было спокойнее. Нас кормили горячей пищей, а детям давали шоколад. Правда, часто стояли в тупике, так как в это время пропускали эшелоны с красноармейцами на фронт и санитарные поезда с ранеными бойцами. А нам в это время делали санитарную обработку: мыли, прожаривали одежду, уничтожая бельевых вшей.

В вагонах были мужчины и женщины вместе. У всех был голодный понос. На ходу приоткрывали дверь, держали друг друга, чтобы не упали. Ведь все были очень слабы. Так мы ехали в эвакуацию, прибыв на место где-то в середине сентября. Вещей с собой взяли немного. Мне было поручено держать проволочную корзиночку с мелкими серебряными изделиями: бабушкины серьги, кольца обручальные, мелкие серебряные ложечки, маленькие иконки. Но когда нас рассаживали по машинам, корзиночка выскользнула у меня из рук, упала на землю, раскрылась, и из нее высыпались... елочные бусы. У меня — радость, у взрослых — печаль.

Непривычно, что нет обстрелов и бомбежек, мирная тишина. И не надо бояться, что тебя внезапно убьют или ранят. Спокойное мирное небо. Мирный труд сельских людей.

Мы в эвакуации. Начинается новая жизнь.

Немецкие летчики бомбили баржи с детьми и с женщинами, засыпали их зажигалками.

ИОНЦЕВА
ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА

«МОЙ БРАТ ДЕЖУРИЛ С РЕБЯТАМИ НА ЧЕРДАКЕ — ГАСИЛИ ЗАЖИГАЛКИ. У НАС ИХ НАКОПИЛСЯ ЦЕЛЫЙ УГОЛ, И Я ИМИ ПОТОМ ИГРАЛА»

Когда началась война, я жила с родителями и братом на улице Дзержинского (теперь Гороховая). Папа в первые же дни ушел на фронт. Мама взяла нас и перевезла к бабушке на улицу Марата, дом 43. Туда же переехала и моя тетя, у которой мужа взяли в ополчение. Решили: умирать — так вместе.

Мне было четыре года, а брату четырнадцать лет, он дежурил с ребятами на чердаке — гасили зажигалки. У нас их накопился целый угол, и я ими потом играла.

В первое время во время тревоги все спускались в бомбоубежище, но потом не стали. У бабушки был очень низкий первый этаж, и все соседи с верхних этажей приходили к нам, мы вместе пережидали бомбежку.

Сначала у нас были какие-то продукты, но они быстро кончились. Обогревались буржуйкой и на ней же пекли лепешки из кофейной гущи. Потом совсем стало голодно, и бабушка пошла на Кузнечный рынок (мама работала), где на мою большую куклу, ее папа привез из Москвы, выменяла немного хлеба. Потом она пошла менять какую-то старинную латку и принесла головку сахара. Но оказалось, что сахар только сверху, а внутри соль.

Да много чего было, но почему-то никто не хотел уезжать (не потому, что уже нельзя было). Нашего толстого кота Степку съели

соседи, очень хорошие люди (врачи по профессии), сами бабушке признались, ведь голод был ужасный.

У меня была подружка Лиза, но вдруг она пропала, меня к ней не пускали. Потом оказалось, что она умерла, но мне не говорили.

Мою тетю взяли «на окопы», а ее мужа отпустили из ополчения. Он пришел и умер. Мой брат на саночках отвез его на Волковское кладбище, хоронили в братских могилах.

Мама уходила на работу, и мы не знали, вернется ли снова. Бомбежки были без конца.

Немцы с самолетов бросали листовки, их нельзя было брать, но брат все равно приносил, и мои их читали и почему-то не боялись их фраз, а даже смеялись. Но немцы, как и писали, устроили городу «золотую ночь» — всю ночь бомбили.

Брат отоваривал карточки, стоял в очередях, а мы с бабушкой переживали, вернется ли он живым.

В 1942 году, когда уже хлеба прибавили, брат страшно заболел, и мама с трудом добилась разрешения на эвакуацию (и то потому, что папа был майор и воевал под Сталинградом). Эвакуировались мы по Ладоге, снег уже таял, машины проваливались под лед, а сверху бомбили. Но нам повезло, и мы добрались до Большой земли, а там нас накормили горячей картошкой с простоквашей — было очень вкусно!

...Уже в наше время я хотела посмотреть этот двор (а он был второй), где мы с Лизой бежали домой и кричали: «Воздушная тревога!», но на воротах — замок.

КРАВЧУК ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

«ОДИННАДЦАТИЛЕТНЕЙ ДЕВЧОНКОЙ Я ЕЗДИЛА НА КЛАДБИЩЕ ЗА ЛЕБЕДОЙ»

Я родилась 23 июля 1930 года в г. Зубцов Калининской области. Когда мне исполнилось полтора года, мы переехали в поселок Саперный Ленинградской области. А в июне 1941 года наша семья перебралась в Ленинград, на 7-ю Красноармейскую улицу. С этого времени мы год, до 20 июня 1942 года, находились в блокадном городе. Затем были эвакуированы на Волгу.

В блокаду мне было одиннадцать лет. Мама работала в больнице. Я ездила на Волковское кладбище за лебедой, из которой варили еду. В осажденном городе из семян и листьев этой травы готовили каши, муку для лепешек, варили супы.

Мы жили на первом этаже, поэтому во время бомбежки никуда не ходили. Однажды, когда мы ели на кухне, взрывной волной выбило окно и нас раскидало в разные стороны.

Мы, дети, очень боялись бомбежек и прятались во время обстрела кто куда.

В блокаду мне было одиннадцать лет.

КРЫЛОВА
ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА

«ВСЕ БЕДЫ, ВСЮ БЕЗЫСХОДНОСТЬ БЛОКАДНОГО ВРЕМЕНИ Я ДОВЕРЯЛА ПИСЬМАМ. НО МАМА ИХ НЕ ЧИТАЛА — ОНИ ПРИШЛИ К НЕЙ ТОЛЬКО ПОСЛЕ СНЯТИЯ БЛОКАДЫ»

Мои юность и детство прошли в деревне Погорельского района Калининской области. В 1940 году окончила я восемь классов. Собрав чемодан и простившись с отчим домом, отправилась на станцию, чтобы уехать в город моей мечты — Ленинград. В нем мне виделось будущее.

В городе я поселилась у старшей сестры Антонины, которая жила с мужем и тремя детьми, семья ждала прибавления. В феврале 1941 года я поступила учиться в ФЗО на бумагопрядильную фабрику. Училась охотно, старательно, но учебу прервала война.

В начале июля вместе с училищем меня направлени на оборонные работы под Кингисепп, рыть противотанковые рвы. Тяжелая земля липла к лопате, с непривычки болели руки, ноги и спина. Жили мы в лесу, в шалашах, построенных своими руками из деревьев и прутьев. После работы, поев чечевичной каши с постным маслом и ломтем черного хлеба, забирались в шалаши и засыпали. А утром, с восходом солнца, снова уходили на работу. И так день

за днем. В часы передышки я уходила в лес и собирала ягоды, ела пригоршнями.

Здесь я ощутила первое дыхание войны. Стоял пасмурный день, и вдруг в небе я услышала шум, с каждой секундой он нарастал — это был шум моторов немецких самолетов. От одного из них отделилась черная точка, с каждой секундой она увеличивалась, и вскоре я увидела бомбу, которая врезалась в землю. Та, вздрогнув, взметнулась вверх, увлекая за собой черные комья. Я машинально схватила свою подругу Тасю Чекалину и потянула из траншеи. Придя в себя, она стала карабкаться вверх и, зацепившись за какой-то сучок, поранила колено. Мы изо всех сил помчались к лесу. За нами летел самолет. Мы кинулись в густой кустарник и без сил упали в высокую траву. Гул самолета уже доносился откуда-то сбоку и затем совсем стих.

Однажды я заболела дизентерией. На телеге отвезли меня в медсанчасть на станцию Алексеевка. Там я пролежала три дня. Оттуда отправлялся состав, и меня решили отвезти в город. Ехали мы медленно, боясь попасть под бомбежку. И вскоре благополучно прибыли на станцию Котлы.

Но здесь ждала нас беда: немецкие самолеты разбомбили паровоз и первый вагон. Люди из вагонов стали бежать по полю в лес, а самолеты их расстреливали. Я из вагона не вышла, потому что не могла. Когда самолеты улетели, появились грузовики и скорая помощь, они собирали убитых и раненых и увозили. К нашему составу прицепили другой паровоз, а утром мы прибыли на Витебский вокзал.

Меня поместили в больницу, куда вскоре стали поступать раненые солдаты. Нас оттуда быстро выписали. После выздоровления вскоре снова попала на оборонительные работы в село Стрельна, где жили обрусевшие финны. Еду готовили наши девушки, а за порядком следил дневальный. Мы на рассвете уходили на работу.

В сентябре 1941 года я проснулась от оглушительного стука — бомбежки. Я вместе с девочками выскочила на улицу, и мы увидели горящие дома. Из-за поворота к нам бежал старшина и кричал, что идут немцы и надо немедленно спасаться. Поезда в

Люди из вагонов стали бежать по полю в лес, а самолеты их расстреливали.

это время уже не ходили. Мы пробирались лесными дорогами и полем в город.

Ленинград поразил нас: из веселого, шумного, плещущего фонтанами он стал мрачным и угрюмым. Ежедневно в восемь часов вечера выли сирены, а черные тарелки-репродукторы сообщали о воздушной тревоге. Люди толпами спускались в бомбоубежища. Мы, девушки из отряда МПВО, надевали противогазы и поднимались на крыши домов, а там наблюдали за вражескими самолетами, которые бросали бомбы-зажигалки на крыши домов. А мы хватали их щипцами и макали в песок или воду.

В январе 1942 года нас ждали новые беды. Как-то открыв водопроводный кран на кухне, я увидела, что несколько капель ударили по дну кастрюли, а вода так и не потекла. От соседей узнала, что замерз водопровод. Было 30-40 градусов мороза. Я взяла ведро и вышла на улицу, по которой люди двигались к Неве и обратно. Колючий снег сыпал прямо в лицо, жарил морозными иглами, слепил глаза, обжигал сквозь ветхую одежду. Вслед за другими я подошла к реке и спустилась на лед, зачерпнула ледяную воду и понесла домой. На печке-буржуйке мы кипятили ее, бросая в топку поломанные стулья, книги, бумагу, потом жадно пили кипяток.

Сгорели в результате бомбежек продовольственные Бадаевские склады, продуктов мы стали получать все меньше и меньше. У сестры Антонины родилась дочь Вера, но из-за нехватки питания у нее не было грудного молока, и мы получали его в детской консультации, но ее скоро закрыли. Вера громко плакала, плач ее с каждым днем становился все слабее, она таяла на глазах. Мы были в отчаянии, но бессильны помочь девочке, и она вскоре умерла.

Мы были в отчаянии, но бессильны помочь девочке, и она вскоре умерла.

Бойцы отряда МПВО завернули ее в одеяло и увезли вместе с другими умершими на кладбище. От голода умер свекор Антонины, а в морозный январский день ушла из дома и не вернулась свекровь.

В детстве я очень боялась покойников, но в блокаду видела их столько, что воспринимала смерть с безразличием.

Мы все были очень слабы, но, несмотря ни на что, хотелось сделать как можно больше. Хлеба получали 250 граммов, и больше ничего не было, а несколько дней вообще ничего не давали. Хлеб не выглядел привычно — какая-то непонятная масса. От голода было полное отупление мозгов и безразличие. Идешь, а на снегу лежит завернутый в простыню человек, и вот не было той жалости, какая должна быть в нормальных условиях. Но все

же хотелось дожить до победы и посмотреть, какая будет жизнь дальше.

На ткацкой фабрике организовали группу самозащиты. Там я научилась маршировать и стрелять из винтовки. Из порта носили мы бревна, пилили, топили котельную, чтобы не испортились дорогостоящие станки. За работу я получала 250 граммов хлеба, а сестра и ее дочь Надя получали по 125 граммов. Весь хлеб, 500 граммов, сестра делила на три равные части. Но Наде казалось, что ее обидели. Надув губки, она говорила одно и то же: «Вы мне мало дали».

Война отняла у нас Надю. Смерть ее была трагична. Играя с детьми во дворе в песочнице, она попала под обстрел и была ранена в живот. Ее подружке Ире пуля попала в бедро, а мальчику Виталику оторвало кисть руки. Врачи пытались спасти Надю, ей сделали операцию, но она умерла. Сестра Антонина сделала из фанеры гробик, и мы пешком свезли и похоронили Надю на Волковском кладбище.

Когда началась весна, надо было убирать снег, помойки. На проспекте Стачек скалывали лед с трамвайных линий, чтобы пошли трамваи.

Когда я приходила домой после работы, то дежурила у ворот дома и на крыше в моменты бомбежек. Не раз тушила зажигалки.

11 мая 1942 года на нашу крышу попал снаряд, и она сгорела. Был сильный пожар. Наши девушки две в то время дежурили на вышке (17 этажей), бросились оттуда и, конечно, разбились. Им было страшно гореть живьем, а спуститься оттуда было невозможно.

После пожара нас всех распределили кого куда. Меня направили в РЖУ Куйбышевского района, на улицу Рубинштейна, дом 15/17. С 17 мая 1942 года по 11 июля 1943 года я работала подсобницей у водопроводчика В. И. Шалимова. Он научил меня отогревать замороженные свинцовые трубы, чистить загаженные фановые трубы и туалеты, паять свинцовые трубы после отогрева паяльной лампой. Затем Шалимов заболел и умер, он был пожилым человеком.

До августа 1944 года я работала водопроводчиком. После смерти Шалимова меня назначили бригадиром. В бригаде у меня работали женщины вдвое старше меня, все мы были очень истощены, болели цингой. Работать было очень тяжело. Помню, с какой радостью мы встречали каждое сообщение о прибавке хлеба. В 1943 го-

Сестра Антонина сделала из фанеры гробик, и мы пешком свезли и похоронили Надю на Волковском кладбище

ду по рабочей карточке нам стали давать на продукты дополнительные талоны.

Однажды в подвале мы с Катей Осиповой нашли мороженую картошку, которую оставила одна из воинских частей. Мы еле дождались конца рабочего дня и напекли лепешек, они нам казались такими вкусными, что запомнились на всю жизнь.

Мне хотелось, чтобы меня направили на фронт. Пришла я в военкомат на улице Герцена, протянула свое заявление. Взглянув на меня, военком грустно вздохнул: перед ним стояла худющая изможденная девочка, почти дистрофик. «Нет, — ответил он мне, — вам придется остаться. Таких слабых мы на фронт не берем». Моему отчаянию не было предела. И такая тоска стояла у меня в глазах, что он отвернулся. Я открыла дверь и выскочила на улицу.

В 1943 году на восстановление города к нам приехали ребята из Белоруссии. Мне запомнились их имена — Володя Ковальчук, Володя Коваленко и Давид, которого мы ласково называли Додиком. С их приездом работать стало намного легче. Все трудности с переноской тяжестей они старались брать на себя. Все работали в одной бригаде. И вот однажды я и Володя Ковальчук зашли на улицу Рубинштейна, дом 7, к Ольге Берггольц. Мы тогда не знали, что она там живет. Пришли отогреть водопровод, почистили санузел, и вдруг из комнаты выходит сама Ольга. Она поблагодарила нас и дала кусок хлеба. Володя с жадностью схватил хлеб и выбежал из квартиры. Ребятам, конечно, пайки не хватало, они были голодны. Вскоре их отправили на фронт.

Каждый день я писала маме письма и жаловалась на голод: «Милая мамочка, сейчас бы съела все, от чего отказывалась в детстве!» Все беды, всю безысходность блокадного времени я доверяла письмам. Но мама их не читала — они пришли к ней только после снятия блокады. Когда мне мама прислала сообщение о своей болезни, мне разрешили к ней съездить. Я приехала к ней в деревню, и она протянула мне целую пачку писем. Каково же было мое удивление, когда я увидела, что текст во многих местах заштрихован чернилами: военная цензура не допускала, чтобы родные узнали правду о блокадной жизни. От обиды я бросила их в печку, огонь пожирал горькую мою исповедь.

В августе 1944 года при институте ЛИСИ организовали школу строительных десятников, в которую направляли на учебу от всех РСУ Ленинграда. Я была направлена на учебу с 1 октября 1945 года

по 15 июля 1948 года и по окончании работала строительным десятником по восстановлению садового хозяйства Куйбышевского района. Затем окончила архитектурно-строительный техникум и трудилась на строительстве до ухода на пенсию.

Была награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Двадцать пять лет пела в хоре МПВО вместе со своими друзьями, это все очень трудолюбивые и самоотверженные люди. С большим уважением я относилась к нашим руководителям — К. И. Шитенкову и В. И. Щавелеву. Мы очень много выступали в театрах, в школах, где я рассказывала о прожитых блокадных днях и обо всех переживаниях.

Каждый день я писала маме письма и жаловалась на голод: «Милая мамочка, сейчас бы съела все, от чего отказывалась в детстве!»

КУЗНЕЦОВА ИРИНА ИВАНОВНА

«СЕСТРА РАССКАЗЫВАЛА, ЧТО МЕНЯ ВСЕ ЛЮБИЛИ»

Я родилась в Ленинграде 17 апреля 1939 года. Семья была большая — папа, мама, детей шесть человек. Жили на улице Седова, дом 72.

Папа работал на Пролетарском заводе главным бухгалтером, мама — домохозяйка. Со слов старшей сестры, меня все любили, папа приносил мне конфетку с работы — «Ромашку», гуляли со мной, возили в коляске.

Наступило страшное время — 1941 год, война. Старшие братья ушли служить, и потом с войны вернулся только старший брат. Папа ушел в ополчение.

Мы остались с мамой. В 1942 году папа пришел повидать семью — и умер. Мама была больная, она тоже умерла в том году, и старшая сестра, брат... Нас осталось: старшая сестра (15 лет), брат (16 лет) и я (два с половиной года). Нас забрала бабушка, мамина мама. Так я выросла без родителей.

Что осталось в памяти ребенка — никогда не забудется. Помню, как бабушка топила буржуйку, дым выходил через окно. Помню звук сирены. Помню, как от упавшей бомбы волной вынесло стекла. Помню радиотарелку. Помню, как все радовались, когда прорвали блокаду. Бабушка нам сказала: «Дети! Я теперь буду больше давать вам хлебушка». А потом совсем сняли блокаду и закончилась война.

Бабуля прожила долго, и, уходя из жизни, она мне сказала, что я у нее выросла хорошей... Слезы душат... Спасибо бабуле, что нас не бросила.

Старшие братья ушли служить, и потом с войны вернулся только старший брат.

Помню, как все радовались, когда прорвали блокаду. Бабушка нам сказала: «Дети! Я теперь буду больше давать вам хлебушка».

ФЕДОРОВ
СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ

«ОТЕЦ БЫЛ ЧЕТЫРЕ РАЗА РАНЕН, В ПЯТЫЙ РАЗ УЖЕ СМЕРТЕЛЬНО»

Памяти отца посвящаю

Я хочу немного рассказать о своей семье до войны и во время войны, а участником этих событий является мой отец — Сергей Федорович.

Я родилась в 1936 году. Жила на Лиговском проспекте, дом 47, счастливая семья Федоровых: папа, мама Вера Алексеевна и две дочки — Нина (1936 года рождения, это я) и Люда (1938 года рождения). Отец очень любил нас.

Было лето, цвела сирень, из открытых окон слышалась музыка. И тут началась война.

Отец работал на железной дороге Финского направления главным кондуктором (может, я неправильно называю должность, но уточнить не у кого), у него была броня. Долгие и настойчивые хождения в Куйбышевский военкомат — и его призвали на Ленинградскую оборону. И начались мамины страшные дни ожидания солдатских треугольников — писем с фронта. На углу листа, внутри, стоял штамп: «Смерть немецким оккупантам!»

В письмах папа коротко сообщал о боях, потерях друзей, ранениях своих, они были пропитаны болью и беспокойством за семью и родителей, оставшихся в осажденном Ленинграде.

Разбомбили флигель во втором дворе, в котором мы жили. Нас переселили в первый флигель. Мы чудом остались живы. Во время бомбежек спускались в бомбоубежище.

Мама устроилась на работу, чтобы получать рабочую карточку. По ней выдавали чуть больше граммов хлеба, и эти крохи спасали нам жизнь. А был еще клей, дуранда, ремни и другое. Защитники

наши, зная все это, беспощадно били ненавистного врага, не долечившись в госпитале от ран, уходили на фронт. Отец был четыре раза ранен, в пятый раз уже смертельно. Он воевал на Ленинградском фронте, в районе поселка Радофинниково и на Волховстроевском направлении. Папа имеет награды — медали, ордена.

Но вот пришел печальный, страшный день для нас — пришла похоронка на отца:

«Федоров Сергей Федорович, 15.03.1915 года рождения, находясь на фронте Великой Отечественной войны, проявив героизм и мужество, погиб смертью храбрых 10 апреля 1942 года, похоронен с воинскими почестями в Ленинградской области, д. Дубовик.

НКО СССР № 202

Командир части подполковник Антонов»

Маму спасали от горя только мы — две крохи, которые нуждались в ее заботе, уходе, любви, и так до последних дней ее жизни. Она вырастила детей, дала нам хорошее образование, оставила светлую память о себе.

Родители отца покоятся в Пискаревском захоронении — 1941 год.

Вечная память воинам, павшим в боях за Ленинград, защищавшим наш лучший город на земле. Каждая пядь нашей земли полита кровью наших бойцов, чтобы мы, оставшиеся, жили, учились, растили детей, сажали сады. И то правда: Синявино, Радофинниково, Волховстрой, Кировск, Невский пятачок — места, где шли ожесточенные бои — теперь там цветут садоводства!

Кызьюрова(Федорова) Нина Сергеевна

Вечная память воинам, павшим в боях за Ленинград, защищавшим наш лучший город на земле.

ДОКУКИНА (ИВАНОВА) ВЕРА ФЕДОРОВНА

«ЭТОТ УЖАС НЕ ДОЛЖЕН ПОВТОРИТЬСЯ»

Я родилась в Гатчине 10 октября 1939 года. Вскоре после начала войны, в августе 1941 года, наш дом разбомбили. Мы с мамой переехали в Ленинград к бабушке с дедушкой на улицу Шкапина, в дом 3/5. Но прожили там лишь до 1942 года, когда этот дом попал под обстрел и тоже был разрушен. Нам пришлось переехать в дом 25, там мы остались до конца войны.

Когда я подросла, то стала больше понимать, что такое война, по своим ощущениям и рассказам мамы. Голод и болезнь не дали мне возможности хорошо помнить все события тех лет.

Этот ужас, который пережило наше поколение, никогда не должен повториться.

Этот ужас, который пережило наше поколение, никогда не должен повториться.

ЛАПАНУХИН
АРТУР ЖАНОВИЧ

«ИЗ ЧЕТЫРНАДЦАТИ РОДСТВЕННИКОВ В БЛОКАДУ ВЫЖИЛИ ТОЛЬКО ПЯТЕРО»

Все мужчины ушли на фронт. А мы, дети с матерями, остались одни с тяготами блокады. Наши одиннадцать родственников перешли в нашу четырнадцатиметровую комнату на улице Боровой, дом 23, квартира 96, чтобы выжить, не замерзнуть.

В печку клали два кирпича, на них ставили чайник, кастрюльку, жгли лучинки для освещения и отепления.

По тревоге сначала все бежали в бомбоубежище, а потом на чердак — дежурить, тушить зажигательные бомбы.

Нашу маму сразу отправили на фронт, на передовую, рыть окопы. Но когда ее ноги опухли и опухоль подходила к сердцу, санчасть ее списала и вернула маму маленьким детям.

На Обводном канале в большом доме, бомбоубежище, собиралось много детей и взрослых, заходил туда и патруль военных, а я вместе с другими детьми участвовал в выступлениях самодеятельности. Но зимой сил уже не стало. Весной на этом месте вместо дома осталась куча кирпичей после бомбежек.

Наши родственники, четырнадцать человек, друг за другом уходили из жизни от голода. Подростки Надя и Юра ушли с карточками за хлебом и не вернулись, пропали вместе с карточками. Погибли и их родители.

Бабушкин сын, Георгий, зимой в темноте ходил за «сладкой землей» на сгоревшие от бомбежки Бадаевские склады. Мы все ее ели. Но 8 марта 1943 года Георгий умер в четырнадцать лет.

Весной 1943 года я вышел погреться у дома на солнышко. Внезапно в двухстах метрах от меня Боровой мост через Обводный канал от фашистского артобстрела с Вороньей горы взлетел вверх и рассыпался бревнами. Осколок снаряда упал к моим ногам в 5—10 сантиметрах. Я схватил его, но сразу же бросил на землю — он был острый и раскаленный.

Летом в наш дом по касательной попал снаряд на уровне нашей квартиры, но с противоположной стороны дома, и не разорвался, а упал в подвал. Вся мебель в квартире от удара сдвинулась от стенки на середину комнаты! Мы долго молча, в оцепенении от шока, сидели и не двигались...

Выжили из нас только пятеро.

Внезапно в двухстах метрах от меня Боровой мост через Обводный канал от фашистского артобстрела с Вороньей горы взлетел вверх и рассыпался бревнами.

МУСАЛЕЕВА (АРИФУЛИНА) ФАТИМА КАЮМОВНА

«ДВЕ МАШИНЫ, ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ, ПРОВАЛИЛИСЬ ПОД ЛЕД, А НАША КАКИМ-ТО ОБРАЗОМ ОБЪЕХАЛА ВОРОНКУ»

Я родилась в городе Ленинграде 1 июля 1932 года.

Когда объявили в войну, я с папой была в Москве — ездили навещать больного дедушку. Через два дня мы выехали в Ленинград. Тревожные чувства охватили нас при виде заклеенных крест-накрест окон во всех домах. По улицам ехали тележки с вещами и машины, груженные людьми, которые, видимо, эвакуировались. В школах составлялись списки детей, которых должны были вывозить. Папа нас не отправил, сказал, что война будет короткой, как Финская. Так мы остались в Ленинграде.

Наша семья состояла из папы, мамы, старшего брата (шестнадцати лет), младшего брата (пяти лет) и двоюродного брата (двенадцати лет), который приехал на каникулы в наш город, но так и остался в Ленинграде. Мне шел девятый год.

8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда. Город стали бомбить и вечером, и ночью, а с утра, на заре, были обстрелы из дальнобойных орудий. Было очень страшно. Горели Бадаевские склады, где были тонны всевозможных продуктов, которые могли бы спасти жителей города. Движения не было.

Наступила зима. Постепенно нормы хлеба по карточкам стали убавляться. Детям давали 125 граммов хлеба, а рабочим — 250 граммов. Мама обменивала вещи на рынке, чтобы накормить нас, приносила плитки дуранды и жмыха. Мы жили в доме военного ведомства, и кто-то из уезжающих подарил папе лошадиную голову. Это стало большим подспорьем. На буржуйке мы обжаривали лошадиные губы и долго жевали их, до белизны. Это давало нам чувство

сытости. Также мы пили жженый сахар, который дали папе за участие в тушении пожара на Бадаевских складах. Собираясь вечером за столом, мы часто вспоминали мирные дни, вкусную еду, особенно деревенский чугунок с картошкой.

Света в доме не было, передвигались на ощупь. Вечером зажигали коптилку. Было очень холодно. Чтобы добыть воду, я ходила на улицу Ракова в театр Комиссаржевской, где в подвале постоянно текла вода, так как дойти до Невы и Фонтанки у нас не хватало сил.

Стояли сильные морозы. В городе была тишина, везде сугробы. Люди полностью обессилены. На моих глазах мужчина прислонился к стенке, сполз и умер, а на другой улице лежала мертвая женщина. Но нас это не пугало, мы не боялись мертвых, ведь все чувства были атрофированы.

20 февраля 1942 года папу, ослабевшего, потерявшего сознание, с улицы принесли домой (он работал дворником). 21 февраля он умер, а 22 февраля умер мой двоюродный брат. Мы их обернули в простыни, и старший брат повез тела на санках в пункт для захоронения в братских могилах, где собирали всех умерших.

Старший брат работал на заводе после окончания ремесленного училища. С большим трудом он добирался до завода, у него были распухшие ноги, цинга.

Завод готовился к эвакуации, и так как брат был очень болен, в апреле нас эвакуировали на родину мамы (Горьковская область). До Ладожского озера мы добирались поездом. Часто из поезда нас высаживали — бомбили дорогу.

Наступила весна. Светило солнце. Лед на Ладоге таял. После поезда нас погрузили на крытые машины (их было три) и повезли по Ладоге. Через какое-то время мы услышали жуткие крики. Оказалось, две машины, идущие впереди, провалились под лед, а наша каким-то образом объехала эту воронку. Так мы остались живы.

На том берегу нас погрузили в товарные вагоны с нарами, в середине стояла буржуйка. Так и доехали до деревни. Брата в семнадцать лет взяли в армию. В двадцать лет он вернулся в Ленинград инвалидом второй группы после контузии и ранений. По его вызову, в начале 1945 года, мы вернулись в Ленинград.

Это были страшные годы, которые не должны никогда повториться. Молодые поколения должны быть патриотами своей родины, умеющими защищать ее и помнящими историю страны.

Вечная слава и память освободителям от фашистской оккупации.

Чтобы добыть воду, я ходила на улицу Ракова в театр Комиссаржевской, где в подвале постоянно текла вода, так как дойти до Невы и Фонтанки у нас не хватало сил.

СИРОТОВА ЕВГЕНИЯ ЯНОВНА

«ВО ВРЕМЯ ТОЛЬКО ОДНОГО ОБСТРЕЛА НАШЕГО ДОМА 42 ЧЕЛОВЕКА БЫЛО РАНЕНО»

Я родилась 2 августа 1921 года, к началу войны мне было девятнадцать лет. Я мечтала быть чертежником в конструкторском бюро. С 1937 года работала в артели «Электро» копировщицей. Проживала на Зверинской улице в Петроградском районе, дом 17б, квартира 43.

Началась война, в первые же дни я эшелоном уехала в Толмачево на рытье оборонительных сооружений. По дороге на работу — крики: «Война!!!» Во дворе — крики: «Все на помощь!» — оборонять дом и квартиры, доносились далекие взрывы.

Дальнобойные снаряды били на третий день на улице Блохина. Ушла с работы уже в конце 1941 года. К прачечной привозили оголодавших людей и покойников. Вот это был уже страх! Днем сбрасывали зажигалки. На крыше были ящики с песком и клещи, там гасили зажигалки.

Начался февраль — самый голодный месяц. Начали получать все меньше продуктовый паек. Позднее — 125 граммов хлеба. Я была уполномоченным по выдаче карточек.

С 1942 года состояние ухудшалось. Начался обстрел дома, 28 февраля сорок два человека было ранено. На грузовике их увезли, но все больницы заняты, пол-

дня возили и в институте «Скорой помощи» на улице Льва Толстого высадили около дверей шесть человек (у одной был разорван живот), но затем им открыли и взяли.

Видела, как вывозили раненых на грузовиках на другую сторону Ладоги. Таким же образом вывезли и меня тоже. Бомбежка была ужасная, машины уходили под лед, было страшно, кричали, тонули. Так для меня началась эвакуация в деревне Выстав. Жила с дядей.

Начали получать все меньше продуктовый паек. Позднее — 125 граммов хлеба. Я была уполномоченным по выдаче карточек.

ЛУММЕ
ЛИДИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

«Я ЗАБИРАЛАСЬ НА ПОДОКОННИК И СМОТРЕЛА, КАК ЛЮДИ БЕЖАЛИ ПОД АРКУ В БОМБОУБЕЖИЩЕ ВО ВРЕМЯ ВОЗДУШНОЙ ТРЕВОГИ»

Я родилась 17 сентября 1938 года в Ленинграде. Все 900 дней блокады выпали на мою долю. Я бережно храню блокадную награду № 1571 от 2 октября 1942 года.

Отец с братом добровольцами ушли на фронт, а мама с тремя маленькими детьми осталась в городе.

Наш деревянный двухэтажный дом в Выборгском районе разобрали на дрова, а нас переселили в Дзержинский район на улицу Воинова, дом 1/6, квартира 38.

В декабре 1942 года умерла моя бабушка Елена Кирилловна и мои братья — Толенька (два года) и Коленька (один год). Я осталась единственным ребенком.

У мамы распухли ноги, она с трудом ходила, но надо было работать. В детский сад меня не брали из-за бесконечных болезней. По десять-двенадцать часов я находилась в пустой квартире. Трудно словами передать, что может ребенок чувствовать в таком положении. Очень страшно, темно, холодно, днем и ночью хочется есть. Я забиралась на подоконник и смотрела, как люди бежали под арку в бомбоубежище во время воздушной тревоги.

К весне я перестала ходить и все время лежала, была дистрофия первой степени.

Мы жили в эпицентре бомбежек — Эрмитаж, Большой дом, Литейный мост и бани на Чайковского. По ночам жуткий звук разрушал тишину. Тяжкий, низкий гул — это бомбардировщики, а короткий,

многократный — наших зениток с противоположного берега Невы. Бомба попала в дом № 10 по улице Чайковского. Позже я видела, как пленные его отстраивали вновь.

В 1945 году на Дворцовой площади я с мамой встречала отца, но он пришел домой значительно позже.

Счастье — это мир, когда есть хлеб, вода, тепло и улыбаются дети.

Нам много лет,
Но дни блокады
Мы не забудем никогда,
Наш Ленинград, наш город детства,
В руинах улицы, дома.
И нет воды, и хлеба тоже,
И день и ночь бомбят враги,
В промерзших каменных темницах
Мы умирали, мебель жгли.
На подоконниках стояли
В кромешной тьме совсем одни,
И слезы как-то не по-детски
По бледным личикам текли.

В детский сад меня не брали из-за бесконечных болезней.

ТИШИНА
ИННА ГРИГОРЬЕВНА

«В БЛОКАДУ НАС СПАСАЛА ЖЕЛЕЗНАЯ ВОЛЯ БАБУШКИ»

Великая Отечественная война прошла по судьбам людей старшего поколения, но не остались в стороне и дети. Когда началась война, мне через неделю исполнилось восемь лет. Очень ясно помню этот день.

Меня воспитывали родные моей матери. Наша семья Потокиных состояла из бабушки Евдокии Михайловны, дедушки Федора Никифоровича, тети Екатерины Федоровны (родной сестры моей мамы) и меня.

Наша семья снимала дачу в поселке Вырица. На выходные из Ленинграда приезжали после работы старшие. 22 июня был выходной, стояла чудесная теплая, солнечная погода. Мы большой компанией вместе со взрослыми отправились купаться на реку Оредеж. Настроение у всех было замечательное. Но не прошли мы и половины пути, как увидели бегущих нам навстречу людей, которые кричали: «Война! Война!» От них мы узнали, что по радио выступал Молотов с обращением к народу о нападении Германии на нашу страну.

Мы вернулись на дачу, и мой дядя, Александр Федорович Потокин, сразу поехал в Ленинград, чтобы явиться в военкомат. Во время финско-советской войны он сражался на Карельском фронте, потом их части были направлены в Прибалтику, а в феврале 1941 года его демобилизовали. Но, как оказалось, ненадолго: всю блокаду

он воевал в танковых войсках на Ленинградском фронте, а Великую Отечественную войну закончил в Румынии.

Вечером уехали в Ленинград на работу и дедушка с тетей. Мы с бабушкой остались на даче. У старшего поколения было твердое убеждение, что война скоро кончится. Однако немцы стали быстро продвигаться.

Мы вернулись в город, который быстро менял свой облик. Введено было затемнение, вечером на улице можно было встретить бойцов с аэростатами. Началась эвакуация заводов. Уехали наши родные, работавшие на Металлическом заводе, на Урал. Начались бомбежки и обстрелы.

С содроганием вспоминаю звук метронома и сирены, звучащие из репродукторов при объявлении воздушной тревоги. Поэтому, когда несколько лет назад, идя по улице, я услышала из репродукторов этот звук, у меня сердце остановилось. Оказывается, кто-то решил, что для людей, перенесших блокаду, это самый приятный звук.

Замкнулось кольцо блокады, были разбомблены Бадаевские склады. Бомбежки становились почти непрерывными. Бомбоубежище находилось во дворовом флигеле нашего дома. Только возвращались мы с бабушкой из бомбоубежища после сигнала отбоя воздушной тревоги, и она зажигала керосинку, как снова звучал сигнал, и мы опять бежали в укрытие.

Тетя и дедушка работали, а во время бомбежки дежурили на крыше своего предприятия. Где-то через месяц мы стали жить в бомбоубежище, навещая свою комнату, чтобы сменить какие-то вещи. Во время одного такого визита

На фото:
Тишина Инна, п. Вырица, 1940 г.

Уехали наши родные, работавшие на Металлическом заводе, на Урал.

мы не успели добежать до укрытия, как услышали звук летящего самолета. Нам пришлось остаться в парадной. И вдруг раздался свист: оказалось, что в дом напротив попала бомба, которая не взорвалась. Наш дом стали расселять, мы временно поселились у родных.

Нормы снабжения все снижались. Слег дедушка. Продавали мебель, вернее, меняли на продукты: дуранду, столярный клей, отруби. Нас спасала железная воля нашей бабушки, которая пыталась из отходов готовить что-то наподобие съедобных блюд. Но несмотря на постоянное чувство голода, я не могла есть студень из столярного клея. К Новому 1942 году на предприятии, где работала тетя, сотрудников наградили. Им выдали по одному кубометру паркета, а это значило, что топить буржуйку мы могли уже чаще. Постоянное чувство голода не покидало меня и долгие годы после войны.

В конце января приехал в командировку на Кировский завод с фронта дядя Александр Федорович. Он был водителем танка, и его направили на завод за отремонтированными машинами. Командование знало, что у него родные в осажденном городе, и ему предоставили однодневный отпуск, чтобы нас навестить. Обменяв наручные часы у повара своей части, он привез немного продуктов. Это дало возможность как-то дожить до эвакуации. Тетя Екатерина Федоровна стала оформлять необходимые для отъезда документы.

В начале марта 1942 года на автобусе мы по Дороге жизни отправились на Большую землю. Через Ладожское озеро ехали ночью. Временами колонна машин останавливалась, так как на пути могли быть трещины или пробоины. Водитель на одной такой остановке попросил: «Разбудите меня через 15 минут». В автобусе находились в основном женщины с детьми. Они знали, что водители не отдыхают по несколько суток, поэтому разбудили его через 25 минут. Как он их ругал за задержку! Дорога была каждая минута, которая могла стоить всем жизни.

Нас привезли на станцию Жихарево, где мы в помещении вокзала ожидали поезд, чтобы ехать дальше. Здесь нам выдали по 900 граммов хлеба на каждого! И снова нас спас сильный характер нашей бабушки: она не дала нам сразу наброситься на такое изобилие, постепенно увеличивая норму каждому, и тем самым она сохранила нас от гибели. Ведь многие, пережив блокаду, по-

Нас спасала железная воля нашей бабушки, которая пыталась из отходов готовить что-то наподобие съедобных блюд.

гибали от расстройства желудочно-кишечного тракта, достигнув Большой земли.

Из Жихарева специальным эшелоном нас привезли в Ростов Великий, где разместили в отдельном стационаре для ленинградцев. Здесь мы пробыли месяц под наблюдением врачей и с усиленным диетическим питанием.

Через месяц мы поехали на Урал в город Верхняя Салда, где находились в эвакуации наши родные.

И снова нас спас сильный характер нашей бабушки: она не дала нам сразу наброситься на такое изобилие, постепенно увеличивая норму каждому, и тем самым она сохранила нас от гибели.

ТАТКИН
ГЕННАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

«ПОЛОЖЕННЫЕ ОТЦУ СИГАРЕТЫ МАТЬ ВЫМЕНИВАЛА НА СОЕВОЕ МОЛОКО ДЛЯ МЕНЯ»

Я родился 29 октября 1941 года в Ленинграде, в родильном доме имени профессора Снегирева.

Мать работала на обувной фабрике «Скороход». После моего рождения она работу не прекращала, а с ребенком помогали родные — сестры. Среди них была девочка Надя, троюродная сестра, она со мной нянчилась, когда взрослые работали. Как удалось сохранить мне жизнь, знают только они и мать. Она умерла рано, в пятьдесят лет.

На фото: Таткин Геннадий

Отец всю войну воевал в Кронштадте, обезвреживал на тральщике мины. Он не курил: сигареты давали, и мать выменивала их на молоко (со слов родных, тогда давали соевое молоко).

На фото: Таткин Василий

СТАРОСТИНА
ЗИНАИДА АЛЕКСЕЕВНА

«КОГДА МАМУ ЗАБРОСИЛИ В ГРУЗОВИК С ТРУПАМИ, ОНА ЗАСТОНАЛА, И ВСЕ ПОНЯЛИ, ЧТО ОНА ЕЩЕ ЖИВА»

1941 год. Город в кольце врагов, началась блокада Ленинграда. В октябре четыре бомбы попали в наш дом на углу Обводного канала и Измайловского проспекта (тогда — проспекта Красных Командиров). Для меня, десятилетней, потерявшей кров, болью и кровоточащей раной стал вид разбитого дома — в развалинах, в огне. Я не осознавала еще тогда, что и сама-то чудом осталась жива, и смотрела, как вытаскивали из-под обломков разбухших, синих, окровавленных знакомых — живых и мертвых. Жутко было смотреть на еле державшуюся балку с беспомощно висевшим на ней мальчиком, моим одноклассником. Он безумно, надрывно кричал, взывая о помощи, и вдруг замолчал навечно, когда балка обрушилась. Этого мне не забыть никогда!

Все оставшиеся в живых получили жилье на разных улицах, в квартирах эвакуированных или уже умерших. Нам с мамой досталась квартира на 12-й Красноармейской — на верхнем этаже. Тяжело было подниматься, носить воду, которую мы брали в проруби на Фонтанке. Наступило страшное, невозможное для жизни время — февраль 1942 года. Зима выдалась жестокая. Частые бомбежки, голод, морозы, от которых в квартирах замер-

зала вода. Из-за часто объявляемых по радио тревог и голодного бессилия я в школу не ходила. Но спускаться в магазин и отоваривать карточки мне, конечно же, приходилось. Стояли на морозе, ждали часами. Мама работала на заводе — у станка и днем и ночью. Домой ее отпускали редко. Женщины делали детали для гранат, еще горячими отправляя их на сборку, а затем сразу же — на фронт. По своей природе мама моя была хрупкая, невысокая, несильная женщина. В феврале она казалась похожей на скелет, обтянутый темно-коричневой кожей. К концу месяца совсем ослабела. На заводе таких, как мама, ослабевших женщин прикрепляли за талию к мостовому крану, и в этом подвешенном состоянии они и работали.

Женщины делали детали для гранат, еще горячими отправляя их на сборку, а затем сразу же — на фронт.

На фото: Зинаида Алексеевна Старостина с мамой

Вскоре, в конце февраля, маме приказали собираться в эвакуацию, отпустили с работы, чтобы приготовиться к отъезду. Вместе мы вышли на улицу. Идем по 12-й Красноармейской, а навстречу, еле передвигаясь, как и мы, идет... какой-то пузырь, обвернутый

платками. Когда почти поравнялись, я говорю маме: «Это же наша тетя Тоня!» А мама не узнает ее в этом распухшем сине-зеленом существе с остекленевшим взглядом. Взрослые ленинградцы в блокаду от голода выглядели по-разному, а дети походили на сморщенных старичков.

Но эвакуироваться нам не пришлось: мама от этих сборов слегла, стала совсем черной и лежала без движения. Преодолевая страх, я старалась всем своим детским опытом вернуть ее к жизни, плакала, просила не оставлять меня одну, даже молилась, как могла. Но все было напрасно — мама лежала бездыханной. Я поняла, что потеряла ее.

Пошла за помощью. Мне удалось найти трех девушек из МПВО. Они пришли, завернули маму в простыню и так хотели вынести на улицу, чтобы на санках отвезти на Канонерку, куда отвозили всех умерших, и уже оттуда, на грузовиках — на Пискаревку. Я стала горячо просить девушек укутать маму в ватное одеяло. Они отказывались, а я, плача, убеждала их, что это одеяло — мамин свадебный подарок, которым ей не пришлось ни разу укрыться; что незадолго до начала войны, 17 июня, мама зарегистрировалась с хорошим человеком, дядей Колей, а 22-го началась война, и он ушел на фронт.

Девушки увезли маму в одежде, простыне и ватном одеяле. Безысходность и страх от сознания, что мамы нет и я осталась одна, поглотили все мое существо. Мне ничего не оставалось, как идти к отцу, который жил на набережной Пряжки, в другой семье. Я пришла, рассказала, как умерла мама, и осталась жить в этой недружелюбной семье...

Наступило лето. И в один из дней начала июня ко мне вдруг пришла... моя живая мама! Я была в шоке, сильно плакала и, не веря своим глазам, все трогала и обнимала ее, свою воскресшую маму.

Видно, так распорядилась судьба, чтобы мама осталась жива. Она рассказала, что, когда ее забросили в грузовик, она... застонала, поразив этим всех там находившихся. Маме повезло: в это время рядом оказался какой-то начальник, который сразу же распорядился направить ее в госпиталь. Там ее выходили и в начале июня выписали.

Мама, конечно, заторопилась домой в надежде увидеть меня. Но из дверей нашей квартиры вышел военный и заявил, что бывшие жильцы все умерли. Мама, в горе решив, что я мертва, напра-

вилась к моему отцу, где и явила для меня чудо своего воскрешения из мертвых.

У бедной моей мамы, конечно, не было никаких сил хлопотать о жилье. Нас приютили родственники дяди Коли, на которого, еще до нашего появления у них, уже пришла похоронка....

Так мы промыкались с мамой несколько лет. И только в 1950-х годах маме выделили маленькую комнатушку. Умерла мама, не дожив четырех месяцев до своего восьмидесятилетия, в день Скорбящей Божьей Матери.

То, что мама выжила — это был очень странный, поразительный случай! Видно, Господь не позволил маме оставить меня совсем одну — за сильную любовь мою к ней и такую же ответную ее материнскую любовь. Царствие небесное тебе, мученица моя мама, и вечная светлая память!

Вечная память всем погибшим в блокаду, а также всем моим товарищам, которые безвременно ушли из жизни в наше тяжелое время!

То, что мама выжила — это был очень странный, поразительный случай!

ИЛЬИНА
ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА

«ИЗ ДЫРКИ В МАТРАСЕ Я НАДЕРГАЛА ВАТЫ И СДЕЛАЛА СЕБЕ КУКЛУ»

Когда началась война, мне было четыре года. Помню, первые страхи возникли, когда начались бомбежки. Мы с тетей сразу бежали в подвал, а мама не хотела туда идти, и я очень сильно кричала и плакала, если мама так поступала. Но потом, когда из разрушенных зданий было не выйти, то и тетушка меня уговорила не прятаться в подвале.

С начала войны были закрыты все детские сады, и маму заставляли отдать меня в эвакуацию с детским садом. Но мама меня не отдала, сказала: «Умирать будем вместе». Как чувствовала: последний поезд разбомбили немцы.

После войны мама рассказывала, что как-то к нам пришла тетушка и увидела, что мама свой хлеб отдает мне. Конечно, маму она отругала, а меня взяла к себе. У нее дочь служила в армии, и там она сберегала еду со своего пайка и приносила нам с тетушкой.

У нас жил кот, которого мы очень любили. Но было время, когда мы с тетушкой тоже голодали. В доме, где мы жили, находилась столовая, и они просили отдать им кота, так как у них развелись крысы. И вот настал день, когда мы с тетей решили расстаться с котом. Тетя за кота принесла суп, который мы сразу же съели — и чуть не умерли. Я перекинулась через туалет и охала, а тетя на кровати тоже охала. Я боялась, что она умрет, и все спрашивала, жива ли она.

Когда мама забрала меня от тети, уже не помню. Я оказалась в детском саду в Мельничном Ручье. Помню, мама приехала один

раз, потому что надо было брать разрешение для поездки к нам. Об этом мне мама рассказывала уже после войны. В детсаду, помню, когда укладывали спать, из матраса, в котором была дырка, я надергала ваты и сделала куклу, и играла с ней, пока не усну. А потом прятала ее, чтобы не нашли.

В холодные ночи мы ложились спать в бане всей группой. Вокруг нашего детского сада была вырыта канава, наполненная водой и тиной. И вот одна девочка у меня все спрашивала: опасно ли есть эту тину? Ей почему-то казалось, что я ее ела.

Один раз случилось ЧП: летом наша группа с воспитательницей пошла гулять, и мы зашли на кладбище. Там навстречу вышел мужик — весь заросший, одни злые глаза виднелись. Мы все заорали и разбежались кто куда. Когда мы вышли из своего укрытия, нас было только пятеро детей, и больше — никого. Обратно идти мы боялись, а где детский сад — не знали. Мы вылезли в дырку забора на улицу, нас отвела местная жительница. В саду уже все обедали, нам очень обрадовались, накормили нас.

Еще помню, как нас, семилеток, провожали из детского сада. Был теплый, солнечный день, мы вышли на лужайку в лесу. Нас угостили чаем и куском булки. Вкус этого чая я помню до сих пор и никогда больше такого не пила.

В школу первого сентября я и подруга не попали, потому что не нашли. А вечером мама спросила, что там было. Я и сказала, что школу мы не нашли.

У меня была проблема: не могла закрыть дверь ключом — не хватало сил его повернуть. Мама, утром идя на работу, уходила вместе со мной и закрывала дверь. А в школе был продленный день, и вечером она меня забирала.

В первом классе почти ничего не помню, чем занимались, единственное — как мы карандашом чертили палочки. Еще помню, что в нашем классе учились и большие дети, а также учительница, которая всех, кто не отвечал ей, лупила линейкой по спине и обзывала «телеграфным столбом». Во втором классе она уже не появилась. Еще помню, что надо было переходить на чернила, и мама принесла банку чернил, а я сразу же разлила их на скатерть.

Больше ничего не помню, как мы выжили в блокаду. Все благодаря моей маме и тете Нате.

Один раз случилось ЧП: летом наша группа с воспитательницей пошла гулять, и мы зашли на кладбище.

СТАНКЕВИЧ (ГРИГОРЬЕВА) ЛИДИЯ НИКОЛАЕВНА

«СОЛДАТ СПАС НАС, ПОДАРИВ МЕШОК ПРОДУКТОВ»

Я считаю себя счастливым человеком, у меня есть любящие дочь и внучка. А ведь этого могло не быть, если бы не мои близкие — мама, Григорьева (Ульянова) Агния Васильевна, и тетя (сестра отца) — Григорьева Зинаида Ивановна. Самые трудные дни войны и 900 дней блокады мы пережили вместе.

Я родилась 17 декабря 1940 года в интеллигентной и дружной семье. Жили мы в Василеостровском районе на острове Голодай (Декабристов), в переулке Каховского, дом 3, квартира 48. Отец мой, Григорьев Николай Иванович, до войны работал в СМУ-4 конструктором-проектировщиком, а мама была завучем и преподавала географию в школе № 29.

Воспоминания о войне — со слов моей мамы: «День начала войны был теплым летним воскресным днем. Мы пригласили друзей, чтобы вместе отметить окончание учебного года. В 12 часов дня, накрывая на стол, я услышала голос Левитана по радио, он объявил о нападении на нашу страну Германии. Посуда выпала из моих рук, я была в шоке. Тут же зазвонил телефон — вызывали отца на работу. Их СМУ-4 эвакуировалось на Урал, всем служащим выдали броню».

Мой отец и его сестра, работавшая начальником отдела кадров в том же СМУ-4, отказались от брони. Отец вместе с другом записались в народное ополчение — 41-й стрелковый полк. Мама долго плакала, но отец сказал: «Война продлится не более трех месяцев. Мы будем здесь защищать свой город». Мне тогда исполнилось шесть месяцев.

Он оставил нам целый вещмешок продуктов: консервы, хлеб и даже кусочки сахара».

Тетя Зина работала везде, где нужны были рабочие руки: копала окопы, ухаживала за больными и ранеными в госпиталях, была сандружинницей. Впоследствии, после окончания войны, она получила медаль «За оборону Ленинграда» и продолжала работать там же, где и до войны.

Мама тоже помогала родному городу чем могла: привязав меня полотенцем к своему телу, она носила песок, сбрасывала бомбы-зажигалки с крыш, была старшей по нашей парадной в доме — следила за опечатанными квартирами, навещала оставшихся жильцов, сообщала домоуправу об умерших.

Со слов мамы: «Война и голод объединили и сплотили всех. Радость и горе стали общими».

Всю войну мы прожили на кухне, поскольку вся мебель (стол, стулья, кушетка) и многие вещи были обменены на предметы первой необходимости — продукты, мыло, спички. Остались только на память часы с боем и патефон. Кухня была маленькой, зато там была большая плита, которая спасала нас от голода и холода, — мы на ней готовили, спали, а золой, остававшейся от сгоревших дров, мыли меня и всю семью, стирали белье.

Воду возили из Финского залива, там до войны было прекрасное место для отдыха (Лагуна).

Мама вспоминает: «Однажды мы втроем лежали на печке — голодные, холодные, живые мощи. Не было сил подняться и подогреть воду. Вдруг слышим: кто-то ходит по квартире и спрашивает: “Есть кто-нибудь живой?” Открывается дверь и заходит молодой боец, увидел нас в таком положении, быстро затопил печь и вскипятил чайник. Солдат оказался соседом со второго этажа, он приехал на побывку к родителям. Но они умерли, и фронтовик решил обойти все квартиры по лестнице и узнать, есть ли кто-нибудь живой. Он оставил нам целый вещмешок продуктов: консервы, хлеб и даже кусочки сахара».

Вот таким образом, за счет доброты чужого человека, мы остались живы. Мама много рассказывала о войне и блокаде со слезами на глазах — ведь это забыть невозможно.

В войну у меня погиб отец — командир взвода 14-й дивизии (захоронен в Новой Деревне, в братской могиле на Серафимовском кладбище), а также два дяди — Ульяновы Алексей и Владимир Васильевичи, оба летчики, Герои Советского Союза.

МИСЮКОВА
НИНА МИХАЙЛОВНА

«К СКУДНОЙ ПОРЦИИ БЛОКАДНОГО ХЛЕБА МАМА СТАРАЛАСЬ ЧТО-ТО ДОБАВИТЬ — В ХОД ШЛИ СТАРЫЙ ПАПИН РЕМЕНЬ, ГОЛЕНИЩА САПОГ, ОСТАТКИ СТОЛЯРНОГО КЛЕЯ»

22 июня 1941 года началась война, папа ушел добровольцем на фронт. Больше мы не видели своего папочку и не получали никаких известий.

Мама со мной, девятилетней, и новорожденной сестричкой остались без денежных средств и продовольственных запасов. Постоянное чувство голода, страх от воздушных тревог, воя сирен и голоса из репродуктора об артобстрелах.

У нас были иждивенческие карточки — 125 граммов блокадного хлеба, к которым мама старалась что-то добавить. В ход шло все: и старый папин ремень, и голенища сапог, и остатки столярного клея (папа был плотник-столяр). Весной, когда появилась травка, листья подорожника, веточки лебеды, крапивы, их рвали, сушили на горячей трубе буржуйки — все шло в еду.

Дров не было — постоянное чувство холода, от которого никуда не спрячешься. Помню, мы с мамой поехали «за дровами» на улицу Чехова, в конце которой был дровяной склад. Собрав на тележку кое-какие деревянные палки, возвращались домой по улице Жуков-

ского, и началась бомбежка. Взрывной волной нас разбросало в разные стороны. Когда мама пришла в себя, отыскала меня в соседнем дворе, а тележка оказалась на Жуковского.

Сестричка умерла через семь месяцев жизни. У меня отекли и опухли ноги, воспалились десны, выпадали зубы. Мама всячески старалась помочь, заставляла полоскать рот и пить настой хвойных игл.

Мама работала, ходила на дежурства вместе с женщинами, они проверяли дома и квартиры, оказывая посильную помощь больным и еще живым людям, а также выносили трупы, которые затем вывозили.

В моей памяти навсегда сохранился образ мамы, которая оберегала нас теплом своего сердца. Я видела, как мама, сжав губы, украдкой, не показывая слез, плакала.

Вспоминая пережитое, трудно представить, как можно было остаться в живых после перенесенных на своих плечах нечеловеческих испытаний.

Дров не было — постоянное чувство холода, от которого никуда не спрячешься.

КОВАЛЕНКО
ЛАРИСА ИВАНОВНА

«МАМА ОСТАВЛЯЛА МЕНЯ НА ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ В КОРЫТЕ, ЧТОБЫ НЕ СЪЕЛИ КРЫСЫ»

Я родилась 20 февраля 1942 года. Сама я о блокаде ничего не помню, только из рассказов моей мамы.

Жили мы в Выборгском районе, недалеко от Политехнического института, рядом с парком Сосновка, в большой коммунальной квартире. Все жили одной семьей, помогали друг другу.

Днем мама уходила на работу. На железнодорожной станции Кушелевка она разбирала дома, а ночью стирала белье для летчиков с военного аэродрома Сосновка, чтобы заработать и хоть чем-то накормить семью.

В марлечке мама делала дурандовый хлеб и давала мне сосать вместо молока. Эвакуироваться она отказалась, считала, что если суждено погибнуть, то дома. Уходя на работу, мама оставляла меня во дворе, в корыте, чтобы меня не съели крысы.

Мама очень не любила рассказывать о тех тяжелых годах. Она была награждена медалью «За оборону Ленинграда». А я еще долго при залпах салюта, пугаясь, прятала голову. Большое спасибо маме, низкий ей поклон!

В марлечке мама делала дурандовый хлеб и давала мне сосать вместо молока.

РОЩИНА
АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА

«МЕНЯ ОСТАВИЛИ РАБОТАТЬ В МОСКВЕ, НО Я ВЕРНУЛАСЬ В БЛОКАДНЫЙ ЛЕНИНГРАД»

Являюсь жителем блокадного Ленинграда, ветераном и участником Великой Отечественной войны.

Была эвакуирована по постановлению правительства СССР — мы вывозили оборудование с завода Ленполиграфмаш в Петроградском районе в город Пензу. Работали там с 8 часов утра до 20 часов вечера, и с 20 часов вечера до 8 часов утра. Продукцию сдавали военпредам, которые строго проверяли качество вооружения и военной техники, направлявшихся в наши войска.

Когда стало ясно, что победа будет за нами, нас, работников матричного цеха, решили оставить в Москве. Я получила столичную прописку на Яузской улице.

Когда прорвали кольцо на северной ветке, меня вызвали к министру и поручили свезти пакет с документами в Ленинград на завод Полиграфмаш, это было в 1942 году. Город обстреливали, поэтому мы днем стояли, а ночью ехали от Москвы до Ленинграда. Путь занял трое суток.

Когда я оказалась в родном городе, я обратилась в Смольный, чтобы меня оставили в Ленинграде, несмотря на то, что все время шли телеграммы вернуть меня на завод № 738 в Москву.

Наш дом разбомбили. Но в Смольном наложили резолюцию: «Прописать». Меня прописали в общежитии завода, потом я получила комнату на Большом проспекте. Вышла замуж, родила дочь, работала на заводе «Вулкан» в ОТК — контролером 8-го разряда в измерительной лаборатории.

Когда стало ясно, что победа будет за нами, нас, работников матричного цеха, решили оставить в Москве

ПЛЕУХОВА (ОРЛОВА) ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА

«ЗНАЮ О СВОЕЙ ПОГИБШЕЙ СЕМЬЕ ТОЛЬКО СО СЛОВ СОСЕДЕЙ»

Я родилась в Ленинграде 27 июня 1937 года. Жила со своими родителями и двумя старшими братьями — они были намного старше меня, лет на семнадцать.

Папа работал на Кировском заводе токарем, изготавливал снаряды для фронта. Он умер от голода в 1942 году у станка во время работы. Мама умирала дома. Ее не стало в том же 1942 году, и тоже от голода. Братья погибли.

Я в четыре года осталась одна. К сожалению, я была настолько маленькой, что ничего не помню из своего детства в семье — ни братьев, ни папу. Память не сохранила даже того, как я называла свою маму — просто мамой ли или как-то по-другому.

Меня отправили в детский дом № 33 в Ярославской области. В детдоме жилось не так уж и сладко, поэтому я, как только смогла, в тринадцать лет поступила в ремесленное училище № 1 г. Щербаков (ныне Рыбинск). Получила профессию токаря и пошла работать на завод п/я № 20.

Все время хотелось узнать, кто я и откуда. Нам почему-то в детском доме не говорили, откуда мы родом. В четырнадцать лет я написала запрос в Москву, мне ответили, что родители умерли. Тогда мне подсказали написать в Ленинград — наверняка, мол, вы оттуда. Я и написала. В результате меня в 1956 году разыскали соседи. Соседка Антонина Шалимова, которая когда-то дружила с моим старшим братом, написала: «Здравствуй, наша пропащая Галинка! Мы не думали, что ты останешься жива», и пригласила в гости.

На фото: старший брат Борис Орлов, 20.04.1941 г.

На фото: Галина Орлова, четыре года

На фото: старшие братья

На фото: семья Орловых с сыновьями — справа. Слева — возможно, дедушка, дядя с женой и их сын

Потом выяснилось, что к нашим бывшим соседям по коммунальной квартире в Ленинграде пришел милиционер, он спрашивал, знают ли они Орловых. Те ответили, что знают. И тогда он сообщил, что нашлась маленькая Галинка, их младшая дочь.

Когда я приехала, меня встречали на вокзале соседи — тетя Тоня и дядя Петя Шалимовы. Я вышла последней из вагона со своим чемоданом, узнали друг друга не сразу. Была очень трогательная встреча, все так плакали… Они-то и рассказали мне о родителях и как мои братья погибли: младший пропал в блокадном Ленинграде, а старшего убили на фронте, он дошел до г. Белостока в Польше. Все, что я знаю о своей семье и о себе маленькой, я знаю со слов своих соседей. Они сохранили и несколько фотографий нашей семьи — только по ним я могу понять, как выглядели мои папа и мама, братья.

В нашей коммунальной квартире было девять комнат, но почему-то так получилось, что остальные соседи остались живы, а умерла только вся наша семья…

Сначала я приезжала к соседям в гости, а потом они мне сказали: «Давай будем тебя прописывать». Но я не могла у них жить, было неудобно. Пошла на Невский проспект, нашла объявление о работе с предоставлением жилья и устроилась на стройку маляром, дали общежитие на Петроградской стороне. К соседям в свою бывшую квартиру приезжала в гости.

Потом у меня своя семья появилась, родилось два сына.

Я вышла последней из вагона со своим чемоданом, узнали друг друга не сразу

РОГОЗИНА
АНТОНИНА ИВАНОВНА

«С НАСТУПЛЕНИЕМ ВОЙНЫ ДЕТСТВО МОЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ — МЫ СРАЗУ СТАЛИ ВЗРОСЛЫМИ»

После войны и блокады прошло семьдесят лет. А мне никогда не забыть все ужасы 900-дневной блокады Ленинграда!

Когда началась Великая Отечественная война, мне было одиннадцать лет — и детство мое сразу закончилось. Мы, подростки, сразу стали взрослыми.

В годы блокады наша семья состояла из пяти человек: мама, отец, сестра (три с половиной года), брат (14 лет) и я. Жили мы в рабочем поселке Бернгардовка, с нами в одной квартире — семья родителей мамы, состоящая из семи человек, все взрослые.

Был страшный голод, холод. Зимой 1941—1942 года морозы доходили до 40—42 градусов. В ноябре 1941 года отец — Рогозин Иван Петрович — погиб на заводе «Красный Выборжец» во время испытаний топлива для ракет.

В 1942 году весной умерли от дистрофии мой четырнадцатилетний брат Виктор и 68-летний дедушка Иванов Петр Иванович. А затем на боевом посту погибли два его сына — Иван и Александр. Мой 24-летний дядя Петр Иванов в 1942—1943 годах был заместителем начальника ПВО Фрунзенского района города Ленинграда. Он погиб, защищая наш город, под Синявино в декабре 1943 года. А самый младший сын дедушки воевал на Балтике.

С первых дней войны все население города и области мобилизовалось на защиту страны.

С первых дней войны все население города и области мобилизовалось на защиту страны

Моя мама Мария Петровна и до войны, и во время блокады Ленинграда работала на заводе «Краснознаменец». Ей в 1943 году одной из первых вручили медаль «За оборону Ленинграда».

Я со своими одноклассницами весной 1943 года была принята на завод «Краснознаменец» в бригаду подсобных рабочих, в подсобное хозяйство. Мы стали получать рабочие карточки на хлеб.

Весь наш народ и мы, еще подростки, горячо верили в скорую Победу! И долгожданная Победа пришла!

После окончания войны я закончила среднее и высшее учебные заведения. Около 27 лет работала в обкоме профсоюза работников торговли и потребкооперации. Награждена медалью и «За оборону Ленинграда», многими другими медалями, знаком «Житель блокадного Ленинграда» и знаком ВЦСПС «За активную работу в профсоюзах».

На фото: с братом Виктором, 1937 г.

Наш народ и мы, подростки, верили в Победу!

РОДИНА
ЛЮДМИЛА СЕРГЕЕВНА

«МАМА ДАВАЛА МНЕ ПОЖЕВАТЬ ВАРЕНЫЕ ОПИЛКИ, НО ГЛОТАТЬ НЕ РАЗРЕШАЛА, А Я ВСЕ-ТАКИ ПРОГЛАТЫВАЛА — САМО ПОЛУЧАЛОСЬ»

Начало войны

Когда началась война, мы с бабушкой Наташей отдыхали у ее приятельницы в Любани под Ленинградом. Бабушка сразу стала звонить по телефону своей младшей дочери (у моих родителей телефона не было), чтобы та выслала ей паспорт, он требовался для возвращения в Ленинград. Но все родные решили, что нам не нужно возвращаться, — в Любани будет жить спокойнее. Они думали, что эта война будет такой же, как Финская. Но немец стал быстро продвигаться к Ленинграду.

В Любани стали продавать билеты на поезда до Ленинграда только при наличии ленинградской прописки. Хотя паспорта у бабушки при себе не было, но имелся партийный билет. Она пробилась к начальнику вокзала, показала его, пошумела, поплакала — и он дал ей билеты на поезд (кажется, последний).

Бабушка бегом, как могла, прибежала к дому за мной. Я гуляла в садике, мне было пять с половиной лет. Она побросала в чемодан наши вещи, обтерла своим подолом мое лицо (чему я была очень удивлена, потому что меня всегда умывали и вытирали чистым полотенцем), и мы с ней побежали на вокзал. Там творилось что-то невообразимое, все хотели уехать, билетов не было. Помню, очень много народу, а я у всех под ногами, и чемоданы, и узлы. Все меня толкают, боимся с бабушкой, что оторвут нас друг от друга. Мы с трудом пробрались к вагону, почему-то не было перрона, и мы на четвереньках прокарабкались в вагон. Нам пришлось остаться в тамбуре, потому что в вагоне было много народа. Бабушка со свои-

ми больными ногами села в тамбуре на чемодан, а меня посадила на полу спиной к чемодану, прикрыла меня своими коленками с двух сторон. Мне это тоже было удивительно, я всегда знала, что пол был грязный, и на нем сидеть нельзя. Мы поехали.

Я жила с мамой, папой, бабушкой Настей. У папы был «белый билет» из-за очень плохого зрения, но он пошел записываться добровольцем. В начале июля мы отправились провожать папу на вокзал. Они с бабушкой Настей (его мамой) поехали поездом вместе — еще разрешали гражданам провожать до какой-нибудь станции. А мы с бабушкой Наташей простились с папой и помахали рукой. Потом она мне купила эскимо на палочке, и я была вся при счастье.

Я была в душе радостна, что папа поехал на фронт — если бы я тогда знала, что это такое. Когда мама с бабушкой собирали папу в дорогу, складывали в рюкзак белье, сухари, все были сосредоточены и смотрели только на работу, а на меня не обращали внимание. Только когда я входила в комнату, все молча поворачивались ко мне и сразу отворачивались, продолжая заниматься своими делами. Я до войны привыкла быть центром внимания, возможно, такие моменты и запоминаются, поскольку выходят за рамки привычного.

На фото:
Люда Родина, весна 1941 г.

Я до войны привыкла быть центром внимания

Папа уехал, и больше я его не видела. А в декабре 1941 года пришло извещение: «Пропал без вести». Папа без очков вообще ничего не видел, только свет и тени. Если он их разбил или потерял, то даже не знал, в какую сторону стрелять и идти, где наши, где немцы.

Когда стало совсем голодно и холодно, бабушка Настя не брала меня в магазин...

Одна дома

Мама работала, бабушка целый день простаивала в очереди — вдруг что-нибудь выдадут по карточкам. До 8 сентября 1941 года по карточкам выдавали все регулярно, но с этого дня, когда сгорели Бадаевские склады, начался голод. Иногда бабушка брала меня с собой в очередь, но чаще оставляла дома одну в коммунальной квартире. Радио не было, чтобы не пугать меня сигналами воздушной тревоги. Когда стало совсем голодно и холодно, бабушка Настя не брала меня в магазин, а уходила рано, оставляя меня спать: когда спишь, есть не хочется. Я вставала, съедала оставленный бабушкой маленький кусочек хлеба, пила теплый кипяток из укутанного чайника. Было скучно и одиноко. Дверь на лестницу открывать не разрешали. Я слушала у дверей, не идет ли кто на лестнице, и тихонько плакала.

Окна завешены светомаскировкой, оставшейся с финской войны, только на день приоткрывали один уголок внизу, чтобы была видимость, а каждый день снимать и вешать занавески из плотной черной бумаги не было сил. Потом я садилась на родительскую кровать и смотрела на часы на противоположной стене. Стрелки почти не двигались, было темно, тихо, тоскливо, мысли заняты только едой, я даже не играла, не рисовала. Бабушка оставляла второй маленький кусочек хлеба в буфете, но его велела съесть только в 3 часа дня, а лучше вообще не есть, а оставить на вечер. Если была какая-нибудь похлебка сварена, то я ее ела без спроса, но не всю, а потом меня ругали, потому что вечером тогда нечего было есть. Ложиться спать голодными очень тяжело — не заснуть, а ночью снится еда и очень болит живот.

Голод

Днем, когда было ясно, что в магазинах не будут выдавать продукты, мы с бабушкой Настей выходили на улицу прогулять-ся, если не было воздушной тревоги. Однажды к нам подошла

женщина и предложила обменять шкурку кошачью на хлеб, бабушка ответила, что хлеба у самих нет, и мы пошли дальше. В глазах женщины был лихорадочный блеск — видимо, надежда, а когда ей отказали, глаза ее потухли, и она побрела прочь. Видимо, она съела свою кошку.

Тетя Шура работала в аптеке, где покупала вазелин и глицерин, и мы их намазывали на хлеб. Стали варить столярный клей. Сначала его вымачивали, потом варили, разливали по мисочкам, и он застывал, как студень (только не хватало мяса). Для приятного запаха при варке клали в него пряности: мускатный орех или петрушку, засушенную еще летом. Было очень вкусно. Съесть его можно было не более полстакана. Случалось, когда голодные люди не могли остановиться, съедали больше и умирали. Хорошо, когда удавалось раздобыть отруби или дуранду — ее размачивали, пропускали через мясорубку, мешали с отрубями и пекли лепешки без масла на листе буржуйки. А если была олифа, то пекли на ней на сковородке. Хлеб тоже обжаривали на олифе.

Мама очень уставала и сильно мучилась от голода, бабушка варила ей опилки всякий раз, как топили буржуйку, и мама ела их. Мне давала пожевать, но глотать не разрешала. Но я все-таки проглатывала — само получалось.

Были в домах мыши и крысы, Когда выходили в коридор, громко топали ногами, чтобы они убежали. Ложились спать, а мыши начинали скрестись. Хлеб от мышей клали в кастрюлю, и завязывали веревкой за крышку и ручки.

Тетя и бабушка Наташа тоже страдали от голода. Бабушка Наташа уже не могла ходить, еле передвигалась, держась за мебель, у нее началась цинга. Ее старший сын жил во Владивостоке, он по телефону связался с человеком, который ехал в командировку в Ленинград. Но дядя не смог встретиться с ним, чтобы передать посылку для бабушки (об этом он жалел потом всю жизнь). Этот человек, однако, зашел к бабушке, чтобы узнать, как живут, и потом сообщить дяде. Он не предполагал, что в Ленинграде такой голод, и принес бабушке две луковицы, выданные к обеду в офицерской столовой. Одну заставил съесть тотчас. Бабушка говорила, как же горький лук без всего есть, но он настаивал. Бабушка съела луковицу, как яблоко, не поморщившись, и горечи не почувствовала. А другую луковицу они с дочкой съели вечером. И бабушка снова стала ходить.

Стали варить столярный клей.

Однажды зимой тетя шла по улице и смотрит, из окна кто-то выбросил белый кусочек на снег. Когда подошла, увидела, что это кочерыжка от капусты. Она подобрала, принесла домой и мы ее сварили. Один вопрос остался: откуда у людей в голод была капуста, да еще и кочерыжки выбрасывали?

Бабушка выжила за счет того, что была очень полная, а другая — худенькая бабушка — умерла. Мама тоже умерла. Тетя была кругленькая, ростом маленькая, ела всегда мало — она выжила, хотя очень исхудала (зимой в шапке-ушанке ее принимали за мальчика).

Бомбежки и обстрелы

Ночью звучали бесконечные тревоги, только ложились, как снова сигнал, и требовалось идти в бомбоубежище (у соседей было радио, они нам сообщали о тревоге). Убежище находилось на нашей лестнице, так что нам надо было только спуститься с третьего этажа. Брали с собой самое дорогое — карточки, хлеб и деньги. Бабушка несла одеяло, могла взять маленькую подушку, и меня сразу же укладывали спать на маленькую скамейку. Но я не всегда засыпала. Взрослые не ложились, было мало места. Я помню смертельно усталое лицо мамы — всю ночь в бомбоубежище просидеть, а днем работать, да еще когда перестали ездить трамваи, люди вынуждены были на работу и с работы ходить пешком.

Однажды днем был не то чтобы обстрел, не то чтобы бомбежка, а все сразу. И бабушка решила спуститься на первый этаж и сесть под лестницей, там уже были остальные жильцы. Обычно лестницы при попадании бомбы в дом чаще всего оставались неразрушенными. Где-то близко упала бомба, и стена, к которой люди сидели, прислонившись, ощутимо пошла в сторону. Все закричали, но не двинулись с места. А потом стена так же медленно встала на место — и все выдохнули, а затем долго сидели, не шевелясь. Оказалось, бомба угодила в перекресток.

Однажды я проснулась от страшного воя самолетов и лающей стрельбы зениток. Они стояли в садоводстве Таврического сада, где раньше были оранжереи. Дрожал весь дом, по которому бегали тени и световые блики. Мне стало так страшно, что я начала кричать, а из кровати не догадалась вылезти. Мне казалось, что потолок упадет на меня. Бабушка Наташа в это время стояла в очереди в магазине, но прибежала домой, зная, что я испугаюсь. Это был боль-

Хлеб от мышей клали в кастрюлю и завязывали веревкой за крышку и ручки.

шой налет, однако от нашего района вражеские самолеты отогнали, здесь они бомбы не сбросили, а уже кому досталось, не знаю.

Мы с бабушкой один раз пошли куда-то, началась тревога. Мы встали под боковыми колоннами у дверей Таврического дворца. Бабушка решила, что мы встали на опасное место, и мы перешли на другую сторону, к точно таким же дверям. Как только мы ушли, туда, где мы стояли раньше, попал снаряд. Бабушка закрестилась и зачитала молитвы, какие только помнила.

В другой раз, когда тетя с бабушкой шли по улице, начался очень сильный обстрел. На посту посреди перекрестка стоял милиционер-регулировщик, они подбежали к нему, прижались, а бабушка даже его обняла. А он говорит: «Да что же вы возле меня прячетесь, я вас не закрою, да и меня могут убить!» А они отвечают: «С вами не так страшно!»

В 1941 году не помню бомбежек — или я их все проспала, или от голода чувства притупились.

Со временем, с зимы 1942 года, мы перестали спускаться в бомбоубежище — не оставалось сил, решили: будь что будет. Еды мало, почти нет, поэтому надо было хотя бы высыпаться.

Как топили

У всех в доме появились буржуйки — железные маленькие печки на ножках и с трубой-«коленом», выходящим в большую печь. Когда дым проходит через большую печь, то чуть-чуть ее нагревает, и тепло не пропадает зря. Верхний лист у буржуйки был тонкий, чтобы скорей закипало и жарилось — так меньше шло дров. Топили буржуйки два-три раза в день не более 30-40 минут, а то и меньше. За это время невозможно нагреть комнату, когда в коридоре холод, как на улице. За ночь вода в ведрах замерзала и покрывалась льдом.

Когда закончилась война, у нас потолок весь был черного цвета от коптилок и буржуйки, и мой дядя написал на саже пальцем мое имя.

Дрова занесли еще весной 1941 года. Папа, уходя на фронт, расколол их, как для большой печи, а для буржуйки требовались мелкие чурочки, и экономнее так. Ведь не было ни электричества, ни керосина, ни газа. До войны дрова хранились в сараях. Когда начались бомбежки, сараи все разобрали в целях пожарной безопасности, и у нас дрова лежали в подворотне. По воскресеньям

мама колола дрова, пока они не кончились. А кончились они рано, еще до весны.

Мама ставила перед собой чурбак, на него — полено, и другой чурбак — напротив первого, на нем она сидела. Мама вставала, поднимала над головой топор и ударяла им по полену, и сама тотчас садилась — падала на чурбак, и сидела некоторое время, опустив руки с топором. Потом снова вставала, поднимала топор, опускала его и падала на чурбак. И так — пока не наколет чурок. А я носила их на третий этаж.

Лестница была обледенелая. У меня дрожали ноги, когда я поднималась, в животе появлялась боль. Очень хотелось взяться за перила, чтобы помочь ногам, но одной рукой не удержать чурки. Я поднималась, согнувшись как старушка. Мне было 6 лет.

Когда мама и бабушка Настя умерли, в комнате не оставалось никакой мебели, кроме железных кроватей, все деревянное сожгли в печке. У мамы с бабушкой не было сил идти на улицу добывать дрова. А у бабушки Наташи с тетей мебель осталась, так как они ходили вместе с соседями в брошенные деревянные дома на задворках, из которых переехали жители и которые разбирали на доски и бревна для топки. Когда стало много разрушенных домов, тетя разбирала в них паркет.

Как ходили за водой

Мы с бабушкой ходили к маме через Неву, чтобы сократить путь. Все пользовались Невой, были протоптаны тропинки. Старались не сворачивать в сторону — там могли быть и полынья, и прорубь, занесенная снегом.

И за водой ходили на Неву. Было недалеко, но с полными ведрами идти было очень тяжело. Бабушка и тетя несли по ведру и часто отдыхали. На санках не возили, ведь из-за сугробов дорога была неровной, вся вода расплескивалась, а сани толкать — еще тяжелее, чем нести ведра. Тетя еще носила ковшик, которым черпала воду из проруби — ее прорубали матросы с кораблей, вмерзших в лед Невы, также они каждое утро обрубали лед со ступеней лестниц, которые вели к реке. Намерзало быстро, ведь когда люди с водой по ступенькам поднимались, то обливали их.

Когда мы подходили к обледенелым лесенкам, то вниз бабушка спускалась очень просто: она садилась и съезжала, как на санках.

А я легонькая — сбегала с горки вниз. Лестница была как ледяная гора, а ступеней было около десяти. И когда нам надо было подниматься, то это было очень сложно, зато для меня весело. Пожалуй, только в эти моменты я смеялась, больше не припоминаю. Бабушка пыталась на скользкую горку взобраться, но ей удавалось дойти до половины, и она съезжала вниз, охая, ахая и ругая себя безобидными словами. Я думаю, что она хотела меня развеселить, но съезжала взаправду. Потом говорила мне, чтобы я подала ей сверху руку, хваталась за нее и стаскивала меня вниз — я ведь не могла удержать ее, да и весила я в семь лет одиннадцать с половиной килограмм. Потом она пробовала на четвереньках взобраться, держась за стеночку и, наконец, как-то бочком забиралась, и мы шли дальше.

Я носила двухлитровый бидон. Я понимала, что не нести его я не могу — надо помогать, вода нужна. Но нести было очень тяжело и у меня начиналась истерика: я плакала и смеялась почти одновременно. Тетя подходила ко мне, отливала немного в свое ведро из моего бидона и мы шли дальше, до моей следующей истерики. К тому же было очень холодно. Хоть и в рукавицах, а руки мерзли, коченело все тело. В доме, когда входили, у меня было уже только полбидона воды, остальное несла тетя.

На льду Невы можно было видеть, как от госпиталя в ряд стоят люди — медперсонал и легкораненые, и передают по цепочке воду в ведрах — для госпиталя воды надо много. И так каждый день.

Сталинградцы носить на одежде «светлячки» — светящаяся брошка размером в пять копеек.

Блокадный быт

Бани не работали. Мы с бабушкой изредка мылись в деревянном корыте у буржуйки. Один бок у нее грелся, а другой оставался холодным. Воды наливали мало, она остывала быстро. Но все же после такой «бани» телу было легче.

Когда бани открыли, кажется, с января 1942 года, люди пришли мыться, разделись и только тут увидели друг друга такими тощими, ведь до этого месяцами не раздевались полностью из-за холода. Один раз вдруг в женский зал зашли мужчины. Женщины спросили, что же они пришли сюда? Оказалось, в мужском зале не оказалось горячей воды. Так и мылись все в одном зале, никто не обращал ни на кого внимания, от голода даже не было желания.

Все, что положено спускать в канализацию, выносили во двор, завернув в газету. Канализация тоже вся промерзла, для слива не

было воды. Морозы стояли сильные, без оттепелей, и все это замерзало во дворе, на помойке, и заносилось снегом. Кто не мог ходить, выбрасывал в окно.

Улицы блокадного города

Света в городе не было, свечи все сожгли. Делали коптилки. У нас во дворе стоял трансформатор, его пробило в нескольких местах и масло стало вытекать. Все, кто остался в живых, стали набирать его в бутылки, а потом жгли в коптилках. Оно очень хорошо горело.

Зимой, когда на улицах рано темнело, друг друга не видно, только слышны шаги. Если тихо идешь по снегу, то можно столкнуться в кромешной тьме. Стали носить на одежде «светлячки» — светящаяся брошка размером в пять копеек. Она светилась лунным светом, и каждый знал, что идет человек. Но это уже зима 1942-1943 года.

Как-то с бабушкой Наташей мы шли по улице. Смотрим — лежит пожилой седой мужчина, в хорошем пальто, зимней шапке, валенках. Бабушка заглянула ему в глаза и говорит: «Ну, этот уже все, а мы еще живем». Она всегда так говорила, когда видела на улице лежащих умерших людей. Когда мы шли обратно, этот мужчина лежал уже без шапки, пальто и валенок.

Когда мы шли по улице, мои родные старались заслонить от меня умерших, но им это не всегда удавалось.

Наш дом и соседи

В коммунальной шестикомнатной квартире жили только мы и еще одна соседка. Одна эвакуировалась с заводом, трое были на фронте, остальные умерли от голода. А до войны жило шестнадцать человек. Первыми умерли те, кто много до войны кушал, у кого организм требовал больше пищи. После первой же смерти в нашей квартире соседи съехались в одну маленькую комнату напротив нашей, чтобы расходовать меньше дров.

Однажды мальчик шестнадцати лет из этой комнаты пришел к нам и тихим, безучастным голосом сказал, что у них от буржуйки загорелся диван, они залили его, и воды больше нет. Пришлось поделиться своей, а потом заново идти с ведрами на Неву. В другой раз соседи пришли и сказали, что нечаянно разлили суп и им нечего есть. Тетя отлила им половину нашего. Соседка все пыталась поцеловать тете руку.

Зимой окна покрывались толстым слоем льда...

Ложились спать, не раздеваясь, в рейтузах, свитерах, платках. Брали с собой в постель грелки. Утром воду из них наливали в умывальник, который висел в комнате возле печки, и умывались, как в деревне. Обеденный стол тоже пододвинули ближе к буржуйке. Вообще от окна держались подальше, но и стены были холодные. Окна утепляли, как и положено на зиму, но стекла частично вылетели из-за бомбежек, поэтому их заменяли фанерой. Зимой окна покрывались толстым слоем льда, а между рам из сосулек намерзали столбы метровой высоты толщиной шесть-восемь сантиметров.

Весна и лето 1942 года

В марте 1942 года мама с бабушкой Настей совсем занемогли, а потом и слегли. Меня взяли к себе тетя и бабушка Наташа. Они ходили к маме с бабушкой, отоваривали карточки, готовили пищу и кормили их. Но все-таки в мае 1942 года мама с бабушкой Настей умерли.

Началась весна, и все дети высыпали на улицу, но ни бегать, ни играть сил не было — сидели, согреваясь на солнышке. Стали оживать.

Рядом был госпиталь в школе, к нам подходили солдаты, разговаривали. Однажды подошли двое — очень молоденький черноволосый, второй лет тридцати пяти, сухощавый, с усами. Я спросила у них, может, они встречали моего папу (у нас было извещение, что пропал без вести)? Они ответили, что не встречали, фронт большой, но успокоили, мол, раз без вести, то не погиб, и могли перепутать, а письма на фронте некогда писать. Сказали, чтобы я также и маму успокоила. А я ответила, что мама умерла, и я живу с тетей и бабушкой. Тогда молоденький солдатик дал мне по два куска хлеба и сахара, завернутые в газету. Я не хотела брать, отказывалась — а как же он? Но пожилой, с усами, сказал, что у них хлеба и сахара много, сколько хочешь, и я взяла. Тут бабушка покричала меня домой. Когда она увидела, что я принесла хлеб и сахар, то сначала обрадовалась, но потом испугалась, подумав, что я украла. Я ей все рассказала, и бабушка все повторяла: «Какие люди есть!»

Летом 1942 года жить стало легче. Паек прибавили, уже выдавали нормальную пищу. Но мы так изголодались, что все равно было не наесться.

В детском саду

Этим летом меня устроили в детский сад. Первый раз меня отвела туда бабушка, потом я каждый день ходила одна туда и обратно. Шла по улице Воинова (Шпалерная), а там ни души. Мои шаги гулко отдавались эхом, и мне казалось, что за мной кто-то идет, было страшно. На двух перекрестках находились будки, где сидели регулировщики светофоров, я стала себя успокаивать, что милиционер видит меня, пока я иду к нему, а потом от него, а там уже и другой милиционер виден. И стало уже не так страшно.

В детском саду играли в малоподвижные игры: если в прятки, то не всей толпой, а один прячется, другой его ищет. Потом следующая пара, остальные смотрят. Прятались в маленьком сквере в кустах, тут же возле помещения детского сада, чтобы в случае тревоги нас увели в бомбоубежище. Да и сил не было заходить дальше.

Наша старшая группа после обеда спала за столом, сидя на стульях. Мы клали голову на руки и засыпали. Я спать не могла, у меня очень болели ноги при таком положении.

Нам не объявляли, что тревога, а просто говорили, что надо идти в бомбоубежище, там нам будут читать книгу. Я даже думала, что бомбежек днем не стало. Бомбоубежище было хорошее, светлое, расставлены столы, скамейки, на стенах — картинки.

Немцы бомбили по расписанию, и утром, до бомбежек, все старались разойтись по своим рабочим местам.

Продуктовые передачи

Дядя мой служил в Кронштадте и приехал в Ленинград в командировку. Он привез бабушке сухой паек — маленький, со столовую ложку, кусочек мяса и кочан капусты с кулак. Бабушка очень обрадовалась и говорила, что это будут довоенные щи. Сварила четыре большие тарелки — водичка, чуть капусты и маленький, на один зубок, кусочек мяса, но запах обалденный, от него кружилась голова. Только мы сели за стол, взялись за ложки, как завыла тревога. Я посмотрела на бабушку и подумала: неужели пойдем в бомбоубежище, а как же щи? Но бабушка махнула рукой и сказала: «А ну их, давайте есть!» И мы ели, а за окном бухали зенитки и выли самолеты, а щи были очень вкусные, и страшно не было. Ведь я сидела за столом с дядей, бабушкой и тетей.

Как-то я гуляла на улице возле дома с ребятами, подошел морской офицер и спросил, есть ли кто с бабушкиной фамилией. Все показали на меня. Он попросил отвести его домой. Бабушка работала дворником на предприятии по соседству и должна была вот-вот прийти на обед. Когда она подошла к дому, ребята ей сказали, что у нас в гостях моряк. Бабушка решила, что это ее сын, и бегом вбежала на четвертый этаж. Она обычно рукой держалась за перила и подтягивала тело, так и передвигалась. А тут вбежала в комнату, но увидела, что это незнакомый, и силы ее покинули. Она склонилась к двери, охнула и начала оседать. Офицер кинулся к ней, посадил на стул, стал рассказывать. Он привез продуктовую посылку от дяди. Но даже от чая отказался, мол, сыт. Верно говорят, что многие приезжие, глядя на голод в Ленинграде, сами не могли есть.

Во время войны говорили, что когда война закончится, каждый день будем есть крутую овсяную кашу.

Эвакуация в Сибирь

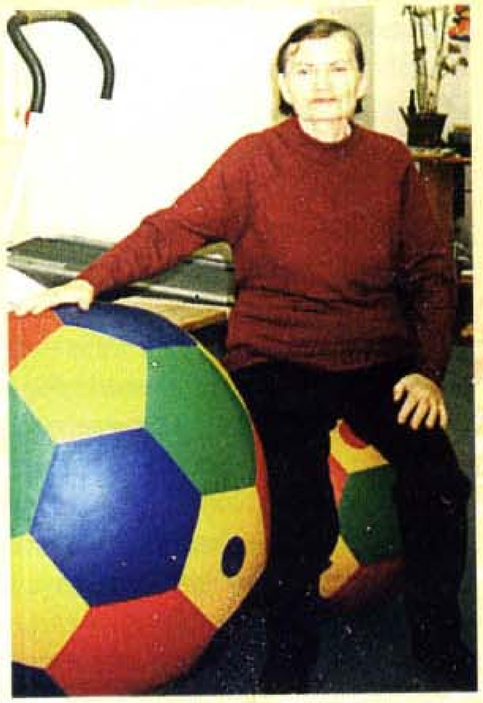
8 сентября 1942 года меня с детским садом эвакуировали в Сибирь. В вагон погрузили наши мешки с вещами, мы на них и сидели. Нам дали рисовую кашу с маслом, и все, привыкшие к темной ячневой размазне, удивлялись белизне этой каши. Никто не помнил, что она называется рисовой, а лишь повторяли: «Белая! Белая!»

Дальше мы ехали на речном трамвайчике по Ладоге, в нем не было стекол и скамеек. Вдруг мальчишки закричали: «Самолет!» Мы все кинулись к окну: маленькая точка, которая оказалась самолетом, летела над нами, он стал снижаться кругами до тех пор, пока не стали видны красные звезды на крыльях, он покачал крыльями, потом снова набрал высоту — он охранял Дорогу жизни. Все кричали: «Наши! Наши!»

Она склонилась к двери, охнула и начала оседать. Офицер кинулся к ней, посадил на стул, стал рассказывать.

РУМЯНЦЕВА НЕЛЛИ СЕРГЕЕВНА

«МЫ ЕЛИ СУП ИЗ ФИКУСА, ТОЛЬКО ПЕСОК НА ЗУБАХ ХРУСТЕЛ»



Я жила в Ленинграде с 1929 года на Советской улице, дом 57. Семья состояла из пяти человек: отец — слесарь высокого разряда, мать — домохозяйка, не работала, воспитывала детей, проверяла уроки. Нас было двое — я и брат на два года младше меня. В 1934 году умерла восьмимесячная сестра от конъюнктивита и воспаления легких. С нами также жила бабушка — мать мамы.

Перед войной я окончила семилетку, но в восьмой класс не пошла, надо было платить за учебу. Я поступила в индустриальный техникум. В июне 1941 года сдавала экзамены и зачеты. 20 июня надо было сдать последний экзамен, но я на него не пошла, потому что заболела мать. Ее увезли на скорой помощи в больницу (теперь там госпиталь ветеранов войны). Началась война и затем блокада Ленинграда. Я ежедневно ездила в больницу узнавать о здоровье матери, в первые дни войны еще что-то возила. Мать лежала до 8 сентября, ей была сделана операция — вырезали аппендицит, были осложнения. После я водила ее в поликлинику на перевязки, шов не заживал полтора года.

Отец ушел добровольцем в ополчение, от него получили две открытки в первые месяцы войны, а в конце войны получили извещение: «Пропал без вести».

Брат закончил пятый класс. Школа вместе с учениками и учителями эвакуировалась в Ярославскую область, но когда стали бомбить, ее перевели в Омскую область. Там брат находился до конца войны.

Февраль 1942 года оказался самым тяжелым: карточки не отоваривались, продуктов не было. Бабушка понабирала листья фикуса — у нас было два больших растения, росли в ведрах высотой в потолок. Мы сварили суп, ели, только на зубах хрустел песок. Варили кисель из столярного клея.

Я ежедневно с раннего утра шла отоваривать карточки. Если позже придешь — еда кончится, нечего будет есть. В феврале не выдавалась никакая крупа. Я приходила в столовую, там готовился дрожжевой суп — мутная вода, а из карточки вырезался крупяной талон. Таким супом не наешься, его я несла есть домой в бидоне.

Сходили на Невскую заставу к маминому дяде, он работал на ткацкой фабрике «Рабочий» начальником цеха. У него было несколько деталей из грубой свиной кожи, они были черные и грязные, пропитанные машинным маслом. Он нам их дал. Мы долго вымачивали их, долго варили, пока они не стали съедобными.

Мы получали паек хлеба на троих — 375 граммов, и делили на три части. Беззубая бабушка просила, чтобы ей дали кусок с коркой, ей хотелось подольше пожевать.

Бабушка Анна Андреевна (ей было 73 года) в феврале 1942 года умерла спокойно, уснула. А под подушкой остался ее кусок хлеба. Мы ее завернули в одеяло и на детских санках повезли в Александро-Невскую лавру. Нас встретили две здоровые молодые девицы, по обе стороны дороги лежали штабелями покойники. Одна девушка взялась за голову, а вторая — за ноги, и по команде «раз, два!» — закинули на гору покойников и нашу бабушку. Мы до сих пор не знаем, где она захоронена. Мы остались с мамой вдвоем.

Однажды мать послала меня на рынок купить что-то съестное. Деньги у нас были — мы получали с завода отца его среднюю зарплату вплоть до самой эвакуации. Чаще покупали дуранду (жмыхи, прессованные от зерновых). Мне попался мужчина, который продал мне дуранду, и я сразу отломила от нее кусочек попробовать. Она оказалась горькой — от горчицы. Продавец побежал, а навстречу милиционер. Я закричала: «Задержите мужчину, он меня обманул — продал горькую дуранду, которую невозможно есть!» Милиционер успел его задержать. Мужчину и меня повели в милицию. Составили протокол, но денег у него не нашли, так сказали. И дуранду забрали, и денег так и не вернули. Больше мать никогда не посылала меня на рынок.

За водой надо было идти к Неве, к Синопской набережной. Берег был крутой, облит водой, очень скользкий. Зима была суровой, до 30— 40 градусов мороза. Лунки быстро замерзали, черпали воду кружкой. Ведро привязывали к санкам. Сколько труда надо было, чтобы вывезти санки на дорогу, а пока до дома везешь, больше половины расплескаешь, да еще надо поднять на шестой этаж.

В нашей коммунальной восьмикомнатной квартире, где до войны проживало тридцать человек, трое умерли, кто-то съехал. Некоторых пугал высокий шестой этаж. С мамой мы остались вдвоем, было страшно. Дожили до марта, когда прибавили хлеба и стала пайка весить 150 граммов.

Началась весна, таяли снежные сугробы. Ездили грузовые машины, которые собирали умерших. Я видела такую машину, ехавшую по нашей улице, в которой по самый край кузова лежали трупы людей.

Мы с мамой решили эвакуироваться. 30 марта 1942 года сходили в исполком Смольнинского района, нам дали эвакуационные листы на 31 марта, направление — на Северный Кавказ. Но пока мы ехали, узнали, что там все еще немцы. Выбирались из Ленинграда на машинах по Ладожскому озеру, ехали фактически по воде, лед таял. За нами машина пошла под лед.

На Большой земле нас накормили обедом, подогнали товарный состав. Вагоны были совершенно пустые, не на что было сесть. Люди садились прямо на пол. Как только останавливался поезд, все пассажиры спускались и садились вокруг состава. У многих был понос, многих вынесли уже умершими. В дороге умерло много людей. Очень часто состав загоняли в тупик, и стояли иногда несколько дней. Доехали до Ярославля, там проходила дезинфекция людей и белья. Оттуда ходили рабочие поезда.

Мы решили ехать к родителям отца, которые жили в тридцати пяти километрах от города Торжок Калининской области. На рабочих поездах мы доехали до станции Лихославль, до следующего поезда был перерыв двое суток. Здесь хлеба уже не давали. Одна женщина предложила сходить к ней поесть, а идти нужно было пять километров. Я пошла. Меня накормили

щами из хряпы с картошкой вприкуску, хлеба у нее не было. Ленинградцев очень любил народ, сочувствовал нам.

И так мы приехали в свою деревню. Дед и бабушка работали в колхозе, жили в достатке. Дед для фронта послал нагрузить полную телегу мешками с зерном и мешок с табаком, который он выращивал на своем огороде.

В деревне мама ходила на перевязки к бывшей медсестре-старушке, поскольку шов от аппендицита разошелся и не заживал. Председатель колхоза был очень строгий человек: несмотря на то, что были документы от врача, освобождающие маму от тяжелой работы, он заставлял ее работать на покосе, жатве, на молодых быках пахать поля и копать картошку.

Председатель не пожалел меня, что я после голода приехала — меня послали на рытье окопов в Смоленскую область, когда уже немцы были выгнаны. У него была дочь такого же возраста — ее он не послал. Мы, девочки, строили блиндажи, рыли окопы. Питание состояло из щавелевой похлебки, из лебеды и пайки хлеба. Работали все лето до поздней осени. А зимой на аэродроме убирали снег. Жили в землянках, спали на нарах. В следующую зиму послали бы на лесозаготовки.

Жена дяди работала в школе в районом городе Кувшиново, преподавала русский язык и литературу. У нее было четверо детей мальчиков. Она взяла меня к себе и устроила в школу библиотекарем. В это время в школу пришло извещение о наборе учащихся десятых классов на курсы подготовки учителей младших классов при педагогическом училище в г. Торжке. Меня взяли, у меня была зачетка из индустриального техникума. Семимесячные курсы шли с января по июль 1943 года. До дома было тринадцать километров, поэтому я жила в общежитии. Я окончила учебу, получила направление в сельскую школу.

Проработала два года, условия были отличные. Имелся учительский дом рядом со школой на двух учителей, по две небольших комнаты. Каждый преподаватель вел по два класса — первый и третий, второй и четвертый. Экзамены в четвертом классе проходили в другой школе, в селе Прямухине.

В 1946 году я вернулась в Ленинград. Комната сохранилась, но была опечатана. После окончания войны я забрала к себе брата из эвакуации в Омской области.

Председатель колхоза был очень строгий человек: несмотря на то, что были документы от врача...

БРУСОВ
ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

«В ИСТРЕБИТЕЛЬНОЙ РОТЕ МЫ ПРОПУСКАЛИ НАД СОБОЙ НЕМЕЦКИЕ ТАНКИ И УЖЕ СЗАДИ БРОСАЛИ В НИХ БУТЫЛКИ С ЗАЖИГАТЕЛЬНОЙ СМЕСЬЮ, ЗА ОДИН БОЙ УДАВАЛОСЬ ДО ПЯТИ ТАНКОВ УНИЧТОЖИТЬ»

Я недавно отметил столетний юбилей. Родился 26 июня 1914 года в семье столяра Ивана Михайловича Брусова, который с четырнадцати лет трудился у подрядчика Попкова. Смышленого парнишку строитель-подрядчик приглядел в деревне под Царским Селом и взял на обучение. И тот до самой революции честно работал и был в почете. В жены себе взял девушку Марию — симпатичную и работящую, родом из Костромской области. Родители прожили долгую счастливую жизнь, родили шестерых детей — двух дочерей и четверых сыновей. Воспитали их в любви к труду и учебе. Я был вторым ребенком в семье, передо мной на свет

появилась в 1912 году сестра Валя. Тогда молодые родители уже жили в своей квартире в многоквартирном доме на Киевской улице, которую отец сам заработал.

В 1914 году началась Первая мировая война, и папа настоял, чтобы мать уехала с детьми к родителям в Костромскую область, в село Бушнёво. А сам ушел на фронт. Приехал к своим ненадолго только перед революцией, которую принял всей душой. И отправился устанавливать власть Советов в Петрограде.

В 1917 году родился Сашенька. Отец приехал в 1918-м и устроился работать на сенопрессный пункт. В 1920-м родился Миша. Тяжело в те годы было в селе. Денег практически не платили. И своим хозяйством было не прожить: почти весь скот забрали в колхоз, а с одного огорода разве прокормишь большую семью?! В которой и работник-то только глава. Решили вернуться в Петроград. Благо квартиру никто не занял. Но она стала для разросшейся семьи очень мала.

Отец устроился работать в порт. И когда в 1922 году родился Коленька, нам дали большую квартиру в новом доме на той же Киевской улице. В ней уже в 1926 году родилась младшая Наденька. Старшие — Валя, Саша и я — тогда уже ходили в семилетку. Школа № 61 находилась на улице Егорова возле вагоностроительного завода. Учиться мне нравилось. У нашей учительницы было два карандаша — синий и красный. Синим она писала «удовлетворительно» или «плохо». А красным — «хорошо» или «отлично». У меня были красные записи.

После семилетки поступил в школу № 67, возле механического института на 1-й Красноармейской. Это была бывшая гимназия, учителя там остались прежней закалки — знания давали прочные, спрашивали строго. Аттестат о среднем образовании был без троек. Получив его, отправился учиться дальше — в техникум при вагоностроительном заводе имени Егорова. Взяли сразу на второй курс. Там вступил в комсомол и с удовольствием совмещал учебу с бурной в те годы общественной работой. Техникум закончил в конце 1933 года и с января 1934 был зачислен мастером на завод.

62 года трудился на вагоностроительном заводе. Прошел путь от мастера до начальника цеха. Лишь на время службы и войны покидал родное предприятие. С теплотой вспоминаю свой завод, особенно первую премию — велосипед, его мне вручили за успехи в работе в декабре 1935 года. В январе этого года на заводе объявили

В январе этого года на заводе объявили о приказе Сталина: сделать за год сверх плана тысячу железнодорожных платформ.

Подошел и познакомился.

о приказе Сталина: сделать за год сверх плана тысячу железнодорожных платформ. И молодые рабочие сделали! Мы ведь любили работать. Меня так воспитали.

Сколько всего было в моей жизни! Первые цельнометаллические вагоны при мне стали строить, потом освоили вагоны для нашего ленинградского метро. Даже спроектировали и построили двухэтажный вагон. Но не запустили его в производство тогда по идеологическим причинам. Мол, бесконтрольно шпионы смогут фотографировать что им надо со второго этажа. А зря. Я слышал, что сейчас опять собираются такие вагоны делать. Довелось также в 1964 году принимать делегацию из Чикаго.

В декабре 1936 года меня призвали в Красную армию, попал в спецнабор. Собрали крепких парней из Ленинграда и Москвы в Пушкине, расквартировали в бывших гусарских казармах, что напротив Екатерининского дворца, и объявили: будем из вас летчиков растить! Но в марте 1937-го торжественно сообщили, что планы на нас, избранных, изменились. Будут новобранцы десантниками. Наш полк переформировали в парашютно-десантную бригаду. Восемь прыжков у меня было на счету, звание помкомвзвода (по-современному — сержант) и корочки командира бронемашины, когда увольнялся на гражданку. С тремя кубиками в петлицах вернулся на родной завод.

Весной 1939 года на остановке автобуса на Московском проспекте встретил девушку. Подошел и познакомился. Вместе отправились на танцы в Таврический сад. Потом гуляли, съели два килограмма винограда. А когда я узнал, что она работает с моим заводом по соседству — на обувной фабрике «Скороход», понял, что это судьба. Три месяца я ухаживал, а потом привел Нину в свою семью. Мы так и жили все вместе в квартире на Киевской улице. С жильем в Ленинграде тогда было сложно. Нину приняли как родную.

Потом я поступил на вечернее отделение в Ленинградский инженерно-строительный институт. В 1940 году жена подарила дочурку Наташеньку. Впереди было много планов. Меня назначили старшим мастером, двигалась очередь на отдельное жилье. Но всё перечеркнула война.

С первых дней войны меня назначили командиром истребительного взвода, который был сформирован для охраны завода. А в сентябре 1941 вновь призвали в Красную армию. Брат Михаил работал на Балтийском заводе и отвечал за формирование эвакосо-

ставов. Буквально с последним поездом мы отправили родителей, сестер и Нину с дочкой в эвакуацию. Они отправились опять в Костромскую область в родное село Бушнёво к родственникам мамы. Оттуда вскоре Нина с Наташей и Валя уехали в хлебный Ташкент.

В сентябре 1941 года погиб под Гатчиной Миша, он сражался добровольцем в батальоне, который был сформирован из рабочих Балтийского завода. Александр попал служить на подводную лодку. Всю войну воевал на флоте в Дунайской флотилии, сражался за Новороссийск. А Николай в 1941-м был еще в училище. Но и он успел повоевать, был командиром батареи тяжелых минометов на Ленинградском фронте, дошел до Германии.

Я до сих пор помню даты сражений, номера воинских частей и названия армий, в которых довелось служить. Помню командиров и боевых товарищей. В живых остались, увы, единицы. Один из них — командир 1-й танковой бригады Владимир Федорович Мельников. Здоровье не позволяет видеться, но мы подолгу разговариваем по телефону, вспоминаем ту войну.

Начал я военную службу в сентябре 1941 года с курсов в политучилище. Но не только за партами сидели военные курсанты. Каждую ночь мы патрулировали осажденный город. Мы ловили диверсантов, которые пускали цветные ракеты, указывая фашистским летчикам куда сбрасывать бомбы. А что творили мародеры под покровом ночи! Разворовывали церкви и дворцы. Паникеров много было. И самое неприятное — вдруг повылазили отовсюду недовольные советской властью. Они перечитывали листовки немецкие и уговаривали соседей и знакомых сдать город. По законам военного времени мы с такими не церемонились.

В марте 1942 года меня направили политруком истребительной роты танков в 54-ю армию Волховского фронта. Там вместе с солдатами пропускал над собой немецкие танки и уже сзади бросал в них бутылки с зажигательной смесью. А танков было много. И этой смеси не хватало. Тогда наши бойцы придумали хитрость: к пустым бутылкам привязывали фосфорные лампы. Они разбивались, и фосфорная жидкость растекалась по вражеской броне. А солдаты в танке думали, что это огонь, выскакивали и попадали под шквальный огонь наших истребителей. За один бой удавалось до пяти танков уничтожить.

Были у меня и ранения: в ногу, на шее остался шрам (просто повезло — буквально миллиметр остался до артерии), даже на

Были у меня и ранения — в ногу, на шее остался шрам.

голове шишка на память — каску снаряд пробил. В декабре 1942 года меня перевели в 185-ю бригаду комиссаром, в составе которой 18 января 1943 года я сражался на Синявинских болотах, где была прорвана блокада, когда Волховский фронт соединился с Ленинградским.

В 1944 году в армии прошла реорганизация — ввели погоны и единоначалие. Политруков отозвали. Меня отправили опять учиться — теперь в Ульяновск, в танковое военное училище. Там за три месяца я приобрел квалификацию командира самоходной установки СУ-76, все схватывал на лету. Меня заметил начальник штаба Московского военного округа, назначил заместителем командира отечественных машин в 1-ю танковую бригаду. Она располагалась в Соцгороде в Подмосковье, в районе завода имени Молотова. Там я занимался огневой подготовкой экипажей самоходных установок, там и встретил Победу в мае 1945-го.

Уволили из армии меня только 31 мая 1946 года. Очень нужны были обученные экипажи на Дальнем Востоке, а потом уже их готовили, что называется, про запас.

За боевые подвиги награжден орденом Великой Отечественной войны II степени и медалью «Участник битвы за Ленинград», много медалей. А когда в 1974 году снимался в военкомате с воинского учета, я обнаружил в своем личном деле наградной лист на орден Красного знамени. Кто знает, почему такой важный документ остался в папке?

Я первым из семьи вернулся в Ленинград. Наша квартира была разрушена бомбой. Восстановили дом военнопленные. И я вызвал сначала родителей с младшей сестрой, а потом из Ташкента приехали старшая сестра и жена с дочкой. Дочь там заразилась каким-то вирусом и прожила всего до одиннадцати лет…

В 1950 году у нас с Ниной родился Всеволод, а в 1952 — Михаил. Младшего сына уже нет, он погиб в сорок лет. Жена Нина умерла от сердечного приступа. Ушли из жизни братья и сестры. Мама, Мария Васильевна, дожила до 93 лет. А я встретил на родном заводе Валентину, второй раз женился. Сегодня у нас два сына — Валин от первого брака и Всеволод, мой первый сын, а также двое внуков и трое правнуков.

Там я занимался огневой подготовкой экипажей самоходных установок, там и встретил Победу в мае 1945-го.

АГАНИН
ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

«НАША КОШКА МУРКА ОСТАЛАСЬ В БЛОКАДУ ЖИВА, ГРЫЗЛА СУХАРИКИ И ЖМЫХ»

Когда началась война, мне было всего два с половиной года, но этот момент я хорошо помню до сих пор. Тогда отец работал главным инженером на торфопредприятии «Шувалово». В то воскресенье мы отправились гулять в одноименный парк, расположенный на небольшой возвышенности. Поселок, где у нас была небольшая хатка и несколько грядок, находился в низине и сверху был хорошо виден. Неожиданно мы заметили, как жители поселка стали хаотично передвигаться, словно в растревоженном муравейнике. Это трудно объяснить физически, но в воздухе повисло чувство тревоги и опасности. Отец сказал: «Что-то случилось. Идем домой». Так мы узнали о начале войны. Тогда мы и предположить не могли, какие испытания ждут нас впереди.

В Ленинграде мы жили в большой трехкомнатной квартире на Исполкомской улице. Там же были прописаны мои дедушка, бабушка, дядя и тетя (сестра отца). Уезжать в эвакуацию, по-моему, нам никто и не предлагал. Торфопредприятие, где работал отец, стало стратегическим, так как высушенные брикеты торфа служили горючим не только для различных нужд города, но и в домашних печках и буржуйках. Дядя и тетя были связистами и работали на телефонной станции. В осажденном городе обеспечивали так необходимую в то время внутреннюю связь. Отец и дядя имели военную броню и, самое главное, дополнительный продовольственный паек, что и спасло нас от голодной смерти. Умер только дедушка.

Делили все поровну без обиды и зависти, помогали и поддерживали друг друга. Никогда не забуду замечательного вкуса жмыха. Это такие спрессованные пластины отходов подсолнечного производства. На Полтавской улице были фуражные склады. Туда бабушка носила на обмен свои драгоценности. Она так плакала, когда за пару килограммов жмыха отдала свою любимую брошь, подаренную ей дедушкой. Когда загорелись деревянные постройки Бадаевских складов после попадания туда немецких зажигательных бомб, сахар расплавился и потек в виде лавы на улицу. Дядя ходил туда и покупал «сладкую землю» для нас.

Один корреспондент написал позже, что в блокаду в Ленинграде выжила только одна кошка. Это неправда. Наша Мурка тоже осталась жива. Грызла сухарики и тот же жмых.

Однажды дядя не вернулся с работы. Мы волновались и не знали, где его искать. Оказалось, что, когда он шел по улице, взорвалась бомба. Он был оглушен и отброшен на стенку дома. Люди проходили мимо, полагая, что это мертвый человек. Только под утро, придя в себя, он с большим трудом добрался до дома. Тетя тоже попала под бомбежку. Трамвай перевернулся, и она практически оглохла. Во время бомбежек мы все уходили в бомбоубежище, кроме бабушки. Она боялась мародеров и оставалась дома. Дом напротив, через улицу, был разрушен прямым попаданием бомбы, соседний дом тоже превратился в груду кирпичей. Сейчас там маленький скверик.

Оказалось, что, когда он шел по улице, взорвалась бомба.

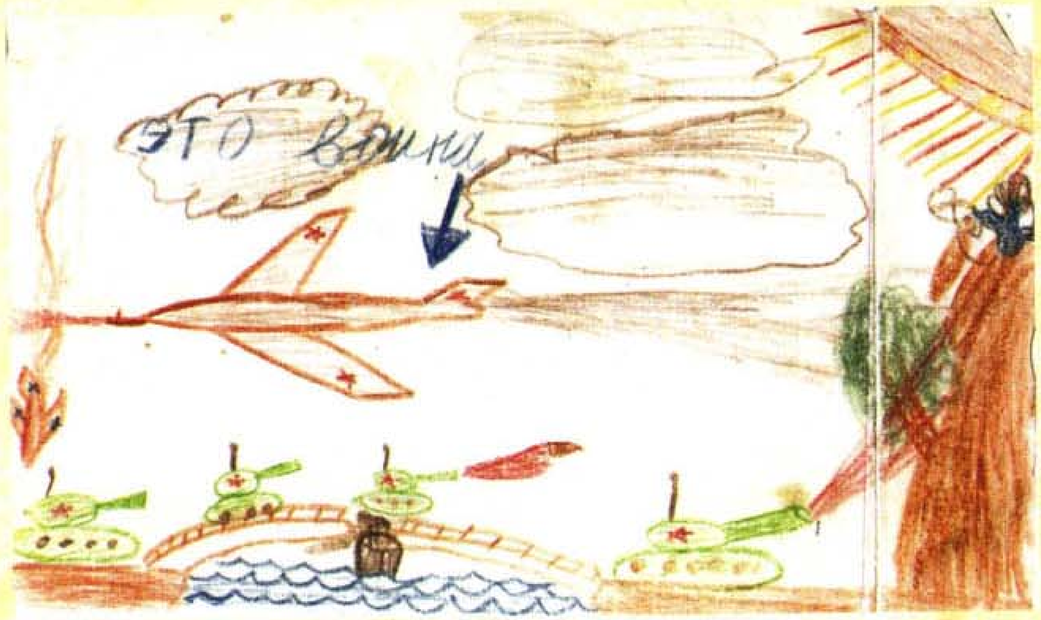
С отцом произошел страшный случай. Его арестовали и увезли в неизвестном направлении, при этом ничего не объяснив. На торфопредприятии, где он работал, выходила многотиражная газета «Торфяник». В один из дней по домам поселка ходили два вооруженных человека и требовали вернуть последний номер газеты. Оказывается, в опубликованной там «Песне о Сталине» была допущена опечатка. В последнем слове «...наш народ за Сталиным ИДЕТ...» наборщик поставил букву «Б» вместо буквы «Д», и корректор этого не заметил. В строчном шрифте эти буквы похожи. Все домашние решили, что моего отца мы больше никогда не увидим. Мы знали, что оттуда никогда не отпускают. Но свершилось чудо: через три дня отец пришел домой. Выяснилось, что редакция «Торфяника» была подчинена не торфопредпрятию, а другой городской структуре. А члены редакции исчезли бесследно.

Я был мал и подвигов никаких не совершал. Отец, дядя и тетя были награждены медалями. Все тяготы вражеской блокады, голод

и холод, бомбежки выдержали более чем два с половиной миллиона жителей города, которые остались здесь. Погибло около миллиона человек. Мы ждали и надеялись, умирали и жили дальше.

Слава тем, кто лежал в окопах на передовой и не сдал город врагу! Подобных подвигов народа история не знает. Спасибо героям.

Все домашние решили, что моего отца мы больше никогда не увидим.



Этот мой рисунок я обнаружил в бумагах моей матери после ее смерти. Ему около семидесяти лет. Тема — война. Он мне дорог как память о тех неимоверно трудных днях моего детства.

БЕЛОУСОВ
ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ

«ГОДЫ СТИРАЮТ ИЗ ПАМЯТИ ОТДЕЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ ЖИЗНИ, ИНОГДА ЗАБЫВАЕШЬ, СКОЛЬКО У ТЕБЯ ВНУКОВ И ПРАВНУКОВ, НО НИКОГДА НЕ ЗАБУДУТСЯ ТЯЖЕЛЫЕ, ГОЛОДНЫЕ БЛОКАДНЫЕ ДНИ»

Когда началась война, мне было одиннадцать лет, а брату Лене — восемь. Наша семья жила на Лиговке, 110. Папа и мама работали, а мы с братом готовились пойти в школу: он — в первый, а я — в четвертый класс. Отца на фронт не взяли из-за его больного сердца. Мы, мальчишки, вместе со взрослыми дежурили на чердаке во время налетов, тушили зажигалки, которые бросали с фашистских самолетов. Надо было схватить бомбу щипцами и бросить ее в ящик с песком.

Когда немцы окружили город, отец добровольцем ушел на фронт. Около месяца они проходили обучение в нашей школе. Накануне отправки поздно ночью он забежал на один час домой попрощаться. На другой день мы с мамой провожали его до Обводного канала.

Я выполнял наказ отца помогать маме во всем. Нам приходилось бегать в поисках еды, отоваривать карточки, ходить за водой на Неву, стоять в очередях за хлебом. Иногда на дверях появлялась надпись: «Сегодня хлеба не будет». Но мы не уходили, дежурили и ждали. А вдруг привезут! Когда горели Бадаевские склады, бегали к воротам и черпали с асфальта текущую сладкую лужу, которая

На фото: с матерью и братом

На фото: с сестрой Лидией (до войны)

Мама надеялась, что наш отец жив и может прийти в любую минуту...

На фото: с братом Леонидом и дядей

потом превращалась в сахарную плитку. Мы пили с ней чай, не обращая внимания на то, что она черная и с грязью.

Брат был болезненным и быстро ослаб, а потом от голода перестал ходить. Мама работала в прачечной недалеко от дома, и мы часто там ночевали, грелись. Но вот прачечную закрыли, и мама перешла работать в воинскую часть. Домой она приходила, чтобы проведать и покормить нас, и опять уходила. Брат слабел на глазах, и его положили в больницу. Я, наверное, был крепче, потому что все время был на ногах.

Потом маму вызвали в райсовет и предложили эвакуироваться. Она не хотела уезжать из Ленинграда и все ждала от отца весточки, которой не было. Мама надеялась, что наш отец жив и может прийти в любую минуту, ведь официально не было извещения о его смерти. Но, боясь, что мы не сможем выжить, мама согласилась уехать.

Ей выдали эвакуационный лист, где было указано: выехать в Ярославскую область 8 июля 1942 года эшелоном № 100, вагон № 22. Дали талоны на посадку и деньги на дорогу. На пункте сбора нас переодели, а нашу одежду бросили в костер, дали паек и посадили на машины. Перед самой переправой началась бомбежка. Всех ссадили с машин на пустыре. Появились наши самолеты, бомбежка прекратилась, а мы с помощью солдат направились на переправу. Кто не мог идти сам, несли на руках. Несли и моего брата.

Нас посадили на корабль и переправили на другой берег. С помощью военных высадили с корабля, и тут нас накормили горячей солдатской едой с хлебом. Посадили в вагоны, и мы поехали. На каждой станции давали кушать обед и хлеб. Врачи всю дорогу ходили и предупреждали, чтоб не ели много. Многие не выдерживали, потом мучились животами, а несколько человек умерли. Мама строго следила за нами.

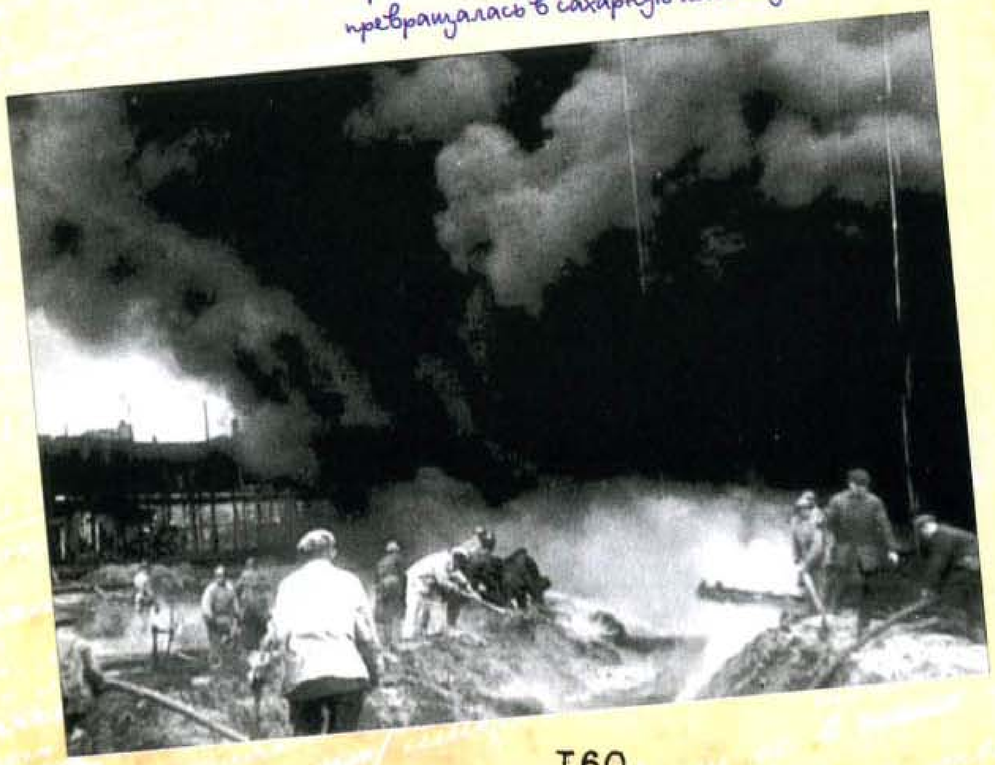
На эвакуационном листке запись: «Вологда. 11, 12, 13 июля — обед, хлеб». Почему-то запомнилось, как солдаты давали колбасу, а потом совали вареные овощи, видя наши голодные лица. Мы ехали в Галич, там жили мамина сестра и бабушка.

Годы накладывают отпечаток, стирая из памяти отдельные моменты жизни. Иногда забываешь, сколько у тебя внуков и правнуков, но никогда не забудутся тяжелые, голодные блокадные дни. В память о них в нашей семье хранится эвакуационное удостоверение.

Врачи всю дорогу ходили и предупреждали, чтоб не ели много.

На фото:
В. Белоусов — курсант военно-морского училища связи им. А. С. Попова (г. Петрдворец)

Когда горели Бадаевские склады, бегали к воротам и черпали с асфальта текущую сладкую лужу, которая потом превращалась в сахарную плитку.



Р.С.Ф.С.Р.
Фрунзенский
РАЙОННЫЙ СОВЕТ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
г. Ленинграда
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
РАЙОННАЯ ЭВАКОКОМИССИЯ
№ 5666

УДОСТОВЕРЕНИЕ
Ярослав. обл.
Предъявитель настоящего удостоверения
гр. Белоусова Анна Степ.
с членами семьи:
1. Белоусов Влад. Конст.
2. Белоусов Леонид Конст.
3.
Эвакуированы из гор. Ленинграда.
Председатель эвакокомиссии
Тип. № 1 им. Володарского. Заказ № 36.

ПОСАДОЧНЫЙ ТАЛОН № 2
Количество людей
М. П. Председатель эвакокомиссии

На фото:
эвакуационное удостоверение (две стороны)

Иногда забываешь, сколько у тебя внуков и правнуков,
но никогда не забудутся тяжелые, голодные блокадные дни.

ГАРАГАНЕНКО
ЮРИЙ ИЛЬИЧ

«ПОСЛЕ ВОЙНЫ ДОЛГО НЕ ХОДИЛ НА САЛЮТЫ — ЗАЛПЫ НАПОМИНАЛИ МНЕ БОМБЕЖКИ»

На фото:
с женой вместе 50 лет

Блокада... След ее уже стерся. Но до сих пор у меня осталось желание, непреодолимое, есть даже кашу с куском хлеба, чтобы насытиться. Я вспоминаю, как мой дедушка посмеивался надо мной, что я ем хлеб с хлебом. А еще сохранился запах жареного на кокосовом или соевом (американском) масле. Очень навязчивый и дразнящий.

Жили мы в то время на проспекте Майорова, дом 1, в бельэтаже. Наши окна выходили на Александровский сад и на проспект Майорова. В апреле 1942 года в дом № 2 напротив попал снаряд. Осколки от взрыва полетели и в нашем направлении. В это время в комнате находились мы втроем, одногодки — двоюродные брат и сестра и я. Стекла в окне разбились, а осколки снаряда, пролетев над нами, врезались в кафель печки. Мы не пострадали, нас спас наш рост.

После этого нашу большую семью, четырнадцать человек, переселили в две квартиры на втором и четвертом этаже на Большой Подьяческой улице, дом 8, поскольку наш старый дом на Майорова представлял собой угрозу из-за близости Исаакия. Я помню, как нас перевозили военные. Когда мы вошли в нашу комнату, в сумерках, то увидели такую картину: посреди комнаты стояла огромная ванна и сидевшие вокруг нее солдаты вроде бы чистили картошку, около

кафельной печки установлена была буржуйка, от нее шел приятный жар и запах варева.

Я вспоминаю, что во время бомбежек мы с мамой и сестрами не спускались в подвал, а шли к дедушке и бабушке наверх. Взрослые очень боялись, что из-под завалов разрушенного дома нас никто не спасет. И еще я после войны долго не ходил на салюты: залпы напоминали мне бомбежки, грохот взрывов и вой сирен.

Детский сад № 3, в который я ходил, размещался на территории института им. Герцена. Там же, в одном из корпусов института, находился госпиталь. Мы с ребятами иногда пробирались туда. Нас медсестры гоняли, а солдаты дарили нам то сахара кусок, то хлеба. Во дворе, где мы гуляли, были развешаны на веревках выстиранные бинты, рубахи и т.д. Там же, помню, приезжал на виллисе водитель и катал нас по двору — огромная радость была для нас. Наша воспитательница любила петь и чаще всего пела про синий платочек.

Во время блокады у нас умерла бабушка и сестра моя Ирочка, в мае 1942 года ее похоронили на Пискаревском кладбище. Пропал без вести мой папа Илья Куприянович, 1900 года рождения, инвалид Гражданской войны. В 1942 году он был переправлен на Большую землю и пропал. Мама пыталась узнать о нем, все посылала запросы в различные организации, но ответ был один: «Не значится».

А старшая сестра Лена и моя мама в один день, в разных местах города были ранены и попали в госпиталь.

Мой сводный брат Гараганенко Андрей, 1922 года рождения, погиб на фронте в 1943 году. В «Книге памяти Узбекистана воинов, погибших и пропавших без вести в ВОВ 1941—1945 гг. Г. Ташкент Мирзо-Улугбекского района» он записан под № 1478.

Блокада, война — это зло и ненависть одного народа к другому! Я атеист, но скажу: «Не дай бог этого никому!»

На фото:
на службе в армии

На фото:
перед школой, 1944 г.

На фото:
В детском саду № 3 (я в белой рубашке сижу справа от медсестры с маленькой куклой. На коленях у нее — моя двоюродная сестра Таня (почти в центре фото), зима 1942 г.

Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР

Отдел Актов Гражданского Состояния

УНКВД по Лен. об.
Бюро АГС
Октябрьского р-на
Место
1 июня 1942 г.
штампа
Ленинград, ул. 3 Июля, 35 Гр.

СВИДЕТЕЛЬСТВО
о смерти № 4583

фамилия Гараганенко
имя и отчество Ирина Ивановна
умер (ла) 31 мая
прописью и цифрами год, число и месяц
тысяча девятьсот сорок второй

о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти за 1942 г. 1 числа июня м-ца произведена соответствующая запись под № 4583

М. П. Место смерти: город / селение — край / область; район — с/совет

Возраст и причина смерти Восточная линия

1 июня 1942 г.

Зав. Бюро ЗАГС Делопроизводитель

Тип. Госфиниздата 6795

На фото:
свидетельство о смерти
Ирочки Гараганенко

Наша воспитательница любила петь и чаще всего пела про синий платочек.

В 1942 году он был переправлен на Большую землю и пропал. Мама пыталась узнать о нем, все посылала запросы в различные организации, но ответ был один: «Не значится».

ГОНЧАРОВА
ЛЮДМИЛА БОРИСОВНА

«В ПЯТЬ ЛЕТ Я ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ ОДНА СТОЯЛА ЗА ХЛЕБОМ ПОД ПРИСМОТРОМ ОЧЕРЕДИ, А КОГДА ПРОДАВЕЦ ОТРЕЗАЛА У МЕНЯ ЛИШНИЙ ТАЛОН, ЕЕ ЧУТЬ НЕ РАЗОРВАЛИ, А МЕНЯ ПРОВОДИЛИ ДО КВАРТИРЫ»

Конечно, я была мала, чтобы помнить все, но кое-что осталось в памяти навсегда.

Мы жили центре города, в коммунальной квартире на улице Рубинштейна, там жили девять семей. Не помню точно, сколько нас осталось в блокаду. Мы не смогли эвакуироваться, так как мама была беременна, а бабушка сильно заболела. В октябре 1941 года родился мой брат, который до трех лет не мог ни ходить, ни говорить, ни даже сидеть.

Все, кто остался, поселились в самой маленькой комнате, где поставили буржуйку. Ее топили мебелью, никто ничего не жалел. К концу блокады остались только железные кровати и старые диваны.

Помню, в квартире жила старушка (раньше она была хозяйкой всей квартиры), ей было семьдесят лет, но все звали ее Катенька. Она поддерживала огонь в буржуйке, ходила на Фонтанку за водой к проруби. Иногда брала меня с собой, я несла воду в двухлитровом бидончике.

Сперва я ходила в детский сад (он размещался в этом же доме). Во время бомбежки мы спускались в бомбоубежище под детским садом. Но потом я заболела скарлатиной. Саму болезнь не помню. Знаю, что оглохла, из ушей текло. В квартире жила семнадцатилет-

няя девушка, она водила меня на Невский к аптекарю, помню его фамилию — Плинер. Он был очень старенький, почти согнутый пополам. Он чистил мои ушки, закладывал туда что-то. И через год полной глухоты я стала слышать. Я не забуду его никогда.

Иногда мама ставила меня, пятилетнюю девочку, в очередь за хлебом. Порой ждали привоз хлеба целый день. Мама просила очередь посмотреть за мной, а сама убегала на работу (за две улицы от булочной). Однажды продавец отрезала у меня лишний талон. Женщины проверили и чуть не разорвали продавщицу, а меня проводили до квартиры.

Можно еще многое рассказать... Как беседовала с журналистом Лазарем Маграчевым в передаче «Письма на фронт». Как меня чуть не забил клюкой пожилой крупный мужчина: оказалось, что от голодного помешательства он стал людоедом. Как лечили мне цингу сосновыми иголками, которые передавали солдаты с фронта.

В основном помнится то доброе, что спасло нам жизни. Вот и сегодня: надо быть неравнодушными! Дружба, теплое отношение к близким и соседям, стремление сделать жизнь значимее — вот что важно. Люди, живущие не только ради себя, но и помогающие жить тем, кому не хватает сил, — вот кто достоин уважения.

Иногда мама ставила меня, пятилетнюю девочку, в очередь за хлебом.

ДОРОХИНА
ГАЛИНА ИВАНОВНА
(МАТЬ – МЕНЬ
МАРИЯ НАУМОВНА)

«ОТЧИМУ ВЫДАЛИ НА РАБОТЕ ЛОШАДИНУЮ НОГУ, И КУСОК ОН ВЕЛЕЛ ОТНЕСТИ СОСЕДЯМ, У КОТОРЫХ БЫЛО ЧЕТВЕРО ДЕТЕЙ»

Вспоминает Г. И. Дорохина:

Когда началась война, я была совсем маленькой девочкой. Но впечатления были настолько сильными и яркими, что многое помню. Помню сухарики черного хлеба, которыми угощала соседка по коммуналке — врач и жена кадрового военного.

На фото: мама и дочь Дорохины, 1992 г.

Конечно, детям в блокадном Ленинграде было очень трудно. Но основная тяжесть легла на плечи матерей. Жить надо было для того, чтобы выжил твой ребенок. Моя мама Мария была совсем юной, замуж она вышла рано, в семнадцать лет. Муж, мой папа, — молодой, статный, только что отслужил в армии, но вскоре после начала войны ушел на фронт добровольцем, оставив в блокадном городе любимую жену и маленькую дочурку. Как только выдавалась свободная минутка, он писал маме и мне письма: «Я жив-здоров, чего и вам желаю». А больше написать было и невозможно: на каждом солдатском треугольнике стоял штамп «проверено цензурой».

На фото: Иван да Марья Дорохины, февраль 1940 г.

Но недолго приходили письма с фронта: 12 января 1942 года, в мой день рождения, папа погиб. До сих пор в нашем доме хранятся солдатские письма и пожелтевшие фотографии, и жива память о любимом муже и отце. Вот такая короткая история о любви.

Вспоминает М. Н. Мень:

Начало войны 22 июня 1941 года в воскресенье меня застало на работе. Прибежал бригадир и закричал: «Муся, началась война!» Жили мы в районе мясокомбината в деревянном доме. Я работала на строительном складе и была ответственной за него. Поэтому меня сразу же назначили в МПВО для выдачи инструмента людям, которых посылали копать траншеи от мясокомбината до Шушар.

Меня не выпускали с места работы по пять-шесть дней в неделю, и только на один выходной день, а маленькая дочка была с бабушкой, муж работал на 1-м ЛАРЗе. Он хотел на фронт, но ему сразу же дали броню. Муж с начала войны до конца августа 1941 года работал. Но в начале сентября 1941 года ушел добровольцем. Последнее место на фронте было — защита Ижорского завода, солдаты жили в землянках и стояли там насмерть. Погиб и похоронен в городе Колпино.

С начала войны на работе сообщили, что нас из деревянных домов переселяют в город. Пока не переселили, мы с мамой ходили на поля с мешками и выкапывали кочерыжки от срезанной капусты. Когда пришли в конце августа, на поле уже стояли зенитки, и нам запретили приходить.

На сборы нам дали три дня, чтобы мы выехали по указанному адресу. В начале сентября 41-го года мы жили на квартире врача Белы Михайловны Моршанской. Наша семья — мама, дочь и отчим, которого в армию не взяли. Он работал грузчиком на машине и возил грузы для фронта, о которых нам не рассказывал.

В сентябре началась блокада Ленинграда. Мне пришлось взять расчет с работы, так как транспорт по городу не ходил, дочку с бабушкой не могла одних оставить, ведь отчим не приходил домой сутками, был в разъездах. Мама от голода слегла, была опухшая и не могла ходить. Мне приходилось выстаивать днями в очереди, чтобы что-нибудь достать по карточкам.

Мы жили на улице Маркина, дом 14/16, квартира 16. В нашем доме управдом назначил меня дежурить у телефона, пока светло, а при на-

Он хотел на фронт, но ему сразу же дали броню.

ступлении темноты по два часа делала обход вокруг дома и все замеченное записывала в журнал: чтобы было затемнение на окнах, чтобы не проглядывал свет.

К 8 марта 1942 все ходячие вышли во двор дома убирать с колом и лопатами все нечистоты, накопившиеся за время блокады, поскольку не работали ни водопровод, ни туалет, и все это выносилось во двор в кучу. Меня послали колоть лед на Большом проспекте Петроградской стороны. Руки были — кровяное месиво, и шатало меня от голода.

Как-то приехал отчим домой и привез нам лошадиную ногу, которую ему выдали на работе. Он ее разрубил на части и по кусочку варил в воде, и так этот кусочек варился по нескольку раз. А кусок ноги велел отнести соседям по мясокомбинату, у которых было четверо детей, что я и сделала.

Я ходила весной и летом рвала крапиву и лебеду, варила в воде, делала лепешки. Жили мы на четвертом этаже, и очень страшно было спускаться и подниматься, поскольку сутками лежали мертвые, и никто их не убирал.

Один раз я пошла за водой на Неву, от дома больше двух остановок, поскользнулась, упала, разлила воду и больше на Неву не ходила. Воду брали рядом с нашим домом из ямы от попадания бомбы, и все жильцы из окрестных домов тянулись с чем могли, кто мог сколько донести. Выстаивали часами за ней, очень долго ее кипятили на буржуйке посреди кухни, а труба от печки выходила в окно.

При бомбежке Сытного рынка у нас вылетели все стекла. Заколотили все фанерой и завесили всякими тряпками. Было очень холодно, голодно. Спали в одежде. Моя дочь заболела в 1942 году, и хозяйка квартиры — врач — определила ее в стационар для дистрофических детей, что ее и спасло от смерти.

Хлеб привозили каждый день. Выстаивая огромные очереди, мы трое — мама, я и дочь — получали по 125 граммов. И от этих граммов мы обрезали все корочки и отдавали дочке. Она постоянно просила корочку хлеба. Но однажды в наш район целых три дня не завозили хлеба. И за это время умерло очень много людей. Всю жизнь я помню и благодарю Бога, что мы попали на квартиру к этому доброму человеку, Врачу с большой буквы, которая нас лечила от всех болезней и поддерживала мою дочь. Когда совсем, кроме воды, ей нечего было дать, то Бела Михайловна давала кусочек корочки, иногда сухарик, сушечку, кусочек сахара, и этим она спасла моего ребенка от голода и смерти.

Однажды я отстояла целый день за хлебом, а его не привезли. Добралась до дома и упала у порога без сознания. Мне дали воды, уложили на постель, температура была до 40°. Вылечила хозяйка.

Как-то утром рано с соседкой заняли очередь за хлебом и чередовались, а привезли хлеб днем, и я отоварила хлеб за все три дня, потому что хлеба не было. Не было газет, ничего. Хлеб я держала в руках, только отошла от весов, как весь довесок хлеба схватил кто-то и запихал в рот. Я заплакала и остатки хлеба принесла домой. По улице идти было очень страшно, так как постоянно через большие черные репродукторы на улице объявляли воздушную тревогу и дежурные милиционеры всех с улиц загоняли в ближайшее бомбоубежище. Мне 86 лет, и я до сих пор все это помню.

Когда мы переехали жить на Петроградскую сторону, мы выкопали свой огород (картошка, морковка) и привезли соленую хряпу. Но у соседей к сентябрю 41-го года уже ничего не было из еды, и я с мамой тем, что у нас было, поделилась. И к большому голоду у нас уже еды не было.

Мама три месяца, опухшая, не вставала с кровати. Однажды в магазине за несколько месяцев выдавали вместо положенных 100 граммов мяса — 300 граммов сушеных помидор и меланж, что в первую очередь спасло маму. Она стала вставать с кровати, опухоль спала, кожа на ногах висла, но это уже к жизни.

После этого я устроилась на работу на ЛАРЗ ученицей токаря револьверного станка, где проработала месяц. Потом я упала прямо на рабочем месте, и врач мне запретила вообще работать у станка, хотя я уже выпускала пули. От завода послали в совхоз, но дочь заболела воспалением легких, и меня отправили назад. Я опять работала на заводе.

Когда в 1942 году прибавили хлеба, стало легче. Мама после больницы устроилась дворником на работу. Дали рабочую карточку, и всем дворникам прямо во дворе выделили место под грядку, и там что-то сажали всю войну.

В январе 1944 года мы переехали от хозяйки на Васильевский остров — на 6-ю линию, дом 27, квартира 36. Это был подвал, который мы сами отремонтировали и жили там двадцать пять лет. А с 20 августа 1969 года поселились в Купчино.

Я награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

На фото: мама и дочь Дорохины (Гале полгодика), 1939 г.

На фото: мама и дочь Дорохины, 1949 г.

Потом я узнала прямо на рабочем месте, и врач мне запретила вообще работать у станка, хотя я уже выпускала пули.

ЗОЛОТУХИНА (КРАСАВЦЕВА)
ТАИСИЯ МИХАЙЛОВНА

«ВО ВРЕМЯ БОМБЕЖЕК БЕГАЛИ ПРЯТАТЬСЯ В СКЛЕПАХ НА ВОЛКОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ»

Родилась 3 мая 1928 года в деревне Подольхово Вышневолоцкого района Калининской области. В 1929 году семья переехала в Москву, а в 1930 году — в Ленинград. Мать поступила работать на 4-ю кондитерскую фабрику, находившуюся на улице Шкапина, отец — на железнодорожный завод.

В семье росло трое детей — старшая сестра Раиса, средний брат Леонид и я — младшая Тася.

Когда началась война, старшая сестра заканчивала институт. Его с сотрудниками и студентами эвакуировали в Йошкар-Олу. Ехать с ними Раиса отказалась. Отец тоже не захотел эвакуироваться со своим заводом, а пошел работать в железнодорожные мастерские.

Брат Леонид в 1941 году ушел на фронт в танковые войска. Мать и сестру отправили на рытье траншей в Ораниенбаум, откуда они успели на последнем теплоходе вернуться в город — наступали немцы. Рыли траншеи у Красненького кладбища. Сестра пошла работать на завод «Экономайзер».

В январе 1942 года отец умер от голода. Похоронили его под окнами дома на Волковом кладбище. Окна кухни выходили прямо на кладбище. Дом, в котором прожили всю войну, до сих пор стоит на Камчатской улице. Во время бомбежек бегали прятаться в склепах. Сейчас в этих двух домах по Камчатской улице находится предприятие.

Мне было тринадцать лет, когда началась война. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКПБ школьников шестых-десятых классов распределяли по крупным подсобным хозяйствам и

направляли на прополку, полив, посев овощей и посадку рассады в совхозы и подсобные хозяйства. Я тоже трудилась на сельскохозяйственных работах во Всеволожском районе — в Кузьмолово и Васкелово. С моими ровесниками мы сажали турнепс, пололи, собирали урожай.

С классом на сельхозработы попал мальчик, приехавший в Ленинград из сельской местности и попавший в блокаду, ему разрешили пойти в лес за грибами, при условии, если ребята возьмут на себя его норму. То-то был пир по его возвращении!

Мне, ученице 6-го класса школы № 359 Московского района, как отличившейся на сельхозработах была вручена Почетная грамота, подписал ее секретарь обкома и горкома ВЛКСМ Иванов.

В школе № 14 им. академика Марра на Расстанной улице, дом 20, где до войны я училась, устроили госпиталь (потом там была школа № 359).

Школьники работали на уборке территории, с ними трудились санитары. В случае, если дети обнаруживали трупы, за дело принимались взрослые. На Васильевском острове разгружали баржу с дровами.

В дни, когда мы были дома, мать не давала лежать и сидеть без дела: вышивали, мыли пол, носили воду. Мама говорила: «Нам воды принесли, теперь принесите соседке».

В 1943 году из Москвы приехал родственник — военный корреспондент, в последующем — писатель Евгений Юнга (в его книге «Подвиг народа» есть несколько страниц и о нас, Красавцевых, — семье из осажденного Ленинграда). Он добился разрешения забрать семью в Москву, но женщины отказались, потому что в 1943 году стало полегче.

За участие в героической обороне блокадного города 4 декабря 1943 года я была награждена медалью «За оборону Ленинграда» № К32533, удостоверение подписано Председателем Ленинградского городского совета депутатов трудящихся Попковым.

ПЕНТУХОВА (ВИНОКУРОВА)
ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА

«КАКОЕ БЫЛО СЧАСТЬЕ ВСТРЕТИТЬ ПОБЕДУ С ВЫЖИВШИМИ В БЛОКАДУ, СТАВШИМИ МНЕ РОДНЫМИ ЛЮДЬМИ!»

Я родилась в 1922 году в Белоруссии — Витебская область, Городокский район, Газьбинский сельсовет, деревня Халипы.

В Ленинград приехала в 1939 году, работала на фабрике «Промстул», жила в общежитии. Наша фабрика находилась на Екатерининской улице, сейчас это улица Седова. Дом, в котором мы жили, был двухэтажный, деревянный.

Когда началась война, начались сильные бомбежки, и цеха нашей фабрики разбомбили, работать нам стало негде. Нас послали на работу на пятую гидроэлектростанцию, трудились мы там грузчиками. Приходили вагоны с углем или торфом, и вот нам нужно было их разгружать.

С продуктами становилось все хуже и хуже, ввели карточки, началась блокада, и мы, как рабочие, получали хлеба по 300 граммов, а служащим и иждивенцам положено было по 125 граммов. Люди стали умирать, в нашем общежитии в первую очередь умирали мальчики. Каждое утро кого-то приходилось выносить. Трупы складывали в медицинский пункт. Когда набиралось несколько трупов, вызывали машину, и их вывозили на Волковское кладбище.

Самое страшное было тогда, когда люди стали поедать людей. Жутко стало ходить в одиночку. Началось очень страшное время, каждый последующий день не отличался от предыдущего.

Все девятьсот дней я провела в блокадном городе. И какое было счастье встретить победу с выжившими, ставшими мне родными людьми!

Началось очень страшное время, каждый последующий день не отличался от предыдущего.

СЕМЕНОВА (РОЗОВА) ЗИНАИДА МИХАЙЛОВНА

«В ОСНОВНОМ ВСЯ ЖИЗНЬ ПРОХОДИЛА В БОМБОУБЕЖИЩЕ, ТАМ БЫЛО ОЧЕНЬ СЫРО, ТЕМНО, С СОБОЙ Я БРАЛА КУКОЛКУ ИЛИ МЕДВЕЖОНКА»

Родилась я 23 сентября 1938 года, выросла в Ленинграде. Моя семья Розовых проживала по Верейской улице, дом 47, квартира 3. Мама, Надежда Васильевна, работала на заводе подъемно-транспортного оборудования, папа, Михаил Сергеевич, — на военном заводе, испытывал вооружение (револьверы и так далее). Когда началась война, его не призвали — дали броню. Брату Евгению было четыре года, а мне — два года.

Папа погиб в 1942 году при испытании нового оружия, он захоронен на Волковском кладбище в братской могиле.

В начале войны в наш дом попал снаряд, половину снесло. Слава богу, что не к нам в квартиру. Мы сидели за столом, так испугались, мама нас стала прятать под кровать.

Комната была холодная, со всех сторон обдувалась. В доме было тихо. Утром вставали, а вода в чайнике замерзла, и суп в кастрюле — глыба льда.

Когда начиналась тревога, мама одевала нас, и мы бегом со второго этажа спускались в бомбоубежище в подвале. Там было очень сыро, темно. В основном вся жизнь проходила в бомбо-

убежище. С собой я брала туда куколку, медвежонка. У меня всего было две или три игрушки.

Однажды какой-то женщине в бомбоубежище стало плохо, все заметались, а потом, помню, люди кричали: «Она умерла!» — и ее вынесли.

Все время хотелось кушать, я это хорошо помню. Голод преследовал. Мама кормила крапивой, которую собирала возле Обводного канала, варила дуранду на воде.

Когда самолет летел, я каждый раз так боялась, плакала и не знала, куда забиться, чтобы спрятаться. Бегала и кричала: «Мама, нас убьют, я боюсь, боюсь!»

Голод и холод блокады мы пережили все, чудом уцелели. И дедушка с бабушкой тоже, но я их не помню.

В доме не очень любили говорить о блокаде, а я помню мало.

После войны окончила издательско-полиграфический техникум, работала помощником мастера, потом училась в институте и закончила сорокалетнюю трудовую деятельность инженером в проектном институте. Живем с мужем, семья дружная, вырастили сына, есть внучка.

Мама кормила крапивой, которую собирала возле Обводного канала, варила дуранду на воде

ТИМОФЕЕВА
ЭРА САВАЛЬЕВНА

«В НАШ ДОМ ПОПАЛ СНАРЯД, МЫ УКРЫЛИСЬ В КАНАВЕ, А ОТЕЦ НЕ МОГ ХОДИТЬ, ЕГО ЗАСЫПАЛО, И ХОТЯ ВОЕННЫЕ ЕГО ОТКОПАЛИ, ЧЕРЕЗ СУТКИ ОН УМЕР — ТАК И ПОХОРОНИЛИ В ВОРОНКЕ ОТ СНАРЯДА»

Мы жили на станции Шушары в железнодорожном доме. Мне было одиннадцать лет, когда товарищ Молотов сообщил о начале войны. На улице собрались люди, женщины плакали, а мужчины шли на призывной пункт.

Взрослые начали копать окопы, а мы, дети, помогали, как могли: таскали доски для убежища, собирали бутылки для зажигательной смеси. Немцы бомбили жестоко, все вокруг горело, особенно когда зажигалки сбрасывали на Пулковские высоты. Мы стояли на железнодорожной линии и видели, как подряд падали бомбы от пушкинских гор до конца высот. Стеной горело дня три, а потом на небе было зарево несколько дней. Сгорело все, остались только каменные каркасы.

Я видела, как отступали наши солдаты, бежали раненые, изможденные, голодные, без оружия. И вот город Пушкин пал 8 сентября 1941 года, замкнулось кольцо.

Шушары — это передовая линия. Начались страшные обстрелы снарядами («фугаска»). Немец обстреливал военные точки, а мы, жители, прятались по канавам.

Урожай на полях остался неубранным. Мы с сестрой в сильный декабрьский мороз брали санки, лопату и ломик, шли по шоссейной

Взрослые начали копать окопы, а мы дети, помогали, как могли...

В этом же месяце нужно было отоварить хлебные карточки.

дороге в сторону Пушкина на капустное поле. Снега было очень много. Мы вырывали яму до самой земли, ломом пробивали лед, клали в мешок листья капусты вместе со льдом. Когда немец обстреливал шрапнелью, тогда мы ложились в эти ямы. Однажды, когда мы шли по шоссе, увидели в сумерках какую-то возвышенность, думали, что лежат дрова, а когда подошли, нас охватил ужас — это были трупы. Мы молча прошли мимо. До сих пор забыть эту картину не могу.

Весной 1942 года мы с сестрой ходили на картофельное поле и выкапывали там мерзлую картошку. Из нее мама делала крахмал. Из корней лопуха и крахмала получалась прекрасная запеканка. Потом появилась крапива, щавель и другие травы, мама делала из них лепешки и варила щи. Если удавалось отоварить карточки, то кинет в кастрюлю щепотку крупы.

В июле 1942 года в наш дом попал снаряд. Здание было двухэтажное, деревянное. Мы все укрылись в канаве, а отец не мог ходить, и его засыпало. Военные его откопали, но через сутки он умер. Так и похоронили его в воронке от снаряда.

В том же месяце нужно было отоварить хлебные карточки. Я шла по шоссе в сторону мясокомбината (где ныне станция метро «Звездная»). Вдруг я заметила, что дорогу переходит военный, а в руках у него кусочек хлеба. Это был командир, у него была планшетка через плечо, а на воротнике гимнастерки — отличительный знак (погон тогда не было, они появились в 1942 году). Увидев меня, он отдал мне хлеб со словами: «Девочка, сейчас же съешь!» Я съела и поблагодарила его.

Из Шушар нас вывезли в конце октября 1942 года, когда наступила темнота. Прибыли на станцию Воздухоплавательный парк (Витебская-Сортировочная). Здесь в начале ноября 1942 года я пошла в школу. Там были карточки на детское школьное питание.

18 января 1943 года прорвали блокаду. Я видела в киножурнале перед кино, как бойцы двух фронтов — Ленинградского и Волховского — бежали навстречу друг другу с криками «Ура!». Потом прибавили хлеба.

В январе 1944 года я видела, как от Московского вокзала к Международной улице (ныне Московский проспект) шла огромная колонна военных, ширина рядов — во весь асфальт дороги. Они шли молча, в ногу, одеты были в фуфайки или куртки, сапоги, за плечами — шинель или плащ-палатка, автомат, противогаз,

каска, котелок и лопатка. Шли молодые девушки, парни и люди в возрасте. Все понимали: они шли на смерть. Несколько дней было затишье, даже немцы молчали, а потом как началась канонада! Это наши орудия били немцев. Началось наступление.

Диктор Левитан по радио сообщал, какие города, деревни и поселки были освобождены от фашистских захватчиков. Вскоре от Международной улицы до Московского вокзала шла другая огромная колонна — пленных немцев. Они шли с опущенными головами. И тут по радио сообщили о полном снятии блокады. Радости не было предела. Вечером в небо взметнулся незабываемый салют.

9 мая 1945 года, в День Победы, в школе уроков не было, портфели кидали вверх с криками «Ура!».

Я видела в киножурнале перед кино, как бойцы двух фронтов — Ленинградского и Волховского — бежали навстречу друг другу с криками «Ура!».

ТРОФИМОВА
ОЛЬГА ИВАНОВНА

«ЧТОБЫ УТОЛИТЬ ГОЛОД, МЫ В ДЕТСКОМ САДИКЕ ГРЫЗЛИ КУБИКИ, ВЕРНЕЕ, ТЕРЛИ ИХ ОБ ЗУБЫ — ПОЛУЧАЛОСЬ НЕЧТО ВРОДЕ МУКИ. МЫ НАЗЫВАЛИ ЭТО ПЕЧЕНЬЕМ»

В тот страшный сорок первый год
Нас четверо детей у мамы было.
Для той поры — не так уж мало.
Через полгода стало трое,
А через год — двоих не стало.

Да, два моих младших братика умерли от голода в первый год войны. Невозможно забыть, как окаменевшая от горя мама заворачивала в простыню своего мертвого четырехмесячного сыночка Витю. Потом, положив его на саночки, повезла на Смоленское кладбище. Через полгода умер и трехлетний Коленька. Осталась я, пятилетняя, и девятилетний брат Валя.

Я ходила в детский сад, что на Среднем проспекте Васильевского острова, между 5-й и 6-й линиями — он и сейчас работает, мой детский садик. Кушать хотелось все время. Чтобы как-то утолить голод, мы, ребятишки, грызли кубики, вернее, терли их об зубы, получалось нечто вроде муки. Мы называли это печеньем.

Во время бомбежек, когда объявляли «Воздушная тревога!», под отвратительное завывание сирены мы быстро надевали теплые вещи и с воспитателем спускались в бомбоубежище (подвал). Там были сколочены нары, покрытые грубым колючим солдатским сукном. На этих нарах мы и пережидали бомбежку.

Новый 1942 год. В садике нам устроили праздник. Силами персонала показали кукольный спектакль и подарили подарки. Скорее

всего, подарки собрали родители. Мне достался Дед Мороз из папье-маше.

Помню, как по дороге из детсада мы всегда проходили мимо кучки людей, которые пытались за свои вещи (колечки, бусы и прочее) выменять кусочек хлеба. На всю жизнь запомнилась маленькая бабушка (возможно, вовсе и не бабушка, потому что во время войны люди были истощены и казались старичками), которая в течение нескольких дней пыталась обменять свой самовар на кусочек хлеба. Самовар мне ужасно нравился: он был пузатый и начищен до блеска. Мне было удивительно видеть свое отражение в самоваре — там я была толстенькая, а значит — сытая. Но однажды, проходя мимо этой группы людей, мы не увидели тетю с самоваром. Какая-то женщина сказал: «Не ищите, нет больше ни самовара, ни его хозяйки. Не дождалась она кусочка хлеба. Здесь же упала и умерла».

Июль 1942 года. Мама работала в Доме малютки — так назывался детский дом, куда приносили, приводили найденных в пустых квартирах детей. Вот с этим детским домом, с мамой и старшим братом нас эвакуировали по Ладоге на пароходе. Как узнали позже, еще один пароход разбомбили.

В детском доме в Ярославской области я находилась в группе вместе с другими детьми. В деревне началась совсем иная жизнь: было очень светло и удивительно тихо и уже не так голодно.

Когда закончилась война,
Мы вновь вернулись в город свой,
Разбитый, изуродованный город,
Но все-таки такой родной.

На всю жизнь запомнилась маленькая бабушка (возможно, вовсе и не бабушка, потому что во время войны люди были истощены и казались старичками), которая в течение нескольких дней пыталась обменять свой самовар на кусочек хлеба.

БАДАЕВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

«В БЛОКАДУ МНЕ БЫЛО ТРИ ГОДА, И МНЕ ВСЕ ВРЕМЯ ХОТЕЛОСЬ ЕСТЬ, НО Я ДУМАЛ, ЧТО ЭТО ТАК И НАДО»

Мы жили на улице Жуковского — мама, папа, я (1938 года рождения) и два брата — старший Юра (1937 года рождения) и младший Володя (1941 года рождения).

Папе дали броню, так как он был мастером строительного цеха, и его привлекли к строительству оборонительных сооружений.

Когда началась война, я лежал в больнице с воспалением легких. Помню, как ребята старшего возраста пугали малышей, заглядывая в нашу палату, надев противогазы. Мама рассказывала, что я поправился от болезни благодаря профессору по фамилии Тур, который назначил мне эффективное лечение с применением черносмородинового сока и шиповника.

Помню, как были обстрелы нашего жилого района, но я считал, что стреляют «наши» по немцам, со слов мамы. Все время хотелось есть, но я думал, что это так и надо. После обеда я забирался под стол и пытался там найти съедобные крошки.

Папа сильно заболел (проблемы с желудком) и лежал в тяжелом состоянии, но мама нашла врача, который его вылечил.

Нам продуктами питания помогал иногда мой двоюродный брат. Он в то время учился в Военно-медицинской академии и, видимо отрывая от себя, приносил нам топленое масло, хлеб.

Помогали, чем могли, соседи по коммунальной квартире. Летом папа занимался огородом у депо «Ленинград — Балтийский», где он работал, и зимой у нас в комнате хранились овощи с огорода (картошка, турнепс и т. д.).

Все время хотелось есть, но я думал, что это так и надо.

На фото: А. С. Бадаев на службе в Вооруженных силах СССР

На фото: папа Сергей Ильич и мама Клавдия Петровна

Мы все пережили войну, кроме младшего братика, — он умер в больнице во время блокады.

После войны я окончил вечернюю школу, железнодорожное училище № 1, работал в депо «Ленинград — Балтийский» вместе с отцом. Затем окончил ЛИИЖД, и мне предложили в этом институте преподавательскую работу, работал там до пенсии и после — буквально до прошлого года. Доцент, кандидат технических наук. Есть два сына, внуки.

Мы все пережили войну, кроме младшего братика, — он умер в больнице во время блокады.

Бадаев С.И. – прораб. Помимо основной работы его цех успешно выполняет работы по ремонту кузовов подвижного состава.

На фото:
отец С. И. Бадаев

СИМОНОВ
ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

«НАСТУПИЛ КРИТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ, КОГДА МЫ С МАМОЙ ОТЧАЯННО ОСЛАБЕЛИ, И ТУТ В ОЧЕРЕДИ Я УСЛЫШАЛ РАЗГОВОР ВЗРОСЛЫХ, ЧТО РАБОТАЮЩИЕ НА ХЛЕБОЗАВОДЕ И ЖИВЫ, И СЫТЫ — И Я, ДЕСЯТИЛЕТНИЙ МАЛЬЧИК, УСТРОИЛ ТУДА НА РАБОТУ МАМУ, ЧТО СПАСЛО НАМ ЖИЗНЬ!»

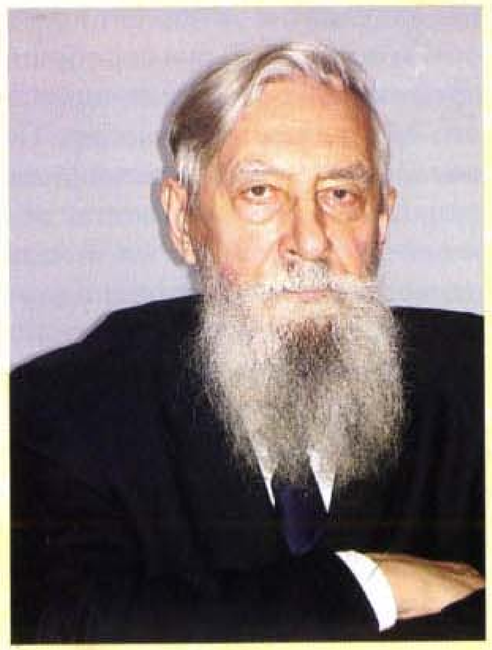
Блокадные заметки

I. Встреча первого Нового года в блокаду

Декабрь 1942 года

В конце декабря 1941 года я и мама очень сильно ослабели...

Мой день рождения — 28 декабря (родился я в 1931 году). Пока был жив папа, каждый год ночью, накануне моего дня рождения, в нашей большой комнате таинственным образом появлялась большущая елка, которая почти доставала до потолка. Она стояла в деревянной крестовине на полу, в освобожденном от мебели углу комнаты, для чего всегда на время новогодних праздников делали перестановку. Каждый раз утром



в свой день рождения я нетерпеливо прибегал в большую комнату и проверял, есть ли в этот раз елка или нет. А она всегда стояла на месте — большая, красивая, пушистая. Вся комната пахла елкой. Взрослые уверяли меня, что ночью ко мне приходил Дед Мороз, принес елку и просил меня, чтобы к Новому году я с папой и мамой украсил ее игрушками.

На фото: Юрий Симонов в пять лет

Господи, как давно это было! Мы с мамой клеили бумажные цепи из цветной бумаги, делали гирлянды разноцветных флажков. И конечно, писали записку Деду Морозу, чтобы он узнал мое желание.

Когда я уже знал буквы, то написал такую записку цветными карандашами самостоятельно: «Дедушка Мароз принеси пжалста елку и падарык» (я храню ее). Когда наши труды были закончены, папа после работы вечером доставал из чулана плетеную корзину и вынимал из нее интереснейшие елочные украшения, среди которых были и хлопушки, и красивая пика на верхушку елки, и много разных игрушек из цветной и серебряной бумаги, фигурки из ваты, покрытой блестками. Нашей гордостью были несколько блестящих шаров и стеклянные бусы.

Папа приносил стремянку и вместе с мамой развешивал игрушки наверху, а мне доверяли внизу елки повесить несколько игрушек, среди которых был и серебряный мальчик. Затем на лапы елки прикреплялись свечи в специальных держателях. Мне кажется, что это мы делали 30 декабря. Перед встречей Нового года, ранним вечером 31 декабря меня укладывали спать, обещая разбудить на праздник. Обещание всегда выполняли. Когда после сна я приходил к елке, то видел, что на ней, кроме игрушек, висели конфеты, печенье, мандарины и очень вкусные длинные сосульки из жженого сахара, которые умел делать папа. Стол всегда был накрыт праздничнo, на столе, кроме всякой вкуснятины, обычно был сделанный мамой «хворост», посыпанный сахарной пудрой.

Ночью, как правило, у нас гостей не было, они приходили в другие дни. В полночь 31 декабря папа зажигал свечи и гасил электрический свет. Комната преображалась. Становилось очень красиво, таинственно и интересно. Незаметно для меня вдруг появлялся Дед Мороз с мешком подарков. Он просил прочитать стихи и меня, и

Мне кажется, что это мы делали 30 декабря.

папу, и маму. Затем он уходил, мы садились за праздничный стол, а потом недолго играли. Например, мне завязывали глаза, давали в руки ножницы и разрешали найти и срезать съедобное украшение, а затем его съесть. Потом это же делали и папа, и мама. Было смешно и весело. Затем мы все вместе рассматривали подарки...

Но вот 16 октября 1938 года папы не стало. Мама старалась сохранить обычай встречи Нового года, но и я становился старше, и мама скучнее, а жизнь продолжалась, и мы смирились с ударом судьбы...

Война, блокада, декабрь 1941 года. Голод в Ленинграде. Морозы, морозы, морозы... Моя школа не работала, мама на работу не ходила, так как ее бухгалтерия была временно без дел. Мы с мамой очень сильно похудели и ослабели, потому что запасов еды в доме не было, а продуктов по карточкам выдавали очень мало. С 20 ноября норма хлеба на день по детской и иждивенческой карточкам была всего по 125 граммов. В декабре очень много времени пришлось стоять в очередях в ожидании, что вот-вот что-нибудь привезут и будут выдавать. В ту пору моей обязанностью было выкупать продукты по карточкам. Как мучительно стоять часами на холоде, ведь морозы были сильные. Да и продуктов получали по карточкам очень мало... Вместе с хлебом всего получалось: маме на день 191,4 грамма продуктов, а мне — 234,8 грамма. Нам приходилось очень тяжко. Мы уже съели студни из старинного плиточного столярного клея, выменяли на хлеб и продукты много вещей, которые смогли донести до рынка.

Свет — от коптилки, вода — из Невы, тепло — от печки-буржуйки. Но сила духа была крепка, мы боролись, как умели, верили, что блокада вот-вот будет прорвана. Основания для этого были: с 20 декабря увеличили хлебный паек, и по иждивенческой и детской карточкам стали давать 200 граммов хлеба. А вот по продуктовым карточкам прибавки не было. Держались мы, двигались, пусть медленно, но двигались, не поддаваясь соблазну лежать. Строго выполняли свой режим дня. Вместо мытья, экономя воду, делали обтирание лица, шеи, коленей мокрой мохнатой рукавичкой. Свои маленькие порции хлеба делили на пять частей, круто посыпали их солью. Мы заставляли себя хлеб съедать не разом, а за пять раз в течение дня, запивая хлеб горячим посоленным отваром порошков петрушки и сельдерея или, изредка, подслащенным кипятком.

Мама старалась сохранить обычай встречи Нового года, но и я становился старше, и мама скучнее, а жизнь продолжалась, и мы смирились с ударом судьбы...

Но вот подошло время встречать Новый год. 28 декабря 1941 года, в мой день рождения, мы с мамой задумались, как нам организовать елку, чтобы не нарушать обычай, который завел в семье мой папа. В замерзшем городе достать живую елку было нереально. Поэтому мама решила нарисовать елку на картоне, приделать к ней крючки от одежды, а на них повесить игрушки. Картон мы взяли от большой старинной папки с бумагами, цветные карандаши и акварельные краски у нас были, рисовать мы любили, так что елка получилась на славу. Созданием елки мы были так увлечены, что даже забыли на время о голоде. Затем мама пришила к картону крючки от одежды. Подошла очередь заниматься украшением елки. Мама вспомнила, что в начале блокады мы все свои вещи из кладовки перенесли в большую, теперь нежилую, комнату. Там сейчас стоял сильный холод. Мама одела меня как на Северный полюс и отправила в экспедицию за корзинкой с игрушками в эту комнату. Я задание выполнил, корзинку с трудом перетащил в нашу маленькую жилую комнату.

Настал торжественный момент разборки елочных игрушек. Мы долго не могли придумать, какие игрушки годятся на такую елку. Потом решили повесить самые любимые и укутать их стеклянными бусами и серебряной гирляндой. Так как мы очень ослабели, процесс украшения елки растянулся во времени. Когда доставали игрушки из корзины, то многое роняли. В очередной раз у меня упал мой любимый серебряный мальчик и... раскололся на несколько частей, порвалась серебряная фольга. И мы с мамой застыли: елочная игрушка оказалась... шоколадной! Съедобной!!!

Мы очень жалели игрушку, но плакали слезами счастья, что у нас есть настоящий шоколад. Успокоившись, мы решили, что, наверное, и в других игрушках есть что-то съедобное. Сняли серебряную обертку с трех плоских ракушек. Они также оказались съедобными, сделанными из зефира, покрытого шоколадом. Проверив все крупные игрушки, мы взялись за хлопушки... Они оказались очень прочными для нас, мы их сильно терзали, насколько у нас хватало сил, ломали и резали, но труды наши были не напрасны: в них оказались леденцовые конфеты, конфетти и серпантин. Словом, мы с мамой были на какое-то время обеспечены сладостями. Уровень нашей радости от находок передать невозможно. Мы благодарили Бога, молились, верили в чудо.

Успокоившись, мы деловито стали украшать елку. Минут за двадцать до наступления Нового года наша елка была украшена, горячая

Картон мы взяли от большой старинной папки с бумагами...

вода на буржуйке стояла в кружках. Зажгли огарочки-остаточки елочных новогодних свечек. Наша мрачная прокопченная комната вдруг стала дружелюбной, уютной и светлой. Мы нетерпеливо ждали начала передачи по радиотрансляции, в которой должно было прозвучать новогоднее обращение Сталина. Пробили двенадцать раз кремлевские куранты, и потом по радио прозвучало поздравление страны с Новым годом с завершающими словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» Этих слов мы с мамой очень-очень ждали. Эти слова были нам очень нужны, они вселяли надежду, что нам надо просто потерпеть, что смерть и разрушения уйдут из нашей жизни, впереди будет все хорошо, блокада Ленинграда скоро кончится, тревоги из-за бомбежек и обстрелов прекратятся. В мыслях мы были уже в мирном времени.

Наконец, мы сели за стол, напились сладкого «чаю», позволили себе съесть по маленькому кусочку шоколада и по одной шоколадной ракушке. Много говорили о папе, о моих родных, находящихся далеко от Ленинграда, о жизни...

Счастливые и благодарные судьбе, мы легли спать.

Начался январь 1942 года. До прорыва блокады, до снятия блокады, до Победы еще было далеко. А пока, в заснеженном стылом осажденном городе, не теряя человеческого достоинства, жили и боролись с голодом мальчик десяти лет и его мама.

Санкт-Петербург, 2008 год

2. Борьба за жизнь

Январь 1942 года

Прошла радость встречи Нового года, наступил январь 1942 года. Мне только что исполнилось десять лет, а маме — тридцать четыре года. У меня — детская карточка, у мамы — карточка не служащего, а иждивенца, так как ее бухгалтерия не работала.

Эти карточки ежемесячно мы получали в нашем доме, в ЖАКТе. Прибавка хлебного пайка с 25 декабря 1941 года до 200 граммов раззадорила наши желудки, они обрадовались и стали просить еды еще и еще, но, увы, дневная порция увеличилась чуть-чуть, и силы продолжали убывать.

Вся наша жизнь сосредоточилась вокруг забот о тепле, воде и продуктах. На бомбежки и артобстрелы мы уже внимания не обращали. Карточки, очереди, карточки, очереди... Карточки — это была жизнь.

Мы напряженно ждали начала передачи по радиотрансляции, в которой должно было прозвучать новогоднее обращение Сталина.

Главные карточки того времени — это, конечно, хлебные. Кроме того, были продуктовые, которые, как я помню, состояли из отдельных листов по видам продуктов: на крупы и макаронные изделия; на сахар и кондитерские изделия; на жиры растительные и животные; на мясо и рыбу. Также были карточки на промтовары, по которым можно было выкупить мыло, спички, свечи или их заменители и что-то другое. Увы, зимой 1942 года эти талоны практически не отоваривались.

На всех видах карточек того времени были размещены номерные купоны (талоны). Нужно было внимательно слушать радио, по которому объявляли, по какому номеру талона, что и когда можно выкупить. Например, объявляли, что на детскую промтоварную карточку по талону номер такому-то можно выкупить пару детских чулок, или майку, или пару обуви, или что-то другое, необходимое в быту. А на талоны по продуктовым карточкам — сушеный лук, сушеную картошку или что-нибудь иное, съедобное. Все положенное нужно было обязательно выкупить до конца месяца, потому что с первого числа нового месяца карточки и талоны прошедшего теряли свою силу.

Листы карточек были велики размером, так как на многие продукты месячная норма делилась по декадам. Кроме того, норма продуктов в них делилась на малые части. Например, в январе 1942 года вся месячная норма сахара печаталась талончиками по десять граммов, на масло — по пять граммов. Аналогично были напечатаны карточки и по другим продуктам. Это было удобно тем, кто мог пользоваться готовой едой на производстве, или тем, кто был прикреплен к столовой. Было удобно и нам в магазине, так как иногда месячная норма выдавалась по частям.

А какие продукты и съедобные заменители нам выдавали по карточкам в то время — читайте книгу Д. В. Павлова «Ленинград в блокаде», изданную в 1967 году.

Нам было положено, кроме хлебной нормы, получать:

• маме на день: мяса или его заменителей — 13,2 грамма, крупы — 20,0 граммов, жиров растительных и животных — 6,6 грамма, сахара или кондитерских изделий — 26,6 грамма;

• мне на день: мяса или его заменителей — 13,2 грамма, крупы — 40 граммов, жиров растительных и животных — 16,6 грамма, сахара или кондитерских изделий — 40,0 граммов. Макароны или макаронные изделия не выдавали зимой 1942 года ни разу.

А на талоны по продуктовым карточкам — сушеный лук, сушеную картошку или что-нибудь иное, съедобное.

В итоге получалось, что с учетом хлебной нормы (125 граммов) в самый тяжелый период зимы иждивенцы на день получали 191,4 грамма продуктов (или 466 калорий), а дети до двенадцати лет получали только 234,8 грамма продуктов (или 684 калории).

Медики же считают, что для нормальной жизни человеку необходимо порядка 2500—3000 калорий. Поэтому у нас, переживших блокаду, это время осталось в памяти как очень тяжелое, мучительное...

Когда нам прибавляли хлеба (до 200 граммов — с 25 декабря 1941 года; до 250 граммов — с 24 января 1942 года; до 300 граммов — с 11 февраля 1942 года), я помню чувство радости и возникающую надежду, что кошмар голода вот-вот окончится. Прибавки других продуктов этой зимой не было, я этого не помню совершенно, а вот то, что не все даже из этой скудной нормы удавалось отоварить, выкупить — это помню хорошо. Карточки тогда нам показывали всего лишь действующие нормы в этом месяце.

Выдача по карточкам производилась в зависимости от наличия продуктов, по мере их завоза в город. Получать положенное можно было в нескольких магазинах — булочных. Основной находился в нашем доме. На Калашниковской набережной, в доме 26, была булочная, а в домах 38 и 52 — продуктовые магазины, еще имелся магазин на углу проспекта Бакунина и Херсонской улицы, на Перекупном переулке. Поэтому если продукты не выдавали в нашем магазине, то можно и нужно было идти стоять в очередях в другие. Счастье, если вся очередь умещалась в магазине, там не так холодно. Но толк от стояния был. Практически мне удавалось отоваривать почти все талоны, чем я очень гордился.

В середине зимы многие стали терять свои карточки, забывать, где их положили. Появились случаи воровства, выхватывания карточек из рук. Мама, опасаясь неприятностей такого рода, требовала от меня, чтобы я их убирал на самое дно сумки сразу после вырезки купонов на продукты. Стали в магазин брать не все карточки, а только те, по которым собирались что-то выкупать. Так уменьшались последствия потерь. Должен сказать, что мне и маме везло, у нас за всю блокаду ни разу карточки не были потеряны или украдены.

За окном — зима 1942 года, всюду холод, холод... Холод на улице, на лестнице, на общей кухне и в коридоре квартиры. Вся жизнь сосредоточилась в комнате вокруг топящейся буржуйки. Но как только мы прекращали ее топить, в комнате быстро становилось очень и очень холодно. Мы положили половичок у двери, и им под-

Карточки тогда нам показывали всего лишь действующие нормы в этом месяце.

Окна были закрыты и бумагой для светомаскировки, и одеялом, и портьерами.

тыкали под ней щелку. Окна были закрыты и бумагой для светомаскировки, и одеялом, и портьерами. Для сохранения тепла практически все время окно комнаты было закрыто, для света горела коптилка (для чтения на некоторое время зажигали свечку). Днем на короткое время впускали в комнату дневной свет. Мы стали много спать. Даже дома стали одеваться во много одежек, а на ноги надевали и теплые носки, и валенки. В дни особо сильных морозов ложились под одеяла, не сняв с ног валенки. Делать обтирания в эти дни — это было мучение, но мама убеждала меня, что уступка в режиме дня — это предательство, сдача позиций фашистам. Кроме того, обтирания были крайне важны нам еще и потому, что с ноября 1941 года мы ни разу не мылись в бане, так как в городе с тех пор не работали водопровод и канализация, не стало электричества, были трудности с дровами.

Заснеженный город... Во время тревоги по радио звучали резкие, громкие, довольно частые звуки метронома. Когда не было тревоги или радиопередач, то ощущение жизни шло от медленных звуков — капелек метронома. Они успокаивали... Мы с мамой перестали реагировать на сигналы тревоги, никуда не уходили из комнаты, а, прервав свой распорядок дня, залезали под слой одеял и пальто на кровати и ждали окончания тревоги. Почему-то мы были уверены, что несколько слоев одеял спасут нас от бомбы или осколков.

В нашей квартире уже умерло несколько человек. Долго и надрывно кричал «Есть хочу!!!» перед смертью старик Иоганн Розенблат, которого я помнил как очень высокого, сильного старика, ему было больше семидесяти пяти лет. Он ко мне всегда очень хорошо относился, а в зимние школьные каникулы 1940 года даже отвез в Саблино к своим родным на целую неделю. В блокаду он остался один, сын его Эдуард был далеко от нас, на другом фронте.

Очень тяжело уходил из жизни наш сосед Владимир Иванович Архипов, хозяин сеттера Тукки (моей любимой собаки, с которой на даче в деревне Столбово я так много играл). Он долго кричал... Мама тогда пожалела меня и ничего не сказала о причине его крика. Позднее я узнал, что кричал он от ужаса, что из-за голода съел своего сеттера. Теперь в квартире, в большой коммунальной квартире, живыми остались только мама и я. В то время я боялся ходить по длинному темному коридору. Квартира стала пустой...

Из-за всеобщей слабости жильцов дома управхоз Кособрюхова Татьяна Ивановна стала просить всех не закрывать входные квар-

Поэтому мы для туалета использовали ведро с крышкой...

тирные двери на замки или крюки, чтобы к нам могли прийти на помощь врачи. Она очень просила не пользоваться замерзшим туалетом, а живущих на первом и втором этажах жильцов держать все время водопроводные краны открытыми, чтобы не заморозить трубы в доме. Поэтому мы для туалета использовали ведро с крышкой, а на общей кухне до середины февраля тихонько лилась в раковину тончайшая струйка — ниточка воды. Эта струйка воды очень экономила наши силы. Мы ставили бидончик под струйку, и он медленно, примерно за полчаса, наполнялся водой, и тогда можно было не идти за водой на Неву.

Тяжело для нас шла зима. Морозы стояли очень крепкие. В аптеках появились в продаже химические грелки. В клеенчатый пакет с химическим составом для получения тепла нужно было налить стакан воды, после чего пакет довольно сильно разогревался. Тепло грелка выделяла несколько часов. Обычно горячий пакет-грелку убирали за пазуху или держали для согревания рук — в муфте. Я очень много и часто пользовался такой грелкой, она меня очень выручала, особенно при стоянии в очередях. Многие одежки, надетые на похудевшее тело, только создавали иллюзию защиты от холода, особенно на ветру. Холод пробирался внутрь постепенно, во время стояния в очереди за хлебом или продуктами, охватывал тебя целиком, ты начинал цепенеть. В этой ситуации уже не могли помочь даже химические грелки. Бороться с этим состоянием было возможно только одним способом — уйти на некоторое время из очереди домой попить горячей воды и погреться немножко у буржуйки. Будь благословенны справедливые очереди того времени! Никто не ворчал, не доказывал, что тебя здесь не было, все молча и сочувственно смотрели на того, кто не выдерживал и уходил домой погреться. Очередью часто начинался и заканчивался день.

Тяжело для нас шла зима.

Были трудности с хлебушком. В Ленинграде в то время работало, как много позже рассказывала моя мама, только три хлебозавода. Это был хлебозавод № 6 имени Бадаева, он пек черный хлеб, обслуживал блокадное население, госпитали, военных. Был еще хлебозавод № 22, где-то на Васильевском острове, он тоже выпекал черный хлеб. И был еще хлебозавод № 16, который обслуживал госпитали так называемым в ту пору «белым хлебом», который делали по спецзаказу для привезенных с фронта тяжелораненых и раненых в брюшную полость.

Я могу ошибаться в датах, у меня нет возможности их выверить, но мне помнится, что морозной зимой 1942 года, в конце января, были три дня, когда я, отстояв очередь, не смог получить ни грамма хлеба (крупу, сахар и сушеный лук мне выдали!). На следующее утро, после долгого стояния в молчаливой очереди, я получил по хлебным карточкам для меня и мамы черствые, вымороженные темные пряники, по две штуки на хлебный талон. Так было три дня...

Да, в это время ходили слухи, что хлеб перестали печь, что, дескать, нет муки, что скоро наступит полный голод. Это у многих вызывало шоковое состояние, но, к счастью, не панику. Я уже рассказывал, что во время блокады жил в доме на углу Калашниковской набережной (ныне Синопская) и проспекта Бакунина. Это по теперешним меркам очень близко от Бадаевского хлебозавода, который, при удачном для нас направлении ветра, тревожил нас одурманивающими запахами печеного хлеба. И вот уже некоторое время этого запаха не было.

Я никогда не любил слухи. И вот, чтобы проверить правоту разговоров о хлебозаводе, несмотря на слабость, решил сходить и посмотреть на происходящее своими глазами. Для меня это был далекий поход. Надо было по узкой тропинке в сугробах пройти по набережной дома № 30, 28, 26, 24 и, наконец, дом 22. То, что тогда увидел, буду помнить всю оставшуюся жизнь...

Ворота хлебозавода со стороны Калашниковской набережной, которые раньше всегда были закрыты и открывались только для проезда паровоза с вагонами, сейчас были открыты настежь. На улице, на морозе стояла длинная неровная шеренга девушек и женщин из МПВО. Эта шеренга начиналась у здания хлебозавода, проходила поперек всей набережной и оканчивалась у большой проруби на Неве. В руках у всех были ведра, которые женщины передавали друг другу, медленно и равномерно: пустые — к проруби, с водой — на хлебозавод. На многих лицах я увидел и усталость, и слезы.

Я было хотел помочь им, но меня отогнали, прокричав, что я маленький. Но объяснили, что на выпечку хлеба нет воды, поэтому такая у них работа. И там же, от солдата из охраны хлебозавода, я впервые узнал, что хлебозавод № 6 — особенный, автоматический. Солдат спросил меня, видел ли я, как пекут хлеб. Я важно ответил, что да: я видел, как в деревне доставали на лопате из русской печи круглые хлебы. В памяти в этот момент всплыли образы дачного деревенского обеда из мирного времени: вот тетя Ириша режет свежеиспеченный в русской печке хлеб, вот она протягивает кусок мне. Солдат мне тогда рассказал, что здесь все делают не так, что хлеб пекут в формах и затем охлаждают на длинных цепных конвейерах, и только потом его достают из форм и отправляют по магазинам. Что вот сейчас наберут воды, замесят тесто, выпекут хлеб — и все будет в порядке.

Я пошел домой замерзший, но успокоенный и внутренне уверенный, что все будет сделано, как надо. Да, я ушел домой, а взрослые люди из МПВО все еще передавали и передавали ведра с водой из рук в руки...

Мама, иногда одна, иногда вместе со мной, но практически ежедневно ходила на Овсянниковский или Конный рынок, унося из дома очередной предмет, в надежде обменять его на что-то съедобное. И вот здесь я хочу рассказать о потрясшем меня в конце января 1942 года случае на Овсянниковском рынке. Это произошло примерно в те же дни, когда по карточкам не выдавали хлеб. Стоял сильный мороз. На рынок мы пошли с мамой вместе. На обмен понесли столовые льняные салфетки и скатерть — комплект, который одной маме было не донести. Стояли долго, но у нас ничего не взяли. В разгар торговли-обмена я увидел, что на рынке появился мужчина в очень добротной теплой одежде, в меховом полушубке, в теплых бурках на ногах. В руках у него была целая буханка (!) мягкого черного хлеба, явно не фабричной выработки. В глазах у меня до сих пор стоит картина: мороз, на небе яркое солнце, мужчина с красным от мороза лицом, в его руках буханка хлеба, стоимостью... 3000 рублей! Чтобы понять, какую цену он запросил за хлеб, я скажу, что моя мама, старший бухгалтер, в ту пору получала в месяц 400 рублей, а мое пособие за умершего папу было 236 рублей. Мама моя тихонько заплакала, мы ушли домой. Я об этом человеке ничего не знаю, но уверен до сих пор, что это был спекулянт и наш враг, который пришел на рынок поглумиться над голодающими людьми. Мне было досадно, что здесь же, по рынку, ходил постовой милиционер, такой же голодный и исхудавший, как и мы, и не арестовавший этого продавца, хотя бы для того, чтобы узнать, откуда он взял этот хлеб. До сих пор убежден, что в январе 1942 года такое богатство, как буханка хлеба, да еще при карточной системе распределения продуктов, честным путем получить было невозможно.

В середине января 1942 года несколько дней мы слышали сильный звук, гул, который издавала Нева. Мы были уверены, что это отзвук боев, которые проходили для прорыва блокады. И хотя прорыв блокады произошел позднее, в январе 1943 года, сам факт активных боев за город вызвал волну радости и надежды! Наш город боролся, жил!

В январе-феврале 1942 года в нашем рационе появился новый продукт — дуранда, которую мы выменивали на Конном рынке на вещи из дома. Ее мы видели на рынках уже несколько месяцев, но мама боялась использовать ее в пищу. Наконец настал момент, когда этот психологический барьер сломался. Как я теперь знаю — это прессованный жмых, который в мирное время добавляли в корм коровам и другим животным. Это были куски неопределенного цвета и формы. Грызть эти куски было невозможно, так как уже пошатывались зубы во рту, а вот сосать можно было долго-долго. На какое-то время возникало ощущение спокойствия, порой даже сытости. Замечу, что к весне я стал почти профессором по оценке дуранды. Я четко различал качество и разновидности: гороховая, подсолнечная, ячменная и другие. Самая вкусная — это была дуранда подсолнечная. В еде той поры она шла как пирожное...

Здесь позволю себе отступление от темы. Уже шел 1956 год, вповседневности я уже забыл о блокаде. Борисоглебская церковь напротив нашего дома с довоенных времен не работала: после войны ее приспособили под комбикормовый завод. Я в тот год уже был офицером в звании — лейтенант, был женат и по-прежнему жил на Калашниковской набережной. Возвращаясь домой после дежурства в патруле, у своей парадной увидел стоящую грузовую машину, груженную до верху подсолнечной дурандой и закрытую брезентом. Мной овладела память о ее очаровательном вкусе, я обрадовался и, не выдержав, оглянулся, подпрыгнул, отломил кусочек дуранды и вошел в парадную. Я ждал вкусового праздника! Очень нетерпеливо положил кусочек в рот... Меня ждало жестокое разочарование! Вкус был не тот, и радости в моей душе не возникло. Я был огорчен, как изменилось вкусовое восприятие того, что мы с восторгом ели в блокаду...

На вещи, вынесенные на рынок в разные дни, в разное время, нам удавалось выменять или немножко хлеба, или муки, или дуранды. Удачей для меня и мамы был случай, когда в середине февраля на золотые исправные часы фирмы «Мозер» мы получили в обмен пять килограммов мякины!!! С каким торжеством и радостью на лицах мы несли это богатство домой. Как вкусны были лепешки, испеченные на буржуйке. Нарушив все запреты и здравый смысл, мы в первый день съели много лепешек, но были скоро наказаны — организм не смог принять все съеденное. Мы образумились и впредь такие лепешки ели разумно и экономно, не более двух штук за день.

На фото: будущий офицер

У мамы возникла потребность в молитве, но в атеистическое время слова многих молитв забылись, вспомнить мама смогла только две или три. Из темной холодной комнаты она принесла два сохранившихся в доме образа — Иисуса Христа и Николая Чудотворца. Молилась она истово, молитвы были только две — о победе над супостатами (фашистами) и о нашем здравии. Эти молитвы успокаивали душу, поддерживали уверенность, что трудности пройдут. Да, мы ослабли физически, но не морально, не духовно.

Февраль и март были для меня и мамы еще труднее января. Чувство голода обострялось. Мы слабели. Поддерживали себя только чтением книг, соблюдением установленного порядка жизни, жесточайшим соблюдением санитарных правил. Наступил момент, когда для выполнения любого дела требовалось сосредоточиться, а во время исполнения — не забыть, что ты делаешь. Здесь нам с мамой повезло. С обходом по квартирам прошла группа медицинских работников. Поняв наши трудности, врачи мне и маме прописали принимать глицерофосфат кальция. Название этого лекарства помню до сих пор. Оно было очень вкусным! Крупинка лекарства создавала во рту очень приятный сладковатый привкус.

И надо сказать — глицерофосфат кальция нам помог. Мы стали действовать чуть активнее, быстрее. Правда, для покупки лекарства мне пришлось совершить долгий поход в аптеку на углу Полтавской улицы и Невского проспекта. Это была старинная аптека с полированными шкафами со стеклянными дверцами, за которыми стояли таинственные фарфоровые и стеклянные банки с латинскими надписями. Даже во время голода, при свете коптилок

Стояли долго, но у нас ничего не взяли.

она была красива и торжественна. Помню, что в то время середина проспекта Бакунина и часть Калашниковской набережной в сторону Охтинского моста была расчищена, а вернее, укатана танками, гусеничными трактарами, так как по этому пути ночью проходила военная техника на фронт. Поэтому в тот поход я не очень устал.

Февральской ночью была долгая тревога. Под утро, совсем рядом с нашим домом, бомба попала в дом 29 по проспекту Бакунина (это был жилой дом, в котором находилась детская консультация). Бомба разрушила среднюю часть дома. Начался сильный пожар, продолжавшийся несколько часов. Я этот пожар наблюдал уже утром, пока стоял в очереди за продуктами. В этот день был сильный мороз. При мне приехали пожарные, вскрыли слой снега, открыли люк пожарного гидранта, развернули и подключили шланги, но напор воды был очень мал, вода в шлангах замерзла, один из шлангов на моих глазах лопнул. Пожарные работали баграми, но вынуждены были прекратить работу — часть дома на глазах у всех стала оседать.

11 февраля была прибавка хлеба. Детям и иждивенцам стали давать по 300 граммов хлеба. Была ли прибавка нормы продуктов, не помню. А вот сушеный лук, который ввели в наше питание той зимой, — помню. Мы очень радовались прибавке хлеба, но организм, ослабленный голодом, капризничал и продолжал худеть. У нас стали проявляться признаки дистрофии.

В середине февраля мою маму обидели и обманули! Я в тот день остался дома колоть поленья на маленькие полешечки для буржуйки, а мама пошла на рынок, менять очередную вещь на что-нибудь съедобное. Обмен удался, и она, довольная, принесла домой бутылку подсолнечного масла. Мы с блаженством понюхали забытый запах подсолнечного масла, затопили буржуйку, поджарили несколько лепешек (а не спекли!) и, запивая чаем, съели их. Через некоторое время у нас обоих поднялась сильная боль в желудке, мы тогда очень мучились, не понимая причины.

Когда на следующий день боль прошла, мама с подозрением стала осматривать бутылку масла, нюхать ее и потом с недоумением и огорчением поняла, что в бутылке — обыкновенная олифа, а поверх нее сверху налита малая доля настоящего масла, запах которого и ввел ее в заблуждение. Была не обида за потерянную вещь, а возмущение мерзавцем, который в блокаду сотворил этакое! Подлость до этого случая в нашей жизни не встречалась.

Название это мерзавца помню до сих пор. Оно было очень

В конце февраля или в начале марта по квартирам нашего дома прошла управдом. Она была и у нас, осмотрела и записала, сколько умерших лежит по комнатам в квартире. Через некоторое время во двор дома въехали автомашины-полуторки, солдаты вынесли из квартир всех умерших от голода, погрузили на машину и увезли. Гробов не было — просто погрузили и увезли. Мама на время этих действий приказала мне из комнаты никуда не выходить. Она хотела меня защитить от этой тяжелой картины. Как мы теперь знаем, всех их похоронили в братских могилах на Большеохтинском кладбище. По квартирам после этого прошла еще одна группа людей в форме, которые осмотрели, переписали и опечатали все пустые комнаты. В нашей квартире маме поручили смотреть за сохранностью этих печатей на дверях комнат. Разрешалось вскрывать двери только тем жильцам, которые приедут с фронта на несколько дней или если кто-то вернется из эвакуации. В квартире стало очень, очень пусто...

В начале марта пришла открытка от тети Люси. Она тоже была в блокадном городе, но не дома, а жила на казарменном положении в больнице завода № 7, где работала главным бухгалтером. Просила сообщить ей — живы ли мы, как обстоят наши дела. Сообщала, что ни силенок, ни времени навестить нас у нее нет, так как дорога до нашего дома из района железнодорожной станции Бабурин пост, где находилась больница, для нее была очень длинна и трудна. Сообщила свой почтовый адрес, просила ей ответить. В те годы почтовые ящики висели на входных дверях коммунальных квартир. Почтальон, поднимаясь по этажам, раскладывал почту по этим ящикам. И вот здесь надо сказать слова благодарности и уважения работникам почты! Они голодали, как все, но честно и педантично выполняли свою нелегкую работу. Благодаря им переписка между людьми в блокаду не прекращалась ни на день.

Март для меня и мамы оказался еще труднее. Кончались вещи, пригодные для обмена, наступал момент отчаяния. Мама судорожно пыталась найти хоть какой-нибудь выход. Голод уже сделал нас дистрофиками, мне уже стало больно сидеть на стуле, если на нем не было подушки. Но мы свято верили, что какое-нибудь чудо спасет нас. Мы молились...

И это чудо произошло! В середине марта судьба послала меня выкупать по карточкам хлеб не в магазин в нашем доме, а в булочную в

Подлость до этого случая в нашей жизни не встречалась.

доме 26 на набережной. И там случилось это чудо!!! В нашей жизни появилась надежда, что у мамы появится работа, что мы будем живы... Как это было? Но это уже другая, особая, очень личная история.

Санкт-Петербург, 1942—2009 годы

3. Спасительная идея

Март 1942 года

День за днем продолжалась блокада... Да, мы худели, теряли свои силы, но надеялись на хорошее, свято верили, что блокада будет прорвана, все ее ужасы уйдут в небытие.

Вовсю работала Дорога жизни. Повторюсь, в феврале был увеличен хлебный паек. Но на нас наступала дистрофия! Организм эту прибавку практически не заметил: и я, и мама продолжали худеть. В минуты слабости мама очень переживала, что кожа на лицах у нас стала серой. Слабость не уходила, хотя мы ели больше. Двигаться стало очень трудно.

В начале марта наступил момент, когда в квартире уже никого из соседей не осталось: одни эвакуировались через Ладожское озеро, другие умерли от голода. У нас с мамой практически больше не было предметов для обмена на продукты на Овсянниковском рынке. Голод почти побеждал нас. Мы перестали реагировать на сигналы тревог, только тоскливо вслушивались в звуки метронома, теснее прижимались друг к другу, ожидая отбоя тревоги. Жили надеждой, что беда обойдет нас стороной, а если и погибнем — так вместе. Бесконечно благодарю маму за терпение и выносливость в борьбе с голодом, за уникальную самодисциплину, за борьбу за нашу жизнь! Она считала, что раз мы не можем воевать на фронте или работать на фронт, то мы своим духом, своей дисциплиной должны фашистам доказать, что ленинградцев голодом не сломить.

Восхищаюсь мамой, которая даже при невыносимом голоде, чтобы не потерять человеческий облик, продолжала требовать от нас жестко соблюдать распорядок дня. Несмотря на физическую слабость, после сна мы, как и раньше, обязательно меняли ночную одежду на дневную (я до сих пор помню холод, который при этой процедуре забирался под одежду). Затапливали буржуйку, в комнате быстро становилось тепло. На буржуйке в жестяных кружках по-прежнему готовили отвар из сухого порошка смеси петрушки и сельдерея. Пока кипяток закипал, мама организовывала утренний туалет: с помощью мокрой рукавицы из мохнатого полотенца мы оба протирали колени, локти, шею, грудь и лицо. Это экономило воду, но было очень холодно. Стелили постель, затем съедали кусочек соленого хлеба (пятую часть дневной нормы), запивая его отваром трав. Изредка это мог быть сладкий чай или чай «с таком». Кто забыл, напоминаю: это когда пьют горячий чай, а вместо кусочка сахара с каждым глотком чая приговаривают: «Так».

Затем мы отправлялись по делам: мама шла за водой на Неву (к этому времени, к первым числам марта, тонюсенькая струйка воды из крана на кухне иссякла), решала санитарные вопросы, а я шел в булочную или продуктовый магазин стоять в очереди за хлебом и другими продуктами. Выполнив свои дела, вернувшись, дома мы опять пили отвар трав с кусочком хлеба. Затем ежедневно мама давала мне задание на чтение вслух. Книг в доме было много, поэтому все время я читал разные книги. Но читать мне их было болезненно тяжело, потому что во всех походя писалось об изобилии вкусной еды, которой в нашем доме давно не было. В мирное время все это проходило незамеченным, но в блокаду, в голод, книги Чехова и Гоголя читать вслух было просто невыносимо. Я обнаружил слова о еде даже в романе «Война и мир» Льва Толстого!

В комнате к вечеру темнело быстро. У нас кончились запасы керосина и свечей, осталась одна коптилка. Поэтому мы рано ложились в постели, экономили свои силы и только слушали репродуктор в ожидании новостей с фронта.

Как я уже писал, в очередное утро в марте 1942 года я пошел за хлебом почему-то не в магазин в нашем доме, а в булочную на Калашниковской набережной. В очереди за хлебом я услышал разговор взрослых о том, что по блату можно устроиться на работу на хлебозавод № 6 имени Бадаева. Говорили о том, что все, кто там работают, живы и сыты. Мне пришла в голову мысль (это в десять-то лет!) попробовать устроить маму на работу на этот хлебозавод. Не помню уже, под каким предлогом, но мне удалось встретиться с женщиной, которая была директором булочной, и попросить о помощи в устройстве мамы на хлебозавод в обмен на шелковый японский халат, украшенный цветами и настолько тонкий, что он свободно проходил через обручальное кольцо. Дело в том, что на этот момент в доме оставалось только несколько вещей, подаренных маме моим отчимом перед войной. Но это были вещи, которые, по нашему мнению, были настолько красивы и дороги (и как предметы, и как память о счастливом времени до войны),

что выносить их на рынок для обмена было и обидно, и невыгодно, и отчаянно противно. Мы очень не хотели, чтобы эти вещи оказались в руках маклаков или спекулянтов. Но в нашей с мамой жизни наступил критический момент, когда она уже еле могла передвигаться, а я очень сильно ослабел, все время хотел спать.

Не знаю, в чем дело — был ли у меня очень убедительный голос, или она просто пожалела меня и маму, — но она меня выслушала. «Деловой разговор» с директором для меня окончился тем, что она сказала, чтобы я пригласил маму для беседы. Мама в этот же день сходила к ней, и директор булочной приняла участие в наших бедах. Она объяснила маме, что устроить на работу на хлебозавод не в силах, а вот провести маму через проходную на хлебозавод — постарается. И вот на следующий день, очень рано (около четырех часов утра), мама подошла к булочной и вместе с женщиной-экспедитором повезла двухколесную тележку для хлеба на Херсонскую улицу к проходной хлебозавода.

Тогда было много истощенных женщин, поэтому охрана хлебозавода даже внимания не обратила, что за перекладину у тележки держится не одна женщина, а две. Так моя мама оказалась на территории хлебозавода. Экспедитор ушла в контору оформлять документы на получение хлеба для булочной и на вывоз его с территории хлебозавода, перед этим сказав маме, что больше она для нее сделать ничего не может. На прощание сказала маме: «Павловна, иди в отдел кадров и да пусть будет с тобой удача». И ушла...

Мама в растерянности некоторое время ходила по хлебозаводу, шалея от плывущего запаха горячего хлеба. Каков бы ни был состав блокадного хлеба в марте 1942 года, но запах горячего хлеба был неотразим, очарователен! Уходя из дома в этот день, уверенная, что на хлебозаводе сможет поесть хлеба вдоволь, мама разрешила мне съесть ее порцию хлеба (чего я, к счастью, не сделал). Я ждал маму все утро, ждал целый день. Она пришла домой (точнее, ее привели женщины) только на следующее утро...

История, которая произошла с ней, изменила всю нашу жизнь. На территории хлебозавода она нашла здание заводоуправления, но оказалось, что в условиях военного времени обычным порядком через отдел кадров на работу устроиться нельзя, так как хлебозавод — военный объект, а те, кто работают там во время блокады, находятся на казарменном положении. Поговорила мама об устройстве на работу и в бухгалтерии, и в отделе кадров, но получила только совет: «попасть на прием к самому коммерческому директору Подвальному Ионе Юльевичу», потому что решить ее вопрос может только он.

У нас кончились запасы керосина и свечей, осталась одна коптилка.

Так моя мама оказалась на территории хлебозавода.

Мама нашла кабинет коммерческого директора, но в нем никого не было. В коридоре, рядом с кабинетом, стояла скамейка, на которую мама и села. Ситуация — отчаянная, так как маме и не выйти без пропуска, и мала вероятность, что ей еще раз удастся попасть на территорию хлебозавода. Время — шесть часов утра.

От запаха горячего хлеба, от голода, от свалившихся переживаний мама уснула... Коммерческий директор после какого-то совещания у начальства пришел в свой кабинет только в десять часов вечера!!! Мама была в полуобморочном состоянии. Поняв, что она ждет именно его, товарища Подвального, и что ждет его с раннего утра и целый день ничего не ела, он чисто по-человечески, до разговоров о работе, достал из письменного стола кусочек бракованного хлеба, дал его маме, а сам вышел на несколько минут из кабинета за кипятком. Вернувшись через минуту в кабинет, он увидел, что мама от голода уже съела — проглотила! — весь кусок хлеба. Зная, что происходит с оголодавшими людьми, особенно в стадии дистрофии, он вызвал врача, маму отвели в медпункт, где ей сделали промывание желудка. Несмотря на полное отчаяние моей мамы, врач убедил ее, что без этой процедуры она бы погибла, а ее сын остался бы сиротой. На наше с мамой счастье, уровень дистрофии у мамы был таков, что точка необратимости еще не наступила. В медпункте маме после процедуры и отдыха дали кружку кипятка с глюкозой, маленький кусочек хлеба. После чего ее привели в кабинет коммерческого директора, где уже и произошел разговор о приеме на работу.

Оказалось, что мамин диплом бухгалтера, выданный Центральным статуправлением, и опыт практической работы старшим бухгалтером имеют серьезное значение, что ее возьмут на работу, но ей надо будет перейти на казарменное положение. Кроме того, оказалось необходимым заполнить анкету. Мама вынуждена была показать свой паспорт, объяснить, что она жена врага народа (статья 58-6 УК СССР)...

Прошло с той поры очень много времени, мы теперь очень многое знаем о судьбах жен репрессированных. И я бесконечно благодарен Ионе Юльевичу за то, что он решился взять маму на ра-

боту. Меня до сих пор потрясает гражданское мужество, которое он проявил в далеком марте 1942 года, не побоявшись оформить мою маму через отдел кадров на работу на должность учетчицы, поручившись за нее...

И вот настало утро. Маме, ослабевшей, но счастливой, люди помогли добраться домой. Воодушевленная надеждой устроиться на работу, на право получать карточку служащего (а это прибавка и хлеба, и продуктов), что мы сможем просто выжить этой весной, мама неожиданно стала энергичной...

Мы вместе на следующий день очень рано утром отправились на мамину прежнюю работу — в организацию Главленхлопром — для оформления документов об увольнении. Эта организация в условиях блокады практически не функционировала, так как многие прядильно-ниточные и ткацкие заводы, которыми там ранее управляли, не работали (во-первых, часть из них пострадала от бомбежек и пожаров, во-вторых, не было электричества, поэтому станки простаивали). Это привело к тому, что сотрудники Главленхлопрома стали получать продовольственные карточки иждивенцев, а не служащих.

Наша дорога была очень трудна: требовалось пешком пройти всю улицу Бакунина, затем по всему Невскому проспекту дойти до дома 12, подняться на четвертый этаж, оформить все документы, а затем вернуться тем же путем домой. Часть пути мама везла меня на санках (!), а часть пути я медленно шел рядом с ней. Это сейчас, просто гуляя, люди, не замечая расстояния, проходят этот путь. А в заснеженном Ленинграде в марте 1942 года для ослабленных голодом людей это была очень трудная дорога.

Сотрудники отдела кадров были на месте, так как они находились на казарменном положении. Документы оформили сравнительно быстро, и 17 марта маму уволили по собственному желанию. Нас напоили горячим кипятком, а дольки хлеба у нас были с собой. Еще засветло мы отправились домой. То, что я видел на улицах города в этот поход, я буду помнить всегда, но описывать не хочу, это другая история. В тот памятный день мы медленно, но не сдаваясь, совершили такой далекий поход.

У мамы на руках оказался необходимый комплект документов. Утром следующего дня она пошла устраиваться на работу на хлебозавод. На проходной для мамы был оставлен пропуск. Она прошла в отдел кадров и сдала на оформление трудовую книжку. С 19 мар-

Вернувшись через минуту в кабинет, он увидел, что мама ой голода уже съела...

та 1942 года мама приступила к работе учетчицей в столе заказов хлебозавода и перешла на казарменное положение. С этого дня ей разрешали приходить домой только на один час в день. Я стал жить самостоятельно, старался выполнять все, что мы делали с мамой, но одиночество...

В первых числах апреля мне мама сказала, что я очень повзрослел.

Санкт-Петербург, 1942—2009 годы

4. Блокадная весна

Апрель, май, июнь 1942 года

Вот и пришла весна, блокадная весна 1942 года. У нас в семье произошла прибавка продуктов, так как мама с последней декады марта начала получать карточки служащей. Но она находилась на казарменном положении на 6-м хлебозаводе, а я стал жить самостоятельно.

И остался я один в семикомнатной квартире. До войны в нашей коммунальной квартире было много народа. Звучали чьи-то голоса. Лаяла изредка собака. Из комнат доносился смех. По широкому и большому коридору я и несколько ребятишек разного возраста разъезжали на трехколесном велосипеде, который подарили мальчишке Осе. Мы все были разного возраста, примерно от четырех лет и до учеников второго класса, но сколько общей искренней радости и визга было!!!

Война, блокада. Всех жильцов квартиры жизнь разметала... Кто-то ушел на фронт, кто-то эвакуировался, кто-то ушел в мир иной. Вижу маму не больше одного часа в день. Мне стало страшно ходить по квартире. Холодный темный коридор, холодная кухня, промерзшие стены. Я убеждал себя, что никого кругом нет, но какие-то звуки, ощущение, что кто-то стоит за спиной, черная пустота коридора пугали меня. Стал включать радио на самую большую громкость. При ходьбе по кухне, коридору начал очень громко разговаривать сам с собою, иногда пел, но... я боялся своего дома. Входную квартирную дверь стал закрывать на крюк, в комнате — закрываться на ключ. При топке буржуйки, при варке пищи обязательно или пел, или говорил. Теперь стояние в очереди, среди людей, стало приятным и необходимым, тем более что воздух в городе стал теплеть — зима и морозы отступали.

Документы оформили сравнительно быстро...

Всех жильцов квартиры жизнь разметала...

Стало проглядывать и пригревать солнышко. Бесконечные сугробы вдоль городских дорог выглядели ноздреватыми и не такими угрюмыми. Воздух из морозного и сухого начал превращаться в остренький, весенний, с очень вкусным запахом... Блокадная немая тишина уходила в прошлое. На улице стали слышны разные звуки, город стал оживать! Из промерзших, заваленных хаосом снега мрачных дворов на солнечную сторону улицы потянулись люди, выжившие в блокадном городе. Они садились на каменные или чугунные тумбы, стоящие перед подворотнями домов, и грелись на весеннем солнце (в те годы по всему городу подворотни домов и ворота для въезда во дворы защищались от повреждения транспортом тумбами, сделанными из гранита или чугуна).

Наш дом имел три небольших двора, в последнем из них в мирное время была помойка, которую закрывала массивная железная крышка с противовесом, конный двор и над конюшней — прачечная, в которой все жильцы дома вели стирку белья строго по очереди. За блокадную зиму этот хозяйственный двор завалили снегом, трупами жильцов, фекалиями, каким-то бытовым хламом. Вид у этой части двора был жутковатый. А остальная территория хоть и была завалена снегом, но имела жилой вид, к входным дверям подъездов были протоптаны тропинки.

Руководство города — и партийное, и военное, и хозяйственное — организовало все трудоспособное население для очистки города от снега. Специальные команды вывезли все трупы умерших от голода жильцов, прошлись напоследок по всем квартирам дома и сдали дворы управхозам. Буквально дней за десять город преобразился, улицы стали узнаваемыми. Эту работу сделали сами жители города, истощенные блокадой, слабые, но психологически не сломленные.

Мамина сестра тетя Люся была на казарменном положении в больнице завода № 7, но и ее мобилизовали на уборку снега и льда по месту прописки. У меня сохранился мобилизационный листок, выданный ей военным комиссариатом, с отметками о выполненной работе. Это были десять трудовых дней, когда она участвовала в очистке Загородного проспекта. Для нас, живущих в мирное время, трудно представить, как, находясь на казарменном положении в больнице завода № 7, что на Успенской улице, дом 4а, в Выборгском районе (недалеко от ж/д станции Бабурин

пост), тетя Люся выполняла свои обязанности уборщика снега на Загородном проспекте, добираясь туда и обратно пешком.

Зато был итогом звенящий результат — начал курсировать трамвай, символ нашей мирной жизни! Люди, поверьте: это была неописуемая радость! Все встречали звон трамвая на улицах города как праздник, многие плакали, не веря тому, что кошмарная зима ушла. Город стал оживать. Знакомые и друзья, не уехавшие в эвакуацию, стали ходить друг к другу в гости, правда, на застолье того времени хозяин или хозяйка могли гостям предложить только кипяток. А к кипятку каждый гость приносил свое угощение. Но ей-ей, это общению не препятствовало. Тогда ходила шутка: «Был в гостях, вдоволь напился чаю с таком». Словом, порядок на улицах города вернул всех к нормальной, пусть и впроголодь, жизни.

Но были и беды. У очень многих людей вдруг неожиданно обострились разные болячки. Я не медик и не знаю, какие органы бунтовали у мамы, но она неожиданно опухла. Было некоторое подобие водянки. Ноги (увы, и не только они) стали такой толщины, что она не могла подобрать обувь и одежду, а на работе могла сидеть только положив ноги на другой стул. К большому сожалению, пока эта беда не охватила большинство горожан, можно было услышать слова, брошенные в спину: «Ишь, блокада, а она морду разъела».

Поскольку болеть и опухать стали многие, а время было военное, то больничный лист по этому состоянию не оформляли. Лечение в тот год было простым: прописывали только хлористый кальций, хвойный настой, какие-то отвары трав, изредка — стрептоцид (красный или белый), уротропин. Но да будет благословенно имя нашего участкового доктора Голобородько из 9-й поликлиники Смольнинского района, ей удалось мою маму поставить на ноги! А это оказалось очень ко времени.

Руководство города для улучшения питания жителей города приняло решение организовать в Ленинграде огороды. Это для города был потрясающий шаг. Было разрешено вскапывать землю под грядки во всех районах (даже на Исаакиевской площади!), но для обеспечения проезда транспорта процесс выделения земли был не хаотичным, а регулируемым. Мы с мамой на двоих в начале мая получили участок земли на Херсонском проезде: он проходил вдоль забора хлебозавода № 6 от дома 22 по

Из промерзших, заваленных хаосом снега мрачных дворов на солнечную сторону улицы потянулись люди, выжившие в блокадном городе.

Калашниковской набережной до Херсонской улицы. Это было совсем близко к маминой работе. Размер участка не помню. Может быть и преждевременно, но мы очень надеялись на будущий урожай. И начались будни.

Оказалось, что нам дали участок в том месте, где раньше, до революции, находились конюшни богатых людей Полежаевых. Как рачительные хозяева, они замостили двор конюшни булыжником. И вот теперь мы вдвоем, ослабленные голодом люди, старались добраться до земли. Нашли какой-то стержень из железа, стали им выковыривать булыжники. Долго ли, коротко ли, но с этой задачей мы справились. Получился неплохой кусок плодородной земли, пригодной и для овощей, и для картошки. Было сделано несколько высоких грядок. Вокруг участка получилась и у нас, и у соседей имитация ограды — валы из булыжника. Как я, дистрофик, да и мама была не намного лучше, хотя она и работала на хлебозаводе, смогли выворачивать из земли и перетаскивать тяжелые камни на границу участка, это я не могу понять до сих пор. Наверное, это была неуемная жажда жизни.

У себя на работе мама доложила о готовности нашего участка к посадке. И вот на заседании месткома нам выдали глазки картошки, семена разных овощей. Не продали, а именно выдали семена, по числу людей в семье. Мама на работе, на подоконнике в диспетчерской вырастила рассаду разных овощей и капусты, затем всю рассаду высадила на огороде, а мне было поручено поливать огород. Как все мальчишки, я был почти разведчиком и скоро нашел у забора хлебозавода вывод водопроводной трубы с краном, из которого до войны поливали улицу. Оказалось, что из трубы идет чистая вода, пригодная для поливки огорода. Радости было!!! Меня благодарили все огородники — наши соседи. Кто-то из взрослых нашел шланг, и с этого момента проблемы поливки не существовало.

Неожиданно на какое-то время забота об огороде легла на плечи мамы... Дело в том, что город возвращался к нормальной жизни основательно. Где-то в конце апреля или первых числах мая домой ко мне прибежала Маша Киселева, девочка из соседнего третьего класса нашей школы, с простым и неожиданным вопросом: «Симонов! Ты будешь ходить в школу?»

Моя школа перестала работать в середине сентября 1941 года. Тогда нас распустили по домам, дали задание для самоподготов-

Знакомые и друзья, не эвакуировавшиеся в эвакуацию, стали ходить друг к другу в гости

ки. Всю зиму, несмотря на голод, воздушные тревоги и прочие неприятности, я под руководством мамы учился: немало читал вслух, писал прописи. За зиму прочитал многие рассказы Чехова, Гоголя, Толстого, Тургенева, популярные книжки Перельмана по физике, астрономии, другим наукам и, честно сказать, успел забыть о школе. Очень любил тургеневские «Записки охотника», они напоминали мне мое беззаботное дачное детство в деревне. Но неожиданный вопрос Маши всколыхнул забытое, и я закричал: «Да!!!»

Возвращалась привычная жизнь. Скоро нас собрали в 160-й школе, мы разошлись по своим старым классам и увидели, как же нас осталось мало: из класса примерно в двадцать пять — тридцать человек на первую встречу в школе пришло всего десять — двенадцать человек. В других классах была похожая картина. Кто-то ушел из жизни, кто-то эвакуировался...

Но после звонка колокольчика нянечки Феликсы (она и до войны опекала младшие классы) вместо учителей в класс вошли доктора. Начали медосмотр. Нехороших насекомых не нашли ни у кого, но при осмотре многих ребят врачи только качали головой, не говоря ни слова. Результат — многим из нас, в том числе и мне, были выданы направления в пункт УДП — пункт усиленного детского питания, который в то время размещался в левом крыле здания школы № 177, что была на Исполкомской улице.

С собой в первый приход в УДП надо было иметь метрику, направление из школы и продуктовые карточки. Я благодарен судьбе, что попал туда. Первые дни мы очень быстро выдыхались, часто ложились спать вне всякого расписания. Кормили нас, мне помнится, четыре раза в день: завтрак, обед, полдник и ужин. Чем кормили — не помню, но это было сытнее, чем удавалось приготовить дома. А вот ночевать мы уходили домой. Первую неделю мы были очень вялыми (а я к тому же выдохся от выковыривания из земли камней на будущем огороде), много спали, опьянев от еды, или что-то рассказывали друг другу. Но к концу первой недели все стали оживать, меньше спать, пытались во что-то играть. Но это все были малоподвижные игры.

От этого времени в памяти сохранилось странное слово: целлюлоза (или глюкоза), которое было связано с нашим лечением. Это слово было связано с желтоватым шариком диаметром три-

Это для города был потрясающий шаг

четыре сантиметра, сладковатым на вкус. Проглотить его было невозможно, надо было довольно долго сосать. Шарик этот каждый день после завтрака нам выдавала медсестра и строго следила, чтобы мы его сосали, пока он не растает во рту. Помогал ли этот шарик, или режим и само усиленное питание, но мы стали крепнуть и становиться жизнерадостными шкодами. Это был тот редкий случай, когда женщины не ругали нас, а плакали, глядя на наши шалости.

И первым развлечением стали игры с «прожигательным» стеклом. Такие стекла — увеличительные линзы — нашлись дома практически у всех ребят. Выжигали, прожигали, поджигали все, что попадалось под руку! Когда от деревяшки или бумажки начинал идти дымок, было ощущение, что мы делаем что-то нужное, серьезное. Затем все, как по команде, стали строгать из найденных дощечек подобие лодочек, мастерить парусные кораблики, чтобы пускать их в лужах или на пруду, который мы нашли во дворе заброшенного детского сада напротив школы. Увидев, что мы немного окрепли, врачи распустили нашу группу по домам и набрали новую группу ослабевших в блокаду ребят.

С удовольствием вернулся домой, стал помогать маме на огороде в прополке. А вот поливку грядок взял целиком на себя. Интерес к этой работе возрос после просмотра довоенной нашей немой кинокомедии «Старый двор», в которой основные события связаны с поливкой улицы из шланга чудаком дворником и озорными мальчишками. Потом возня на огороде немного надоела, но энтузиазм резко возрос, когда стали собирать с грядок редиску и есть ее (сначала — тертую, зубы шатались, кусать было больно), салат и варить невероятные супы из молодой зелени. Пока наша картошечка росла — заменой ей в этих супах была сушеная картошка, которую выдавали по одному из номерных талонов на продуктовой карточке.

Я стал уверенно ходить, но бегать пока еще не мог, эту радость получил уже осенью, перед школой. Несмотря на то что шла война, по-прежнему были и артобстрелы, и бомбежки, я сейчас не помню страхов, связанных с ними. Наверно, это была и есть защитная реакция организма.

Начиналось жаркое лето 1942 года...

Санкт-Петербург, 1942—2009 годы

Скоро нас собрали в 160-й школе, но мы разошлись по своим старым классам и увидели, как же нас осталось мало...

5. Жаркое лето

Июнь, июль, август 1942 года

Вот и наступила теплынь, а на солнышке — даже жара. Но одеваться по-летнему не хотелось, у меня все время было внутреннее ощущение холода.

Улицы стали оживленнее. Но признаки блокадного голода оставались у всех на виду. В то время большинство улиц Ленинграда были вымощены булыжником, вымощены очень аккуратно, с наклоном к середине улицы. Поэтому даже в самый сильный дождь вода не заливала улицы. И вот между булыжниками, между плитами тротуара стала подниматься разная зеленая травушка. Но расти ей не давали. В те дни машины и другая техника ездили по улицам днем очень редко. Не обращая внимания на проходящих, группы людей пропалывали нашу улицу и набережную. Кто-то аккуратно собирал зелень в корзину или в мешочек, кто-то откровенно и нетерпеливо съедал траву прямо на улице. Нужда в витаминах, еде, этими сборщиками частично покрывалась молодой зеленью. Кому удавалось собрать достаточное количество травы — тот ее варил, раствор выпивал, а из оставшейся гущи делал лепешечки. И надо сказать, это многим очень помогло. Наши соседи из 45-й квартиры гурьбой ходили через Охтинский мост на Охту на сбор зелени. Там искали незамощенные участки земли, на них собирали все виды трав и приносили, по меркам того времени, очень много зелени.

Но возникла неожиданная житейская проблема. Булыжная мостовая без зачатков травы обнажила землю и песок между камнями. Ветер этим воспользовался, стал поднимать на улице тучи пыли... И потянулись прохожие в поликлинику № 9 к глазным врачам за помощью. Просьбы: «Выньте, пожалуйста, соринку!» — были очень популярны. Таких пострадавших пропускали к врачу или медсестре вне очереди. Вняв плачу прохожих, управдомы дали дворникам команду: «Поливать два раза в день тротуары и улицу!» — и пыль отступила. Заработал еще один обычай из мирной жизни.

Где-то в конце мая или в начале июня я вдруг осознал, что в городе нет ни животных, ни птиц! Да, да, даже воробьев не осталось. А про крупных птиц и речи не было. Пропали лошади, собаки, кошки. Из живых существ на улице удавалось встретить только нахальную крупную крысу типа пасюка, и то редко. А в квартирах нашего дома ни мышей, ни мелких крыс в то время не было совсем.

Все ручные тележки с грузами возили только люди, да днем из-

Пропалывать его было невозможно, надо было довольно долго сосать.

редка проезжали грузовые автомашины. От многих проезжающих автомашин оставался стойкий странноватый запах выхлопа, да и вид у этих, всем мальчишкам знакомых газиков был странный: за кабиной водителя были установлены с двух сторон черные большие цилиндры. Как только такая автомашина делала остановку на нашей улице, поглазеть на чудо техники шло много людей. Вскоре мы уже знали, что это газогенераторные установки, работающие на древесине. Их придумали ленинградские инженеры, чтобы экономить бензин, которого не хватало фронту. Смонтировали их на многие газики. Правда, немного меньше стал кузов, но теперь автомашины возили с собой запас деревянных чурбачков вместо бензина.

А вот ночью — ночью, в темноте, по нашей улице шло интенсивное движение, проезжало много тяжелогруженых машин, много разной военной техники, которая шла на фронт.

К всеобщей радости, на улицах города, как в мирное время, появились тележки (киоски), продающие хвойный напиток и газированную воду, правда, пока без сиропа. Несмотря на лето, у многих людей обострились проявления цинги. Врачи и руководство города быстро приняли меры, и вот на заборах и стенах домов появились плакаты с таким текстом: «Пейте витаминный хвойный напиток! В одном стакане содержится столько же витамина С, сколько в стакане томатного сока».

Большим тиражом была выпущена памятка о витаминах «Как обеспечить себя витамином С» (в моем архиве хранится экземпляр такой памятки от 1942 года). В ней описывался холодный и горячий способы приготовления хвойного напитка, а еще там убеждали жителей города, что в хвойных иглах содержится витамина С в пять раз больше, чем в лимонах.

А мы, мальчишки, быстро полюбили это вкус! Стакан напитка, как я помню, стоил 20 копеек. Как же мы выпрашивали деньги у мам на это угощение и развлечение!!! А когда доставали денежки, то способны были выпить до пяти стаканов напитка за один раз. И это пошло нам на пользу.

Настало время, когда у меня уже появились желание, силы и время для самостоятельных действий. В нашей квартире стало теплее. Я уже привык к одиночеству в квартире. Но все время, когда мама была на работе, стремился к людям. Стал выходить во двор к ребятам. Выяснилось, что практически у всех ребят заботы оказались одинаковыми: все стояли по очередям, все выкупали продукты по

карточкам, у всех мамы были на казарменном положении, все жили самостоятельно.

Во дворе, у нашего черного хода, с незапамятных времен лежало бревно, очень толстое и очень твердое, сверху почти отполированное. Даже в блокадную зиму с ним справиться не смогли. И вот мы, ребятишки, все примерно одного возраста (а было нас, включая девчонок, девять человек), облюбовали это бревнышко и в середине дня, когда солнышко освещало и прогревало наш двор, выползали из своих квартир, садились, как воробушки, тесно-тесно друг к другу и вели свою беседу. Разговоры о войне были всегда, но кроме этого, пересказывали прочитанные книжки или сказки, рассказывали «страшные истории» про нечистую силу, привидения. Были и песни — «Мурка», «Прогудели три гудочка...», «Синий платочек» и еще что-то жалостливое. Были и анекдоты, в основном про «Ваньте и Гляньте». Смеялись! Иногда начинали играть в классики, или в штандер (во дворе был один-единственный арапский мячик), но быстро выдыхались и опять садились на бревнышко.

В то время в книжных магазинах города стали продаваться листы бумаги с напечатанными цветными изображениями военных разных родов войск. Нужно было вырезать их из бумаги, склеить левое и правое изображения — получалась устойчивая на столе фигурка военного с винтовкой наперевес или матроса в бескозырке и так далее. Мама подарила мне несколько таких листов, я на почте выпросил немножко клея, а кисточка у меня была, и начал я клеить фигурки военных. Занятие понравилось, и вот первый взвод из двадцати солдат я вынес во двор и показал ребятам. И началось! Пошло выпрашивание денег у мам на покупку этих листов. Практически все ребята нашего двора увлеклись этим занятием, шло хвастовство — у кого солдат сделано больше. В то время нам почему-то казалось, что этими солдатиками мы помогаем военным. А потом придумали и игры с бумажными солдатами. Эти занятия продолжались до конца следующей зимы.

Но были и развлечения другого рода. В компании двух мальчишек — Бори Шамаева и Юры Андреева, вне забот о еде и покупке продуктов, я начал разъезжать по городу на трамвае, очень часто — от кольца до кольца. Так сказать, мы делали самостоятельные экскурсии на тему «Знай свой город». Довольно скоро мы уже представляли планировку города, стали легко ориентироваться и на Васильевском острове, и на Петроградской стороне, и на

Ржевке. Здесь замечу, что в ту пору карт Ленинграда не печатали, а если у кого-нибудь их находили, то было хорошо, если просто изымали. Но могли и арестовать. Считалось, что картами города могли интересоваться только шпионы и их приспешники. И еще: пока не стали возвращаться эвакуированные, ни на одной улице не было компаний, которая бы придиралась к прохожим мальчишкам со словами: «Ты не наш, ты почему ходишь по нашей улице?» За этим обычно следовала драка. Но это все будет потом, а пока мы спокойно изучали город.

Кроме того, днем, когда не было тревоги, мы лазили на крышу нашего дома, изучали остатки бомбы-зажигалки, которая лежала в ящике с песком. Вылезали на крышу, подавляя страх высоты, сидели на вышке дежурных МПВО. Если нас там засекали, то следовала взбучка. Но любопытство или любознательность гнали нас в самые неожиданные места. Мы практически до сентября, до начала занятий в школе ходили по городу, изучали плакаты на стенах, посвященные типам вооружения, карикатурам на фашистов. Исследовали разрушенные дома, и никто из нашей компании оттуда не взял ни камешка. Но впечатление от разрушенных, разбомбленных домов было очень сильным. Декоративные щиты с рисунками окон и дверей были не везде, в основном на центральных улицах. А вот в Дегтярном переулке, на Исполкомской улице, на Перекупном и других маленьких переулочках закрывать дома щитами было и некому, и некогда.

Исследовать-то мы разрушенные дома исследовали, но только теперь, задним числом, мне страшно: ведь нам даже в голову не приходило, что на нас сверху могли упасть кирпичи и другие свисающие тяжести. Кроме того, под руинами оставалось много неразорвавшихся бомб и снарядов. Воистину Господь нас оберегал, ведь последние неразорвавшиеся бомбы и снаряды извлекали в нашем районе из земли и стен домов уже в 1980-х годах, когда приступали к капитальному ремонту или строительству...

Наши мамы об этих подвигах не знали, к их приходу на короткое время домой мы, как паиньки, сидели дома, при книжках или при хозяйственных хлопотах. Молчали о своих делах!

А как теперь я понимаю, волноваться о нас причины были практически каждый день. Например, в одну из поездок на Ржевку мы наткнулись на некую щель в длинном заборе. Любопытно было: а что там за ней?! Не без внутреннего трепета пролезли в щель и ско-

Стакан напитка, как я помню, стоил 20 копеек

Считалось, что картами города могли интересоваться только шпионы и их приспешники

ро нашли штабеля ящиков со странными предметами, нам незнакомыми... Но скоро догадались, что это военные предметы: палочки, похожие на макароны, но в них было семь дырочек, а не одна; странные мешочки из белой ткани типа колбасок, с одного края прошитые, как шарик; провода в шикарной изоляции, но без проволоки внутри. Взяли всего понемногу, тихо-тихо удрали и поехали домой. У меня на кухне стали исследовать привезенное, и скоро поняли, что мы нашли порох разного вида. Был восторг! Досадным оставалось одно: мы не поняли, зачем провода без проволоки. А еще мы не знали, что можно из всего этого сделать. Поэтому все свое богатство спрятали до поры до времени в подвале. Все-таки в мальчишеской среде десять лет — это очень интересный возраст.

И тут в мою размеренную жизнь вновь вмешался «Его величество Случай»! Не помню и не знаю, на каком уровне принято было решение, но летом 1942 года, примерно в июле—августе, организовали пионерлагерь недалеко от железнодорожной станции Песочная. Я не помню, были ли ребята в нем от хлебозаводов города, или от Смольнинского района, или от всех районов города, но лагерь открылся, а я получил в него путевку. Маму отпустили домой на несколько часов, чтобы она собрала мне вещи в лагерь. А уже на следующий день, рано утром мы с мамой распрощались на станции Бабурин пост, и я сел в поезд.

Ребят было очень много. Вез состав паровоз «Овечка», вагоны были как в мирное время — дачные. Ехали очень долго, стояли на перегонах, на станциях, но к началу вечера приехали. Запомнил очень пыльную, мощенную булыжником дорогу, затем грунтовку. Мы шли со своими вещами. Шли трудно, далеко, быстро устали, передвигались еле-еле.

Все ребята были примерно одного возраста, возрастных отрядов было всего три варианта, а вот отрядов каждого возраста было несколько. Жили в одноэтажных домах, на крышах домов были нарисованы большие красные кресты. Мальчики и девочки жили отдельно. Было организовано серьезное дежурство, так как жили практически на самообслуживании. Мы сами убирали свои спальни, площадку перед нашим входом, дежурили на кухне, на раздаче еды, помогали в уборке столовой. В этих делах скидки на возраст не было.

Развлечений того времени не помню. Много спали, а в солнечные дни просто загорали. Вожатые нам вслух читали книги или новости из газет. Выходить за ограду лагеря запрещалось категорически.

Сколько длилась моя жизнь в лагере, не знаю, но запомнил, что в баню нас водили два раза — почти на фронт, в Дибуны. Баня — это была установленная в лесу военная палатка, довольно большая, мы мылись по десять человек, выдавали на мытье кусочек хозяйственного мыла и одну мочалку на смену в бане, вода была весьма прохладная, но никто не простудился. Командовали нами не вожатые, а солдаты. Вид у вымытых ребят был очень торжественный... И вообще, мы очень соскучились по мужскому общению.

Из жизни в лагере запомнил несколько моментов.

Первый — это мое участие в дежурстве на кухне. Дежурили отрядами. Мне в тот день досталось чистить картошку для супа. Мне показали, как экономно, тоненько чистить шкурку с клубенька, я старался. В тот день на второе было гороховое пюре. Я выполнил свою работу, и меня отпустили отдохнуть, сказали приходить на раздачу пюре и на чистку котла из-под пюре. Сказано — сделано.

Разноска по столам тарелок с едой прошла без приключений. Когда обед закончился и все ушли из столовой, я пошел на кухню. Учитывая блокаду, вся раздача еды контролировалась, порции были практически одинаковыми, из кастрюль и котлов все выскребалось при раздаче практически дочиста. Но на стенке котла оставалась прозрачная, тонюсенькая пленочка горохового пюре. Мне повариха дала для подготовки котла к мойке столовую ложку и глубокую тарелку. И я стал выскребать остатки пюре... Первые порции с ложки я жадно съел, так как в ту пору все время хотел есть. Потом сработало блокадное чувство локтя, я стал выкладывать на тарелку все, что удавалось соскрести со стенок бака. Сколько времени продолжалась эта работа, я не помню, но получилась полная с верхом тарелка рыхлой массы пюре. Гордо понес эту тарелку в нашу спальню, был счастлив, когда вместе с друзьями съел все-все содержимое тарелки. В другие дни, когда дежурили ребята из нашей спальни, вечернее поедание остатков пюре было таким же естественным. Это было чувство блокадной дружбы.

Второй эпизод — грустный. Как я уже писал, наш лагерь был в нескольких километрах от фронта. Нашими противниками на этом участке фронта были финны. Так вот, за все время нашей жизни в лагере со стороны финнов не было ни одного выстрела, ни одной вылазки, не было ни бомбежек, ни артобстрелов. Мы жили спокойно. Но в один из дней, перед самым концом жизни в лагере, во время игр на площадке перед домами, над нами стал кружить самолет, на

Исследовали разрушенные дома, и нашли из нашей команды один труп не взял ни камешка.

весьма небольшой высоте. Опознавательных знаков мы не видели. Вдруг из самолета посыпались, полетели яркие красивые игрушки. Они трепыхались в воздухе, кружили... Многие ребята за блокаду уже забыли о новых ярких игрушках, поэтому к падающим игрушкам кинулись многие. Вожатые, все взрослые стали нас прогонять в дома, нам кричали, чтобы мы не трогали этих игрушек, что это опасно... Приученные к таким сигналам в городе, мы послушались, с сожалением ушли в свои спальни. Но один мальчишечка лет девяти не послушался, поймал яркую бабочку, взял ее в руки и сложил ей крылышки — раздался взрыв, и он остался без обеих кистей рук...

Прошло с того времени 67 лет. Я до сих пор помню этот случай, я до сих пор не могу простить немцам этой подлости, изуверства по отношению к детям, защищенным знаками «Красного Креста». Я уверен, что финны знали, что у них под боком живет много ребятни, и их поведение достойно самого высокого уважения.

Мы вернулись в город окрепшими, загоревшими, и вот я в первый раз смог побежать навстречу маме... Мы ведь так давно не виделись!

С большим интересом сходил с мамой на наш огород. Ой, как это меня потрясло! Стояла высокая ботва свеклы, кучерявилась капуста, хорошо росла картошка, мама уже два раза без меня окучивала ее. Огурцы, укроп, морковь, брюква — все росло замечательно. Ох и радовался же я нашему огороду!

Поймал себя на том, что после пункта УДП и пионерлагеря я стал опять бояться артобстрелов и бомбежек. Мама мне сказала, что так и должно быть, что это не трусость, что я живой человек, и реакция на сигнал опасности — это естественно... Я это объяснение принял.

В начале августа нашел в заброшенном сарае рядом с бывшими складами деревянный бочонок, небольшой, думаю, литров на пятьдесят-шестьдесят. Большими трудами прикатил бочонок к дому и умудрился с чьей-то помощью поднять его на второй этаж. Мама была потрясена и обрадована. Вызвали дворника Сергея Ивановича, он помог выбить одно донье и сказал, что это — дубовый бочонок из-под разливного пива. Объяснил, как надо этот бочонок отмывать и пропаривать. Мама все сделала, и вот мы с мамой стали засаливать в нем огурцы.

Когда наступила поздняя осень, у нас с мамой было два с половиной мешка картошки и почти полный бочонок огурцов! Сама мама на работе купила большую бочку литров на сто пятьдесят, почти

Мама отпустили домой на несколько часов...

новую, мы ее установили в коридоре и в сентябре заполнили шинкованной капустой. Она хорошо сквасилась. В доме теперь были и морковь, и брюква, и свекла. Новой зимы мы уже не боялись, собирались встретить ее подготовленными. Пускай очень не хватало все время мяса, но чем заполнить животики — было.

Но опять напоминала о себе пустота в квартире. Никто домой не вернулся. И снова — мертвая тишина...

Уже приближался сентябрь. Желающих ребят пригласили в школу на освежение в памяти того, что мы когда-то учили. Так как мы теперь были в третьем классе, то в нашем новом кабинете были установлены школьные парты с откидными досками. Появилось озорство: при вставании как можно громче шлепнуть этими досками, поэтому в классе частенько стоял грохот. Учителя на нас за это сердились. В классе на стене висела старая лысая доска. А вот мела хорошего и жирного практически не было. Учебники нам достались довоенные, разрисованные. Сейчас не помню, по какому предмету у меня в учебнике были исковерканы портреты Якира, Блюхера и еще чьи-то. А вот рассказ кого-то из мальчишек шестого класса помню. Он по секрету нам рассказал, что перед войной на уроке в классе им сказали в учебниках выколоть глаза на портретах военных, которые были объявлены врагами. М-да, странная тогда была педагогика...

Я пошел в школу и огородом стал заниматься мало, но он рос и без моего участия и наблюдения. В отличие от последующих лет, до возврата эвакуированных, за огород можно было не беспокоиться, никто не шарил по чужим участкам! Вот такими были блокадники-ленинградцы, сохранившие человеческое достоинство, понятия чести, честности, взаимопомощи.

В уборке огородного урожая я обязательно участвовал, помогал маме собирать овощи и относить их домой. Пусть и под угрозой опасности налетов, но наша активная жизнь продолжалась. Мы с мамой были очень дружны, были уверены, что вместе мы сможем перебороть все опасности блокады!

Еще до начала регулярных занятий в школе маме и мне дали ордер на дрова. Сколько нам тогда было выдано дров, сейчас уже не скажу, но запомнил, что это были и сырые дрова, которые надо было обязательно успеть высушить до зимы, но были и сухие дрова от разобранных домов на Охте. Дрова нам привезли машиной во двор где-то в начале сентября — бревнышки длиной примерно в

один метр, разной толщины. Каждый день после прихода мамы домой мы вечерами пилили вместе эти бревнышки на четыре части, а без нее я колол распиленные чурочки и таскал расколотые дрова в подвал, в наш дровяник. Колоть дрова мне было интересно, но пилить — это была мука, невыносимо тяжело. Однако к началу холодов мы успели все распилить, сырые полешки уложить клеткой, остальные дрова — поленницей. Мы были горды собой, мы успели подготовиться к зиме...

Сентябрь. Жизнь продолжалась!

Санкт-Петербург, 1942—2009 годы

6. Здравствуй, школа!

Сентябрь 1942 года – январь 1943 года

Наконец, после блокадной зимы, после перерыва длиною в год началась привычная школьная жизнь — моя учеба в третьем классе, Но сразу пришло первое огорчение маме и мне. Нашу школу № 160 из десятилетки сделали школой с неполным средним образованием, то есть семилеткой!

Из-за того, что нас, учеников-блокадников, на занятия пришло мало, классы объединили. Нас рассадили по партам, раздался звон колокольчика нянечки Феликсы — уроки начались.

Это время запомнилось бесконечными переводами учеников из одного класса в другой (из класса «А» — в «Б» и тому подобное), непрерывное пересаживание нас по партам. Учителями были только женщины, в нашем классе они менялись почти каждый день. Эта чехарда закончилась в середине первой четверти разделением мальчиков и девочек по разным классам. Где-то в конце этой четверти неожиданно стали уговаривать мальчишек перейти из нашей школы в ремесленные училища. Соблазняли рабочей карточкой, интересной специальностью, красивой формой, заработком... Несколько ребят по совету родителей согласились перейти в училища. Но остальные очень просили оставить их для продолжения учебы в нашей школе. Я первую четверть окончил круглым отличником (помогли занятия с мамой прошлой зимой) и радовался каникулам. Отдых совпал с праздником Седьмого ноября (годовщина Великой Октябрьской социалистической революции).

Неожиданно для меня, на торжественное собрание, посвященное двадцатипятилетию революции, и на концерт в актовом зале

хлебозавода родителям разрешили пригласить ребят, возраст которых не был больше четырнадцати лет. Увы, нас пришло очень немного. Сказали принести с собой метрику и продуктовые карточки. На проходной нас встречали мамы, помогали разобраться с пропуском, карточками. Помню, что в проходной у нас вырезали хлебный талон за один день, талоны на крупу, сахар и еще что-то.

Затем нам устроили маленькую экскурсию по заводу, но предупредили, чтобы мы не брали нигде ни кусочка хлеба, ни корочки. Экскурсия стала для меня настоящим потрясением. Нас провели по всем цехам, согласно циклу изготовления хлеба — от начала замеса теста и до съема хлеба из форм после выпечки и остывания на цепных конвейерах. Мы шли вдоль конвейера в море запаха горячего хлеба. Это было бесконечно приятно и вкусно! Мне как мальчишке были интересны механизмы. Меня привела в восторг механическая рука, месившая тесто в деже (это большущий чан из металла, в котором творят тесто, а когда оно поднимется, то его подвозят под механическую руку, которая месит сразу почти две тонны теста).

Затем нас пригласили в зал. Был доклад, для меня очень скучный и серьезный, затем хвалили передовиков. И тут я стал гордиться мамой, ее фотографию приказом директора поместили на доску почета. Был перерыв и потом концерт. Кто-то пел, кто-то читал стихи, кто-то танцевал. Это все прошло как в тумане, но вот на сцену вышел, тогда еще молодой, Бен Бенцианов с рассказом о рогульке. Зал смеялся до колик, читал он превосходно, чувство радости храню до сих пор.

А потом для нас, ребят, был праздничный обед. Отвели нас в столовую — высокие металлические столы, металлическая посуда. Но! У стены на длинном столе лежал хлеб — очень некрасивый, ломаный, подгорелый, словом — брак. Но его можно было есть вдоволь. Нас предупредили, что если кого-нибудь на выходе поймают с хлебом, то его мама будет отдана под суд по законам военного времени. Поэтому, сказали нам, ешьте только здесь, в столовой. Выстроилась очередь к окну раздачи. Каждый из нас получил по тарелке замечательного, вкусного, густого горохового супа, по кружке сладкого чая, по две конфеты и по одному яблоку. Господи! Сколько же должен перенести человек, чтобы оценить подарок, который нам сделали на праздник...

Я ел... Сколько бракованного хлеба я умял с этой тарелкой горохового супа — не представляю, но меня просто кинуло в сон, я

Так как мы теперь были в третьем классе, то в нашем новом кабинете были установлены школьные парты с откидными досками.

осоловел, маме разрешили довести меня до дома. Да, такое не забывается.

Здесь я сделаю отступление. Перед войной уже были внедрены в жизнь некоторые ГОСТы, несоблюдение которых каралось, и очень сурово. Один из них устанавливал требования к внешнему виду буханки хлеба, к цвету ее верха (крышке) и так далее. В блокаду состав хлеба резко изменился, использовалось много наполнителей, примесей, имелись трудности с маслом, которым должны были смазываться формы. Поэтому если буханки из обычного теста сами выскакивали на конвейер из форм, смазанных маслом, то при блокадной рецептуре хлеба буханки приходилось специальными лопаточками выковыривать из форм. Конвейер шел непрерывно, невынутый хлеб опять уходил в печь и горел. В спешке горячие буханки деформировались... Состав же блокадного хлеба был таков, что даже вынутый из форм бракованный хлеб повторно переработать было невозможно. А выпустить его на продажу в магазины запрещал ГОСТ. И стали этот хлеб реализовывать в столовой завода и других столовых, нарезав его маленькими кусочками.

Кончились каникулы. Пришел я в школу, а нас, школьников третьих и четвертых классов, успешно учившихся в первой четверти, перевели в другую, 176-ю школу на Калашниковскую набережную, дом 5. Ребят, которые учились неважно, просто перевели в какое-то ремесленное училище. А в нашей 160-й школе пока остались учиться девочки. Мы были растеряны, очень обижены, но вынуждены были просто подчиниться.

Новая школа мне понравилась. До революции домом владел какой-то иностранный посланник. Все помещения дома отличались красотой: черное дерево, покрытое резьбой, керамика, горельефы и барельефы на стенах, позолота, красивые камины. Очень уютные классы.

Особенность жизни в новой школе была в том, что о нас, наконец, стали заботиться. Первым делом нас всех подстригли под машинку, у всех стали одинаковые смешные головы с большими ушами. В помещении школы организовали столовую, из наших продовольственных карточек вырезали какие-то талоны, мы стали в школе получать четырехразовое питание.

Утром — завтрак, затем занятия, потом — вкусный обед, полдник и ужин. Между обедом и полдником на втором этаже здания мы или

Калоть дров мне было интересно, но это была мука, невыносимо тяжело.

дремали на диванах, или играли. А вот после полдника в классе учили уроки. После ужина — расходились по домам.

Учеба у меня шла легко, несмотря на то, что нам добавили урок немецкого языка. Сказалось, что в детстве я ходил в немецкую группу. Появились и уроки физкультуры, но скорее это были уроки гимнастики под музыку. На втором этаже в большом зале с очень красивым паркетом, расписным потолком, зеркалами и позолотой на стенах стоял рояль. Играла на нем сама учительница физкультуры. Мы не раздевались (в зале было холодновато), а в домашней одежде, в бурочках или в валенках под музыку делали какие-то упражнения. Классные помещения отапливались неплохо, третьим классам топили печи взрослые, а четвертым классам доверяли топить печи самим. Дрова к печам приносили взрослые. Мы отогревались душою.

Но были в нашей жизни и невкусности. Нам периодически стали давать пить по столовой ложке бактериофаг — лекарство, охраняющее наши желудки. Убеждали, что это необходимо для нашего здоровья. А перед концом второй четверти в полдник вместо киселя или чая ввели соевое молоко! Если биточки из соевого шрота мы съедали моментально, то пить соевое молоко, да еще под контролем взрослых, — поверьте, это было мучение... Я его мог выпить только в случае, если левой рукой зажимал себе нос. Нас убеждали, что оно полезно, но мы его ненавидели. Тогда у взрослых ходил анекдот про письмо мальчишки на фронт: «Папа, убей фрица и соевую корову!» Из нашего класса только Боря Ульянов был способен с удовольствием пить это молоко...

В моем доме на Калашниковской набережной в середине ноября поднялась суматоха. У берега Невы, за нашей церковью, пришвартовались несколько подводных лодок — плохо помню, то ли три, то ли пять. Лед на реке уже был, но очень тонкий. Я с ребятами наблюдал, как подлодки маскировали сетями, имитирующими берег. Стоял часовой и не пускал нас в этом месте на берег. Через некоторое время моряки стали обходить квартиры, подбирая пустующие для своих нужд. В нашем доме они на зиму заселили несколько квартир. А в моей квартире было устроено два кубрика (в комнатах) и камбуз (на кухне). Квартира ожила, появились живые шумы. Мало того, от подводных лодок к нашему дому протянули электрический кабель, сделали что-то на щите в подворотне, обошли все открытые квартиры и вывинтили все лампочки на

сто десять вольт. В нужных им местах ввинтили свои лампочки, и вот в доме на два часа в день появился электрический свет! Жильцам в квартирах, в которых размещались моряки, выдали по одной лампочке на комнату. И у меня в комнате появился свет!!! Пришла мама, очень обрадовалась, а потом ужаснулась, глядя на потолок... При электрическом свете стало видно, как же он закоптился за первую блокадную зиму. Теперь на кухне трещали дрова в плите, стояли большие кастрюли, в них варили морякам еду, от запаха которой перехватывало дыхание.

Запомнил случай с коком (поваром-моряком) на нашей кухне. Это был суровый, строгий, высокий мужчина с очень сильными руками. Мне стыдно, но я не могу вспомнить его лицо. Я, честно сказать, его побаивался. Пришел как-то домой после школы, он открыл мне дверь, посадил на табурет, потребовал, чтобы я открыл рот. Посмотрел на меня, отвернулся, помолчал. Потом сунул руку мне в рот и покачал мои зубы. Опять помолчал, затем достал из мешка кочан холоднющей капусты, стал отрывать листы с кочна, греть их на плите и давать мне. Потребовал, чтобы я все тщательно жевал. Он заставил меня съесть, таким образом, почти половину кочана. А сам он стоял, смотрел на меня и молчал. Теперь я понимаю, это был порыв души. Думаю, где-то у него осталась семья, по которой он скучал, что у него были дети. А я у себя в комнате заплакал, так остро вдруг встала память о папе...

У меня появился друг. К нам в класс пришел из другой школы невысокий мальчишка, белобрысенький, с очень большими глазами и с удивительным взглядом. Это был Толя Трофимов. Он с мамой приехал жить в дом 26 по нашей набережной. Был физически слаб, но через пару дней стал бесспорным лидером в классе. Случилось так, что мы с ним очень быстро подружились, стали вместе играть, бывать друг у друга дома. Его мама дежурила по суткам, поэтому я скоро с ней познакомился, она иногда разрешала мне ночевать у них, чтобы не идти в комнату, где я был бы один. Спал я на большом сундуке, в их компании мне было тепло и спокойно. Толя принес в класс новую игру — «Морской бой». Ею увлеклись практически все, эта игра проходила в нашей компании аж до конца седьмого класса. Кроме того, Толя нам показал, как пользоваться картой страны, как на карте можно отмечать линию фронта.

Мы понимали, чувствовали, что идет жестокая война. Сами пережили тяжелую блокадную зиму. Знали, что на фронте идут упорные

бои. Слова: «битва под Москвой», «битва за Сталинград», «бои местного значения» — все это было у нас на слуху. Но никто из взрослых не догадался нас обучить чтению географических карт и тем более отмечать линию фронта на карте. Наверно, нас считали еще маленькими. И вот теперь все ребята из нашего класса раздобыли карты страны (даже вырывали из старых учебников), повесили их у себя дома. Одну большую карту для класса нам дали учителя, мы ее прикрепили на стену, стали булавками с цветной головкой и красной ниткой отмечать линию фронта. Было интересно.

Закончилась вторая четверть. Я по-прежнему хорошо учился, за что меня назначили редактором «Боевого листка». Мы не могли воевать, но учиться хорошо — могли. Рапорты об этом и были основным содержанием заметок. Эти «Боевые листки» от всех классов учителя относили в госпиталь на Исполкомской улице. А скоро нас пригласили туда писать письма раненым, показать наши дневники и тетради, просили почитать стихи в палатах. На нас это подействовало очень сильно. Визит в госпиталь оставил удивительную память.

Мы увидели привезенных с фронта, обожженных в бою, тяжело раненных людей. Но как эти люди смотрели на нас, как слушали наши стихи, с каким неподдельным интересом смотрели наши тетради! Как были благодарны за написанные письма! Благодарю учителей той поры! Для мальчишек лучшей агитации против фашистов, лучшего посыла серьезно относиться к учебе и к жизни придумать было бы трудно. Визиты в тот госпиталь продолжались до конца учебного года раз в две недели.

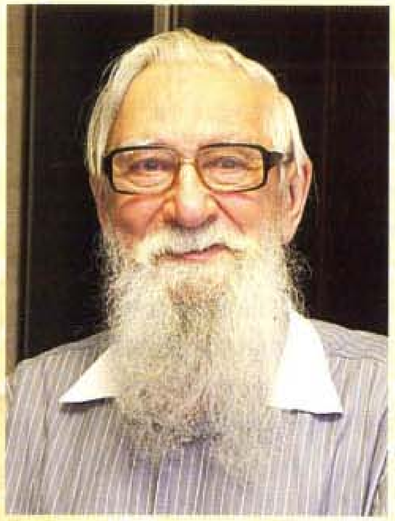
Праздника Новый год и своего дня рождения в ту зиму не помню, каникул тоже не помню — все заслонила радость прорыва блокады.

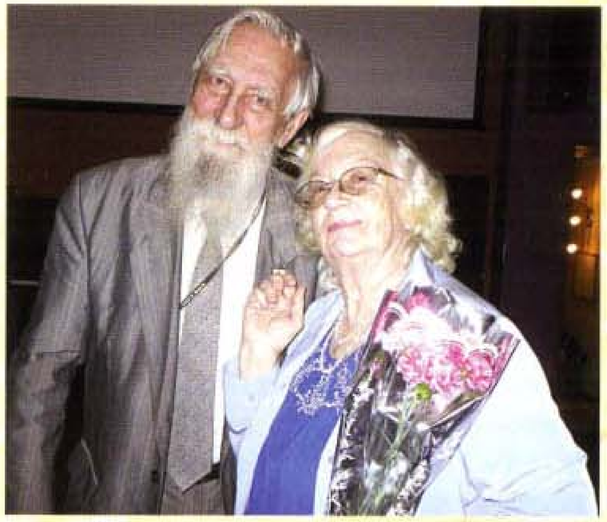
Дело в том, что Нева хорошо передавала шумы выстрелов. Город тогда был тихим, поэтому звуки выстрелов часто слышались всем живущим на набережной. А в середине января 1943 года лед на Неве гремел, стонал. Мы догадывались, что происходит на фронте. Многие молились, чтобы солдаты нас вызволили из блокады. По звукам чувствовали, что идет очень большой бой. Так было несколько дней. И вот 18 января 1943 года сбылась мечта и надежда всех ленинградцев — блокада была прорвана. Радио объявило о прорыве блокады в час ночи. Я уже писал, что в годы войны репродуктор (черная тарелка) в комнатах никогда не выключался. Как только радио объявило эту новость, наш дом вдруг ожил, все моментально проснулись, захлопали двери в квартирах

и комнатах, люди бежали друг к другу, чтобы сообщить новость. Некоторые просто стали однотонно кричать от радости и прыгать на одном месте. Надо было выхлестнуть из себя волну радости, поделиться со всеми...

Да, цена этой победы, как мы теперь знаем, была очень велика. Да, очень многие отдали жизнь для этой победы. Но и мы с мамой, и все ленинградцы в блокаду не сдались, не уронили своей чести, не потеряли мужества, смогли дождаться помощи военных. И МЫ ПОБЕДИЛИ! Этот день я и мои друзья-блокадники будем помнить всегда!

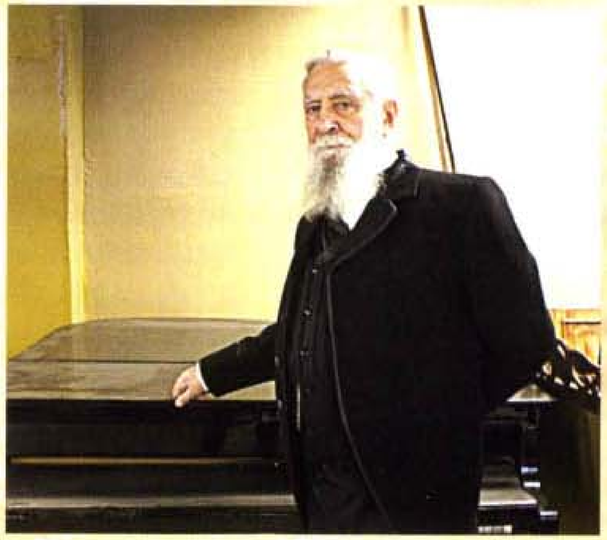
Санкт-Петербург, 1943—2009 годы





На фото:
с женой Мариной Владимировной отпраздновали бриллиантовую свадьбу

На фото:
портрет Ю. А. Симонова (художник А. Ф. Начев)



На фото:
на кинопробах на роль купца Елисеева

На фото:
выступление в хоровом ансамбле блокадников (руководитель — М. В. Симонова)

На фото:
16 лет, член радиоклуба

На фото:
мама, 80 лет

На фото:
мама с сестрой

На фото:
16 лет. С мамой

ИВАНОВА
МАРИЯ АЛЕКСЕЕВНА

«Я ЗАХОДИЛА К БАБУШКЕ, ОНА НАЛИВАЛА МНЕ ТАРЕЛОЧКУ ПОДСОЛЕННОГО КИПЯТКА, ТАМ ПЛАВАЛИ ДВЕ-ТРИ МАКАРОНИНКИ — ЭТО СЧИТАЛОСЬ СУПОМ»

Осада

В Ленинград моя семья в 1928 году приехала из деревни на Псковщине. Отцу приходилось менять место жительства, скрываться от преследований за свое прошлое: когда-то он был офицером царской армии. Мне тогда было четыре года.

Когда началась война, семья жила в Кировском районе, на проспекте Стачек, дом 54. Я уже работала, поступила на завод имени Марти у Старо-Калинкина моста. После того как мужчин с предприятия мобилизовали, трудилась рентгенотехником в центральной лаборатории, по мере сил замещая отсутствующих сотрудников.

По ночам бойцы МПВО следили за маскировкой, не допускали, чтобы хоть лучик пробился сквозь зашторенные окна, сразу приходили предупредить, чтобы хозяева закрыли щель. Я тоже дежурила на крышах во время бомбежек.

Бомбили город нещадно, начиная с 8 сентября, когда заполыхали Бадаевские склады. Это было почти беспрерывно: бомбежка заканчивалась, тут же начинался обстрел. Страшное зрелище, небо просто горело, когда наши прожектора высвечивали немецкие самолеты, а они бросали зажигательные бомбы.

По данным историков, на территорию завода имени Марти за время войны упало 468 снарядов, 154 зажигательные и 32 фугасные бомбы.

Голод

От обстрелов, бомбежек и голода на заводе погибло более двух тысяч человек. Кстати, одним из погибших был Леонид (Лёка) Савичев — брат Тани Савичевой.

Во время этих самых страшных блокадных месяцев зимы 1941—1942 годов у нас не было ни света, ни воды, растапливали снег, чтобы пить чай. Обогревались печкой. Жгли мебель, книги. Отец умер 17 февраля 1942 года, похоронен в 22-й могиле на Пискаревском кладбище.

Мне тогда еще не было и восемнадцати лет. Силы убывали, а ведь я вынуждена была добираться на работу пешком от Кировского завода до Старо-Калинкина моста. В том же феврале 1942 года, когда умер отец, я совсем ослабла и не могла ходить, поэтому попросила на заводе расчет. Мне выдали 125-граммовую карточку иждивенца. Но засидеться дома не пришлось: спустя две недели меня направили в ремесленное железнодорожное училище у Нарвских ворот. Для учащихся питание было чуть лучше.

Люди, которым ничего не перепадало помимо нормы выдачи, умирали очень скоро. Семье удавалось добывать то тут, то там какие-то крохи — только оттого мы и остались живы. Например, разрывом убило лошадь у Кировского завода: для города это потеря, но для местных жителей — удача. Во время разделки животного маме дали немного конины.

На Нарвском проспекте жила наша бабушка, у нее было немного припасов. Я заходила к ней, она наливала мне тарелочку подсоленного кипятка, там плавали две-три макаронинки — это считалось супом. Я съедала порцию и шла домой. И еще мама где-то добывала дуранду, сухие отжимки льна, которые раньше шли на корм животным. Мы грызли эти кусочки. Вот так и удавалось хоть чем-то прокормиться.

Силы убывали, а ведь я вынуждена была добираться на работу пешком...

Весной на Ушаковской улице рядом с проспектом Стачек открылась баня. Поначалу было лишь одно помещение, мужчины и женщины мылись в нем без разделения.

Одни кости торчали, все худющие такие, что смотреть страшно. Да все не расскажешь, это пережить надо. Раньше не так тяжело было вспоминать, а сейчас не могу смотреть передачи о войне.

Ленинградская победа

Той же весной 1942 года у меня и моей младшей сестры началась цинга, зашатались зубы, а ноги настолько распухли, что не влезали ни в какую обувь. Тогда мама пошла в госпиталь у Кировского завода, выпросила у врача черные большие таблетки-витамины. Сестра их глотать не смогла, а я принимала и еще пила отвар из хвойных веток, хоть от него и тошнило. У меня восстановились зубы и прошло опухание. Здоровье младшей сестры осталось сильно подорванным.

Потом, когда взошла трава, ее собирали, мама отваривала, отжимала и сушила лепешечки. Это была замена овощам и зелени.

Едва окрепнув, я участвовала в уборке города. Все училище выходило на улицу с тележками, расчищали участок на проспекте Стачек. А в июле 1942 года меня призвали в армию. Бригада НКВД стояла на Ржевке, я работала в штабе делопроизводителем.

Когда шли бои в январе 1944 года, канонада была страшная, было ощущение, что бьют со всех сторон. Шло советское наступление, но жителям (как рассказали мне мама и младшая сестра) иногда казалось, что враг штурмует город. Дом у Кировского завода находился рядом с линией фронта и весь содрогался от стрельбы. По немцам били «катюши», а те яростно отвечали, попадая и в Кировский завод, и в жилые дома.

Когда отгремели бои и город был полностью освобожден от блокады, меня стали по выходным отпускать из части домой на побывку. Паек я оставляла маме и сестре.

В мирное время

Демобилизовалась в конце 1945 года, вернулась на завод. Это был для меня очень тяжелый период: жизнь по карточкам и нехватка питания, притом что я вышла замуж и вскоре родился ребенок.

У меня восстановились зубы и прошла опухание.

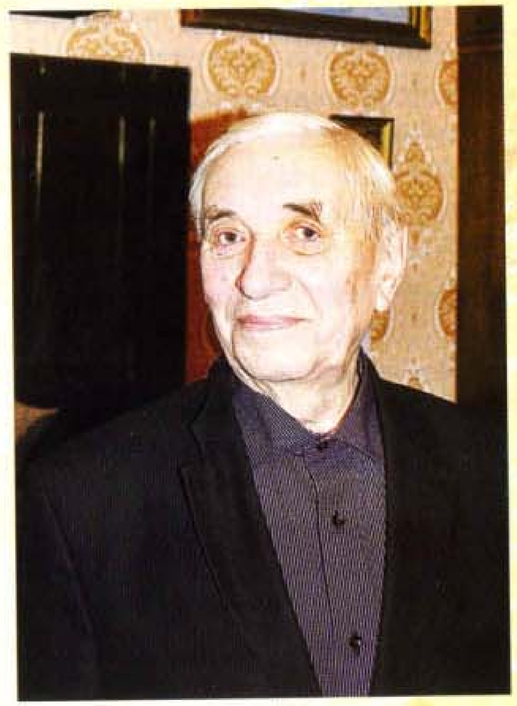
Последние двадцать пять лет перед выходом на пенсию работала на Электротехническом заводе управления сигнализации и связи МПС во Фрунзенском районе. Как блокаднику и участнику войны, мне предоставили квартиру в Купчино, на Малой Бухарестской. Семья переехала сюда в августе 1982 года. Семья все растет — у меня четверо правнуков.

Когда оттуда ушли и город был полностью освобожден от блокады, меня стали по выходным отпускать из части домой на побывку. Там я оставляла маме и сестре.

КОТИН
ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

«Я ШЕЛ ВПЕРЕДИ, ЕЩЕ МАЛЬЧИШКА, МОРЕ ПО КОЛЕНО, ИНТЕРЕСНО БЫЛО В ВОЙНУ ПОИГРАТЬ»

Пастушья доля



Мне было полтора года, когда в 1928 году семья окончательно переселилась из Твери в Ленинград. Отец окончил здесь строительный институт, получил комнату на улице Марата. Мой дедушка по отцу был десятником, потому, наверное, папа и стал строителем.

С середины тридцатых я учился в школе на углу набережной Фонтанки и Невского, по примеру отца-инженера осваивал технику и конструирование в кружках Дворца пионеров. Школа находилась прямо напротив Дворца. Когда началась война, отца не было в городе: с 1939 года завербовался вольнонаемным специалистом строить дома в Колымском крае. Ему не суждено было вернуться к семье, умер в Магадане во время войны.

Мама, я и мой годовалый братишка отправились в эвакуацию еще до начала блокады, в конце июля. Соседка по вагону, дворник нашего квартала, уговорила не ехать в Ярославль, а сойти по дороге и поселиться у нее в сельском доме.

В колхозе меня пригласили работать на ферму: «Славочка, иди пастушком, будешь молоко получать, и владельцы частных коров

будут кормить». Сейчас я со смехом вспоминаю, как расстроился до слез от такого предложения: «Папа и мама инженеры, а я пастух?!» Но нужда сильнее амбиций, я согласился, пас телят.

В 1943 году, когда исполнилось семнадцать лет, меня призвали в армию. После нескольких месяцев в учебной дивизии отправили под Ленинград.

Финн не сдается

Наша 102-я стрелковая дивизия (впоследствии — 102-я гвардейская новгородско-померанская дивизия) сражалась на финском направлении, продвигалась в Карелию. Мы наступали на Мустакайло.

Финны сопротивлялись яростно. Забегая вперед, скажу, что противостояние в тех местах продолжалось и еще год спустя, после переброски 102-й дивизии на запад. Даты гибели советских солдат в боях за деревню Мустакайло прослеживаются в Книгах памяти до конца июля 1944 года...

В июле 1943 года рота, в которой я служил рядовым, штурмовала финские позиции — линию дотов с заболоченным минным полем перед ними.

Я шел впереди, еще мальчишка, море по колено, интересно было в войну поиграть. Отбежали с сержантом метров на сто от наших позиций, начался обстрел из пулеметов и минометов, атака сорвалась, мы залегли. Жара нещадная, жажда, голод. Мы стали есть неспелую морошку, укрываясь за кочками от свистевших пуль. Сержант потянулся за кочку за ягодой, и снайпер пробил ему голову. Я пролежал там до сумерек, вечером отошел к своей роте, упал в воронку. Находившийся там солдат удивился, что я жив.

На следующий день подошло подкрепление, стали бить «катюши», и пехота снова пошла в атаку. Противник отступил. Из блиндажа вытащили финна. Как оказалось, он прятал нож и всадил клинок в грудь младшему лейтенанту, приказавшему поднять руки. Я застрелил финна, это был первый враг, которого убил на войне. Они обычно не сдавались живыми.

Первую награду я получил в скором времени после боевого крещения: разыскал и спас раненого разведчика, оттащил от финских позиций. Уже на марше мне вручили медаль «За отвагу».

Мама, я и мой годовалый братишка отправились в эвакуацию еще до начала блокады...

Псков и Заполярье

Летом 1944 года, незадолго до того, как Финляндия заключила перемирие с СССР, дивизию перебросили под Псков, на смену войскам, прорвавшим гитлеровскую линию обороны «Пантера».

Когда мы подошли, бои еще продолжались. Обескровленные части отходили в тыл на отдых и переукомплектование, свежие дивизии выдвигались на передовую.

Из-под Пскова дивизия отправилась на Кольский полуостров, добивать немецкую армию «Лапландия».

Мы пешком шли от Мурманска. Форсировали реку Западная Лица в ноябре—декабре 1944 года. Я с шинелью-скаткой и автоматом над головой вошел в ледяную бурную реку. Шли по заранее разведанному броду. Пройдя от Мурманска до Колосьеки (ныне город Никель), Сальмиярви и Петсамо (Печенга), теснили немецкие части. «Лапландия» отступила в Норвегию и там сдалась. В январе 1945 года мы вышли из Норвегии, вернулись к Мурманску и потом отправились в Восточную Пруссию.

Германия

Орден Славы III степени я получил после взятия Кенигсберга. А орден Славы II степени — за бои в Германии, но вручили награду уже после войны, когда по инстанциям дошли задержавшиеся где-то бумаги.

До Берлина оставалось 60—70 километров, когда в марте 1945 года мне пробило пулей правую руку. К моменту возвращения в строй война на Западном фронте закончилась и должна была начаться на Дальневосточном. Советский Союз готовился к решающему удару и разгрому Квантунской армии — японской сухопутной группировки. Однако вместо Дальнего Востока я попал в Москву. На стоянке эшелона в Рыбинске меня, рядового, приметили офицеры Генштаба, отбиравшие в охрану наиболее бравых вояк. Наверное, выделялся среди фронтовиков внушительным «иконостасом» наград. Так что службу завершал в столице, в 4-м отдельном стрелковом полку охраны Генштаба, Чернышевские казармы.

Близкие люди

После демобилизации вернулся в Ленинград. Меня очень позабавило полученное через маму письмо от приятеля, с которым об-

Обескровленные части отходили в тыл на отдых и переукомплектование, свежие дивизии выдвигались на передовую.

учались в кружке Дворца пионеров: «Здравствуй, славный Слава с двумя Славами!» Парень был мастером как в красноречии, так и в декоративно-прикладном искусстве. Я до сих пор храню подаренную им шикарную фигуру аиста.

Свою будущую жену встретил на заводе «Буммаш» имени Второй пятилетки (завод Сан-Галли на Лиговском, 60). Стася трудилась в контрольно-измерительной лаборатории, совмещая работу с учебой в Ленинградском институте советской торговли. После «Буммаша» я проработал сорок лет на ремонтно-механическом заводе. В дом на улице Олеко Дундича переехали двадцать лет назад.

Пишу стихи, посвящаю их знакомым и друзьям, а еще пою в хоре ветеранов. Страсть к музыке и умение петь перенял от мамы: она когда-то пела в церковном хоре и в Тверском театре. И меня приучила с детства. Все на ногах была, и пела всегда, и старалась хорошо выглядеть. Она дожила почти до ста.

На стоянке эшелона в Рыбинске меня, рядового, приметили офицеры Генштаба, отобравшие в охрану наиболее бравых-бояк

На фото:
Вячеслав Котин незадолго до увольнения в запас (в центре фото на переднем плане), 1948 г.

На фото:
Вячеслав Николаевич
с внучкой Яной

Пишу стихи, посвящаю их знакомым и друзьям, а еще пою в хоре ветеранов.

КУСТОВА
ВИКТОРИЯ НИКОЛАЕВНА

«РАБСКИЙ ТРУД НА ПОЛЯХ ГЕРМАНИИ БЫЛ НАСТОЛЬКО ТЯЖЕЛЫМ, ЧТО В СВОИ ЧЕТЫРЕ-ПЯТЬ ЛЕТ МНЕ ХОТЕЛОСЬ ПОПАСТЬ ПОД БОМБЫ СОЮЗНОЙ АВИАЦИИ, ЧТОБЫ БЫСТРО И БЕЗ МУК ОБОРВАТЬ БЕСПРОСВЕТНУЮ ЖИЗНЬ»

В возрасте трех лет я вместе с мамой и двумя братьями оказалась в оккупированной Литве. Оттуда нас отправили в Польшу, а затем в Германию. Семья в итоге попала на сельскохозяйственные плантации под городом Галле в немецкой земле Саксония-Анхальт.

Условия были настолько тяжелыми, что при бомбардировках союзной авиации даже хотелось попасть под разрыв, чтобы быстро и без мук оборвать такую беспросветную жизнь.

Пока мы вынуждены были рабски трудиться в Германии, мой отец воевал на фронте. Мы долго ничего не знали о его судьбе. О том, что он погиб в годы войны в Финском заливе, нам сообщили лишь в 1947 году.

После войны мы вернулись домой. Но государство недоверчиво и враждебно встречало вернувшихся с чужбины граждан, которых в начале войны не смогло уберечь от плена. Это очень печальная страничка истории. После перенесенных страданий мы еще сорок три года были изгоями.

Оттуда нас отправили в Польшу, а затем в Германию.

Освобожденные из рабства дети подвергались травле сверстников в советских школах. Мы жили в страхе. Я помню, как приехал черный воронок, забрали маму, и мы не знали, придет ли она обратно.

Несмотря на то что наш отец погиб на войне, защищая Родину, мои братья не смогли поступить в военное училище. И даже после политической оттепели бывшим узникам еще были закрыты заграничные поездки анкетным пунктом «Были ли вы в плену?».

С перестройкой стало легче. Отношение к этой категории граждан менялось, их признали безвинно пострадавшими. Тема перестала быть запретной. 22 июня 1988 года в Киеве состоялся слет, на котором был создан Союз бывших малолетних узников фашизма.

Сейчас я работаю в районном совете Общественной организации бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Членам нашего общества уже за семьдесят, а то и под девяносто лет, и многим не хватает общения со сверстниками и знакомыми. Поэтому наша деятельность направлена на то, чтобы обеспечить бывшим узникам фашизма интересный досуг, возможность участвовать в общественной жизни, беседовать с молодежью. В гимназии № 441 и в школе № 365 созданы музеи, здесь есть личные вещи заключенных и документы, благодаря которым молодое поколение может узнать о преступлениях нацизма и жестокостях войны. Наиболее горячая пора у нас наступает в марте—апреле, мы проводим очень много мероприятий, поездок и встреч.

Отношение к этой категории граждан менялось, их признали безвинно пострадавшими.

СМИРНОВА (АЛЕКСЕЕВА)
ЛИДИЯ ПАВЛОВНА

«МНЕ ЗАПОМНИЛАСЬ ДУРАНДА, КОТОРУЮ ВЫДАВАЛИ ПО КАРТОЧКАМ, НАМ КАЗАЛОСЬ, ЧТО НИЧЕГО ВКУСНЕЕ НЕТ: МЫ ПРОСИЛИ НЕ СЛАДОСТИ, А ТОЛЬКО ЖМЫХ И ХЛЕБ»

Рабоче-крестьянская семья

Я родилась в 1933 году, в Ленинград попала в трехлетнем возрасте. Крестьянская семья из Калининской области переехала сюда постепенно. Сперва обосновался отец семейства, Павел Алексеев. Он стал работать на заводе имени Калинина на Уральской улице. Потом отец перевез родных. Мы жили на углу 2-й линии и Большого проспекта Васильевского острова. У меня был старший брат Валентин и младший, Славик, который родился в 1937 году. Мама, Татьяна Ивановна, трудилась на чугуномеднолитейном заводе на 18-й линии. Когда брату Вале исполнилось четырнадцать лет, он тоже пошел на завод.

На фото:
Лидия Алексеева, 1943 г.

К началу войны я еще ходила в детский сад. Запомнились первые налеты авиации в августе 1941 года: солнечный день, воздушный бой. Дети подбирали еще горячие мелкие осколки то ли от разорвавшихся боеприпасов, то ли от разбитого фюзеляжа. Потом — воздушные тревоги, детей загоняли в бомбоубежища.

Братские могилы

В блокаду обе мои бабушки погибли. Бабушка Екатерина похоронена на Малой Охте. А бабушку Евдокию в феврале 1942 года отвезли на Смоленское кладбище, однако место ее упокоения впоследствии оказалось совсем иным. Когда стали создавать книги памяти по каждому району, я пошла узнать, где лежат мои родные. И узнала, что бабушка Евдокия числится на Пискаревке. Я возразила, мол, не может такого быть! Ведь отец доставил ее на саночках на Смоленское кладбище, получил расписку. Но женщина, ведавшая захоронениями, объяснила, как это произошло.

Дело в том, что в марте—апреле 1942 года вырыть достаточное количество братских могил было невозможно. Весной погребальным бригадам пришлось работать в спешке, с максимальным напряжением, им не хватало сил. В пробитых взрывчаткой траншеях тела укладывали рядами друг над другом. При этом весна 1942 года была очень дружная, с быстрой оттепелью. Верхние ряды захороненных пришлось перевезти на Пискаревку.

Сосед по квартире умер в январе 1942 года, а бабушка позднее, в феврале. В результате он на Смоленском, а она на Пискаревском кладбище.

Спасительный отказ

Зимой 1942 года семья потеряла продуктовые карточки, нам всем грозила голодная смерть. Маме оказали помощь на заводе: выписали пропуск на кухню и наливали бидончик супа из воды, дрожжей и картофельных очисток. Старший брат ее встречал, помогал нести. Ведь она могла упасть от слабости или пройти в уличной тьме мимо дома.

Кроме использования картофельных очисток, с 1941 по 1943 год мы варили клей, олифу, ходили в поля и добывали хрен. На пепелище Бадаевских складов собирали землю, пропитанную сгоревшим и растекшимся сахаром, вываривали ее.

Еще запомнилась дуранда, то есть жмых, корм для скота. Ее давали по карточкам вместо хлеба. Жмых нужно было сосать. Нам казалось, что ничего вкуснее на свете нет. Мы не думали о сладостях, даже о булке, а просили жмыха и хлеба. И спустя многие годы хотелось поесть дуранды... Но оказалось, что в сытом состоянии это лакомство не лезет в горло.

Когда в декабре, накануне прорыва блокады, маме и детям предписали эвакуироваться, наша семья отказалась. Думаю, потому мы и выжили.

Старший из нас, детей, шестнадцатилетний Валентин, заявил, что остается защищать город. Ленинградцы не знали о предстоящем советском наступлении, готовились к возможному немецкому штурму и уличным боям.

Мама к тому времени была распухшая от воды, она сильно ослабела оттого, что старалась отдавать хлеб детям. Лишившись надежды на сопровождение и подмогу старшего сына, она решила, что в таких условиях отправка равнозначна смерти. Мама не смогла бы даже довезти двух детей на санках до сборного эвакуационного пункта, не то что выдержать дальнюю дорогу.

Но тогда неработающих жителей при отказе от эвакуации лишали снабжения. Отец, который находился на казарменном положении и изредка приходил домой, уговорил управхоза снова внести семью в списки, отдал ей за это отрез сапожной кожи, единственную оставшуюся ценность. Семье выдали карточки.

Это было мудрое решение, нам бы точно не доехать. Насколько я знаю, многие из эвакуированных не доезжали живыми до пересадки на Ладоге. А мы в том состоянии и вовсе были бы обречены.

Блокадная учеба

Я ходила в блокадный детсад до девяти лет. Иногда дети там и ночевали.

Я так благодарна воспитательницам. Интеллигентные люди, еще до революции закончившие гимназию, они нас старались обогреть, как-то скрасить жизнь в этих тяжелых условиях. Читали нам сказки Пушкина, спрашивали, что мы там запомнили, просили что-нибудь нарисовать. Ведь у нас был небогатый набор сюжетов для рисования: воздушные да наземные бои. И девочки, и мальчики — все рисовали на одну тему. Поэтому я вспоминаю воспитателей с благодарностью.

С осени 1942 года я пошла в школу. Мороз, учились при коптилке, в пальто, варежках. А потом в здание попал снаряд (к счастью, не во время занятий), и нас перевели в другую школу. У нас даже были музыкальные занятия, баян. В 1944 году люди стали возвращаться в город, и школа скоро стала переполненной, не хватало учителей и помещений.

Отец в 1943 году участвовал в восстановлении разрушенного дома у церкви Святой Екатерины, и за отличное выполнение работ семье дали новое жилье, летом того же года семья переехала. А мой старший брат ушел добровольцем на флот, не дожидаясь призывного по тем временам семнадцатилетнего возраста.

Окончание блокады было отмечено общим ликованием. В домах от орудийного салюта вылетали стекла.

Взрыв после войны

Страшный удар семье прошедшая война нанесла уже в мирное время. В 1947 году подорвались на артиллерийском снаряде трое мальчишек: мой родной брат, десятилетний Славик, а также два двоюродных брата. Это произошло под Красным Селом, в Дудергофе, ребята работали там на огороде у родственников.

Один из мальчишек погиб от взрыва сразу, еще двое были тяжело ранены. Славику осколок попал в живот, пробив бляху с якорем на подаренном старшим братом морском ремне. Проезжавшая мимо грузовая машина подобрала и доставила ребенка в город, но спасти его не смогли.

После войны и учебы я поездила с мужем по стране и вернулась в Ленинград, осела во Фрунзенском районе.

Один из мальчишек погиб от взрыва сразу, еще двое были тяжело ранены

На фото:
родители с четырехлетним Валентином, будущим военным моряком, 1931 г.

На фото:
Лидия с братом и родственники после похорон Славика

На фото:
Валентин Алексеев (вверху справа) учился в 35-й школе.
На фото — тот же класс, в котором годом ранее училась Таня Савичева, 1941 г.

РОДИОНОВ
АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

«В ШЕСТЬ ЛЕТ Я ПОПАЛ ПОД АТАКУ МЕССЕРШМИТА: ВОКРУГ ПАДАЮТ РАНЕНЫЕ И УБИТЫЕ, А Я УВИДЕЛ НАДМЕННУЮ УХМЫЛКУ И УПИТАННОЕ ЛИЦО ВРАЖЕСКОГО ЛЕТЧИКА, БРОСИЛСЯ НАВСТРЕЧУ И МЕТНУЛ КАМЕНЬ»

Молоко из одуванчиков

Я родился в 1937 году в Ленинграде, жил в поселке Лисий Нос. Отец и мать трудились на заводе «Светлана». Дорога из пригородного поселка на работу занимала у них два часа. В шесть утра поезд, паровозик с одним вагончиком, ехал от Тарховки до Ланской.

С началом войны отец, стеклодув Владимир Васильевич Родионов, получил броню и продолжал работать уже на казарменном положении, лишь изредка появлялся дома. Мама, Анна Андриановна, возвращалась с завода на поезде в десять часов вечера. К началу блокады мне было четыре года, я оставался дома один целый день.

В самые тяжелые годы войны питались травой, и даже лебеда была роскошным кушаньем.

Запомнилось, как мать дала мне плетеную сумку, просила нарвать одуванчиков. Корни два дня вымачивала, давила из них сок. Эта белая горькая жидкость считалась молоком. Я эти корни сосал.

А подорожник мама измельчала на мясорубке, делала котлеты и жарила их на олифе.

В истории ленинградской блокады, по многим свидетельствам и документам, были не только вегетарианские способы пропитания. Однажды к нам в дом пришел бородатый старичок с нагруженным мешком. Набрал снегу, разжег примус, сварил какое-то мясо. Поел сам, накормил меня. Откуда угощение, гость не объяснил.

В то же время воспоминания о голоде — это и примеры душевного тепла, заботы о близких. Отец дошел до истощения, стараясь передавать часть пайка нам с мамой. В мае 1942-го его из-за дистрофии освободили от работы на заводе. Высокий двадцатисемилетний мужчина ходил с палочкой и носил при себе записку на случай, если упадет и не сможет встать. Позднее он устроился подсобным рабочим на хлебозавод и немного окреп. Вспоминаю, как был тронут отцовским подарком при встрече нового 1943 года. Папа приехал домой и вручил мне лакомство — сухарик.

Защитники ленинградского неба

Выживать помогали военные. Зимой с 1941 на 1942 год солдаты приглашали меня в землянки, накладывали иногда овсяной каши. Рядом была батарея зенитных «сорокапяток». Артиллеристы-матросы ходили в баню рядом с нашим домом, отдавали потом остатки мыла. От них временами перепадали то конские внутренности, то иная провизия. Я собирал картофельные очистки, мама жарила их на олифе.

В 1943 году неподалеку располагался аэродром, летчики приезжали отдыхать в Лисий Нос, в пивную «Голубой Дунай».

Красивые, в кожаных куртках, в орденах. Как-то один летчик меня подозвал и дал банку сгущенки. А через две недели прихожу, увидел ту же компанию и спросил, где дядя Миша. Оказалось, его уже нет, не вернулся с задания.

Рядом также был военный городок, пушки с кораблей Балтийского флота. Шла контрбатарейная борьба, канонада гремела рядом. Противник в основном бил по Ленинграду. Однажды при поездке в город я видел, как разорвало снарядом трамвай, ходивший от Финляндского вокзала.

Лисий Нос обстреливали нечасто. Но налеты на поселок бывали. Не забуду ночь с 12 на 13 апреля 1943 года. Мы с матерью

Высокий двадцатисемилетний мужчина ходил с палочкой и носил при себе записку на случай, если упадет и не сможет встать.

приехали со стороны Ольгино, а весь Лисий Нос в прожекторах. С поезда соскочили, побежали, ища, где спрятаться. На Центральной, дом 2, стоял магазинчик, сторож позвала нас прятаться. И тут упала бомба, нас отбросило ударной волной. Мы уцелели, строение тоже.

«Сбил!»

В июне 1943 года почти на том же месте я, шестилетний, попал под атаку мессершмита и попытался ее отбить.

Мы пошли с матерью за молоком, оно продавалось на рынке по 120 рублей за литр. Рядом с магазином и рынком в небе висел аэростат с наблюдателем. Из облаков выскакивает немецкий самолет и открывает огонь. Аэростат загорается, парень выпрыгивает из корзины и раскрывает парашют, но немец со второго круга его расстрелял. Затем самолет на бреющем идет на нас, косит из пулемета людей, стоявших в очереди за молоком. Вокруг меня крики, стоны, падают раненые и убитые. Я увидел вражеского летчика уже почти в упор, его упитанное лицо в кожаном шлеме, надменную ухмылку. Бросился ему навстречу, схватил камень и метнул.

Брошенный истощенным ребенком булыжник мог бы разве что поцарапать вражескую машину, но в тот миг казалось: сбил! Самолет с черными крестами исчез за соснами, а я издал торжествующий вопль. Сзади напрыгнула мать, свалила на землю, накрыла собой.

Упал неудачно, рассек лоб. Кровь хлещет, я говорю: «Мама, меня ранило».

...После войны немцы работали на восстановлении Ленинграда.

С 1946 по 1948 год военнопленные строили дорогу через Новую Деревню и Лисий Нос, здесь был асфальтобетонный завод. Возводили двухэтажные дома там, где сейчас проходит улица Савушкина. Были в подручных у моего отца на «Светлане». Они очень здорово работали, без суеты и шума, грамотно. Но никогда не задерживались на работе, сразу после сигнала бросали инструмент.

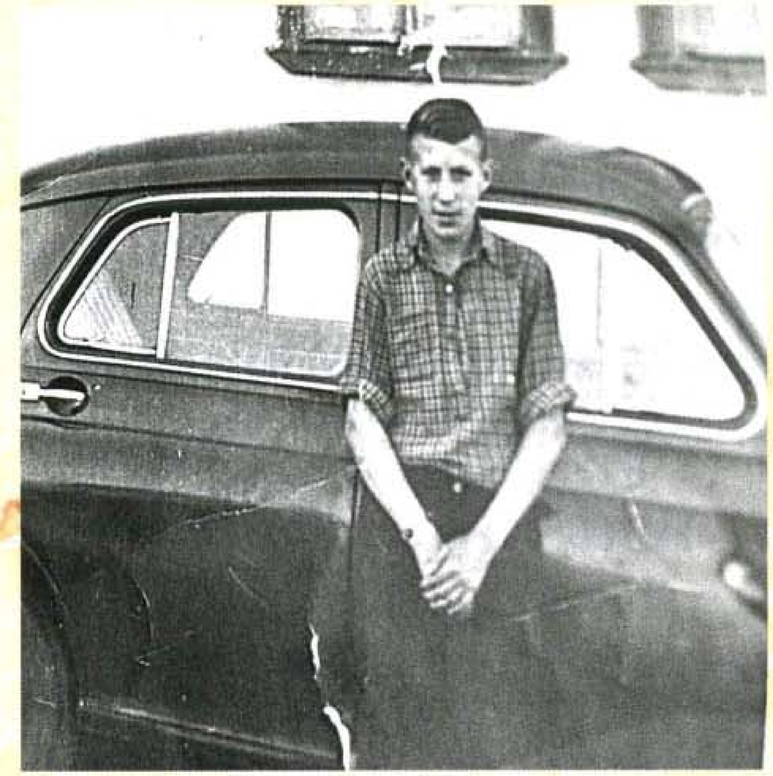
Футбол

К футболу я приохотился в пятом классе. В послевоенные годы школьники играли голодные, босиком, ноги все в цыпках. Мячи были тряпичные, потом шнурованные.

Брошенный истощенным ребенком булыжник мог бы разве что поцарапать вражескую машину

Играл лихо. За резвость называли «Электричкой». Попасть в высший эшелон не получилось, так как еще долго после блокады оставался очень худым и не прошел отбор, когда был шанс попасть в «Зенит». Даже к моменту призыва в армию я весил лишь 49 килограммов. Окреп позднее, играл в клубе родного предприятия «Светлана».

Пару лет назад участвовал в открытии памятника в честь семидесятилетия знаменитого блокадного матча 1942 года на стадионе «Динамо». Посещаю футбол, пригласительные билеты от клуба «Зенит» мне приносят на дом. И не только болею, иногда и сам играю: недавно участвовал в матче ветеранов, проведенном в Репино. Игра для меня — это жизнь. Страшно подумать, уже нет и тех, кого тренировал когда-то.



На фото:
знаменитый блокадный матч

КУДРЯКОВА
НАДЕЖДА АРСЕНЬЕВНА

«КОГДА НАШ ДОМ РАЗРУШИЛИ В ПЕРВУЮ ЖЕ БОМБЕЖКУ, НАС ПОСЕЛИЛИ В КАЗАРМУ, ГДЕ НА МЕНЯ ОГРОМНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ПРОИЗВЕЛИ ДВУХЪЯРУСНЫЕ КРОВАТИ, И ВЫДАЛИ ОДЕЖДУ — РУБАХУ И КАЛЬСОНЫ»

Я родилась 3 апреля 1929 года в Ленинграде в семье коренных петербуржцев. Жили на углу Дровяной улицы и Лермонтовского проспекта. Училась я в 1-й образцовой школе Ленинского района на Лермонтовском проспекте.

Сначала, когда началась война, это не очень чувствовалось. Жизнь, несмотря ни на что, продолжалась, текла сама по себе. Но становилось все тяжелее и страшнее.

Помню, как мы с семьей в первый раз пошли в бомбоубежище. Выходим после обстрела и видим, что нашей и других угловых квартир в доме нет, только болтается наш абажур на четвертом этаже. Мама расстроилась — жить негде, вещей нет. Но удивительно быстро приехала команда МПВО — молодые девушки, завалы стали разбирать, а нас, жителей всех четырех квартир, куда попал фугас, определили в военную часть. Никогда раньше я не видела двухъярусные военные кровати, и одеяла были не такие, как дома. Я маленькая была, на меня это произвело огромное впечатление.

Запомнилась школьная елка в 1942 году.

Буквально через несколько дней всем, кто потерял жилье, в жилконторе уже выделили новое — нас поселили в комнату рядом с бывшим домом. Что интересно, нас обеспечили и вещами — военным одеялом, бельем, ведь у нас все разбомбило. Мама надевала на меня военную нательную рубаху и подвязывала кальсоны. А девушки из МПВО раскопали кое-что из наших вещей и отдали нам. Какие все-таки есть добрые и хорошие люди!

Мы все очень ждали письма с фронта. Соседи в доме жили дружно, переживали друг за друга, отношения были теплыми. Вообще люди были тогда сплоченнее, мягче, добрее, сердечнее, и дети были дружнее.

Хоть и свирепствовала блокада со всеми ее ужасами, все равно дома собирались подружки мамины, они же были все молодые женщины. Нам, детям, очень нравилось, что не было света, так уютно. Они под коптилочку вязали для фронта носки и варежки, шутили, смеялись, хотя все родственники были на фронтах, да и самим жилось несладко, все днем работали и на крышах дежурили.

Потом то, что было связано, мы свозили в пункт приема подарков на 8-й Красноармейской улице, и оттуда отправляли бойцам на фронт. Мы в классе тоже принимали участие в подготовке посылок: делали шарики к Новому году, рисовали рисунки, военным передавали привет, писали, что ждем победу, желали им разбить врага и невредимыми вернуться домой.

Во время войны и блокады все мы, кто учился в школе, были прикреплены к военному госпиталю на набережной реки Фонтанки. Там мы стирали и скручивали бинты для раненых, а также ухаживали за ними. Наша учительница, Мария Ивановна Прохорова, очень хорошо пела, и мы вместе с ней выступали перед ранеными — песни пели, стишки рассказывали. Нас очень хорошо встречали, ждали наших приходов.

Учительницу свою мы любили, она очень приятная была, все время успокаивала нас, говорила, что скоро война пройдет, все будет хорошо. Мы с удовольствием ходили в школу.

Кроме учебы, организовывали для нас и досуг. Запомнилась школьная елка в 1942 году. Мы все делали сами, мастерили игрушки, украшали. Удивительно: уже был голод и карточки, но все-таки детям делали елки, а на новогоднем празднике давали нам мандаринчики.

Во время учебы в школе мы выезжали со всеми учениками, кто мог, на подсобные хозяйственные работы в Токсово. Там мы пололи

Во время войны и блокады все мы, кто учился в школе, были прикреплены к военному госпиталю на набережной реки Фонтанки.

сорняки, собирали сено и траву, чистили корнеплоды для раненых бойцов в госпитале. За добросовестный труд и выполненные для фронта работы нас, в том числе и меня, наградили медалью «За оборону Ленинграда» 4 декабря 1943 года.

По окончании школы нас в период блокады привлекли к выполнению заказов оборонного значения — изготовления боеприпасов для фронта. И вместо иждивенческой карточки на продукты нам выдавали карточки на продукты усиленного питания.

Все девятьсот дней и ночей я была в Ленинграде.

Правнуки сейчас удивляются, когда я показываю им, как выглядит блокадная порция хлеба — 125 граммов. Они говорят: «Это же много!» А я им отвечаю: «Это вам так кажется. Вам и не нужно есть столько хлеба, ведь у вас всегда есть много вкусненького и разнообразного: и яблочко, и йогурт, и котлетка, и конфетка. А у нас этот кусочек хлебушка — дневная норма — и вся еда была».

После войны я окончила Ленинградский кораблестроительный институт по специализации инженер-экономист. Работала в комсомольских организациях Ленинского и Московского районов, в обкоме профсоюзов судостроительной промышленности, в Совете народного хозяйства. Выйдя на пенсию, с 1989 года работаю на общественных началах с блокадниками, с 1995 года возглавляла первичную общественную организацию «Жители блокадного Ленинграда», а с 2008 года являюсь председателем общественной организации общества «Жители блокадного Ленинграда» Фрунзенского района.

Мы в обществе ЖБЛ продолжаем жить активно и с пользой, много встречаемся с молодежью, чтобы рассказать о днях блокады и помочь найти правильные ориентиры в жизни. Наш девиз: помоги сегодня тому, кому хуже, чем тебе. Если не любить людей, жить невозможно.

По окончании школы нас в период блокады привлекли к выполнению заказов оборонного значения...

ВИДЯЕВА ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА

«ВСЮ ВОЙНУ ТЯЖЕЛО РАБОТАЛА — ВАЛИЛА ЛЕС, СПЛАВЛЯЛА БРЕВНА В КОМАНДЕ ЖЕНЩИН, ЗАТО НАС КОРМИЛИ ТРИ РАЗА В ДЕНЬ И БЫЛО ГДЕ ЖИТЬ»

Я родилась 7 июня 1918 года в Пензенской области. Семью раскулачили, отца осудили. Нас было восемь детей, остались мы без кормильца. Работали на оставленном земельном участке, но выращенный урожай у нас отбирали. Начался голод.

В 1931 году уехали в Ленинград. Остановились у своих деревенских знакомых, уехавших раньше. Работали на строительстве овощной базы на Средней Рогатке. От базы был построен дом, где поселилась наша семья Видяевых.

Когда в 1941 году началась война, мне было 23 года, работала на фабрике Главленснаб на Московском проспекте. С началом блокады не эвакуировалась, продолжала трудиться.

Зимой 1942 года уехала валить лес на станцию Проба Всеволожского района, где предоставляли трехразовое питание и жилье, трудилась там до 1945 года. Работали возле Дороги жизни, над нами летали немецкие самолеты. Был смешной случай: начальница, женщина крупная, кинулась прятаться между двух сосен, растущих очень близко. После налета ее не могли найти — оказалось, застряла меж стволов... .

После лесоповала на реке Свирь сплавляла лес в команде женщин. Сплавляемый лес тянули вручную веревками. Разбирали завалы. Конечно, и валка леса, и транспортировка бревен по воде — это тяжелый мужской труд под открытым небом, нередко — в самую ненастную погоду. Перенесла заболевание малярией. Но я была старательной работницей, меня отмечали неоднократно грамотами.

При такой тяжелой работе не теряли оптимизма. Помню частушку, которую сочинили из-за плохого отношения начальника:

У Сараева работали,
Питались водой,
Ни хрена не заработали,
Пошли пешком домой.

Сидит Сараев на заборе,
Плетет лапти языком,
Чтобы вшивая команда
Не ходила босиком.

За работу нам давали 50 граммов водки, но мы не пили, собирали выданную жидкость и меняли на хлеб.

Осенью 1945 года вернулась в город, три года работала грузчицей, затем вернулась на свою довоенную работу, на фабрику, где и трудилась до самой пенсии.

Дом, в котором мы жили с семьей до войны, пошел на капитальный ремонт. Я получила комнату на Софийской улице, живу здесь до сих пор. Мне уже за девяносто, я член Общества жителей блокадного Ленинграда и благодарна за внимание ко мне.

Конечно, и валка леса, и транспортировка бревен по воде — это тяжелый мужской труд под открытым небом, нередко — в самую ненастную погоду.

ЧЕКМЕНЕВА
ПОЛИНА ПАВЛОВНА

«САМОЕ ТЯЖЕЛОЕ ВОСПОМИНАНИЕ — КАК РАЗЛИЛА ВОДУ, С ТРУДОМ ДОБЫТУЮ В ПРОРУБИ, И ГОРЬКО ПЛАКАЛА, А КОГДА ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ УМЕРЛИ РОДИТЕЛИ, ПЛАКАТЬ НЕ МОГЛА — СЛЕЗ УЖЕ НЕ БЫЛО»

Родилась я 5 мая 1927 года. До войны мы жили на Крестовском острове, — Константиновский проспект, дом 5, недалеко от ЦПКиО имени Кирова. Там прошло мое детство.

Война всем людям принесла много горя, и моей семье тоже: в блокаду умерло три моих близких человека. В феврале 1942 года умер племянничек, ему было полтора года. Через месяц умерла мама. А еще через месяц, в апреле 1942-го, — папа. Я осталась в квартире одна, на первом этаже трехэтажного дома.

Хорошо, что школа тогда поддержала (в апреле или мае 1942 года): нас собрали, было намерение начать занятия, чтобы не пропустить учебный год. Мы сдали в школу наши продовольственные карточки. Но ничего не получилось, видимо, не хватало учителей. Однако главным было то, что нас хоть и не учили, но кормили (завтраками, обедами, а был ли ужин, я уже не помню).

Помню, как трудно мне было ходить в школу. Ноги плохо двигались, и я после завтрака домой не уходила, а сидела на корточках у теплой стены школы. Была хорошая погода, солнышко, которому мы очень радовались. Сидела и ждала обеда.

На завтрак нам давали кашу из пшена или овсянки с добавлением лебеды. В обед — щи из крапивы, на второе — котлеты из лебеды с пшеном. Учительница раздавала кусочки хлеба. Ребята, особенно мальчишки, кричали: «Мне горбушку!» Всем казалось, что она большая. Учительница следила за очередностью, говорила: «Тебе вчера была горбушка, другие тоже хотят».

Благодаря этим немудреным школьным обедам со свежей зеленой травкой мы стали крепче стоять на ногах, и я уже увереннее стала доходить до дома.

Из всех блокадных трагических воспоминаний одно для меня самое тяжелое и незабываемое.

Известно, что в блокаду не работал водопровод, и за водой мы ходили на Неву. Мои родители уже не вставали с постели. Я одна ходила за водой с саночками, к ним привязывала кастрюлю. Брала с собой кружку, которой черпала воду из проруби.

Пришла на реку. Взяла кружку, чтобы зачерпнуть воду из полыньи, а кружка не пролезает — лед забил лунку, ведь были страшные морозы, Я села на санки и стала ждать, когда кто-нибудь придет и пробьет эту лунку. Так часто было, и люди приходили с инструментами, чтобы пробить лед. Долго никого не было, я страшно, до предела замерзла, но уйти без воды не могла. И вот пришел какой-то дедушка, у него был на этот случай какой-то тяжелый предмет. Он пробил лунку, набрал себе воды. А у меня до того окоченели руки, что я вообще не могла разогнуть их и набрать воду. Он заметил это, наполнил кастрюлю водой. И я, счастливая, поехала домой.

Дошла до своего дома, до крыльца, и стала снимать кастрюлю своими замерзшими, окоченевшими руками — и тут кастрюля у меня упала, а вода, которую я так мучительно добывала, разлилась. Моему отчаянию не было предела!

Я пришла домой с таким горем, со слезами. Мама стала меня успокаивать, достала припрятанный кусочек дуранды, дала мне.

Это произошло в январе 1942 года, и у меня еще нашлись слезы из-за этой разлившейся воды. А когда через месяц умерли родители, я уже не плакала: слез не было. Видно, слезы замерзли вместе со мной...

Я одна ходила за водой с саночками и к ним привязывала кастрюлю.

На завтрак нам давали кашу из пшена или овсянки с добавлением лебеды

КАЦМАН
РУДОЛЬФ БОРИСОВИЧ

«ВЕЗЯ МЕНЯ НА САНКАХ, МАМА ОТТАЛКИВАЛА НОГОЙ ТРУПЫ, А МНЕ КАЗАЛОСЬ, ЧТО ЭТО ПОЛЕНЬЯ, И Я МЕЧТАЛ: ВОТ БЫ ИХ К НАМ В БУРЖУЙКУ»

Три детских воспоминания о войне

Детские воспоминания очень своеобразны и обрывочны. Лично у меня в сознании остались три воспоминания о войне.

Перед войной я с родителями жил на Гражданской улице (это вблизи Сенной площади). Отец сразу ушел на фронт, где был тяжело ранен, и 30 июля 1941 года моя мать уже стала вдовой. Она работала на заводе им. Марти (теперешний Адмиралтейский завод), а я пошел в заводской ясли-сад.

Во время одной из маминых командировок наша комната была разрушена, и мы с мамой переселились на Гороховую улицу. Она на работе перешла на казарменное положение, а я круглосуточно находился в заводских яслях.

Теперь о воспоминаниях.

После одного из немногих выходных мы рано утром едем на завод (ехать надо было до Калинкина моста, где находился завод). Я в саночках, мама с трудом везет их среди снежных сугробов и ногами все время отталкивает какие-то поленья. Сейчас я понимаю, что это были трупы умерших, а тогда думал: вот бы эти дрова нам домой, чтобы топить буржуйку…

Мы вечером сидим дома, у нас собрались соседи по коммунальной квартире, и при свете топящейся буржуйки все слушают радио, где рассказывают о том, что в одной из деревень немцы заживо сожгли женщин и детей в сарае.

На одной из площадей Ленинграда — толпа народа, я у мамы на руках, и все смотрят, как вешают немцев, а мама говорит: «Это они убили твоего папу!»

Во время одной из наших командировок наша комната была разрушена, и мы с мамой переселились на Гороховую улицу.

САВВИНА
ЛАРИСА АЛЕКСЕЕВНА

«ПОСЛЕ БОМБЕЖКИ ОСКОЛКОМ У КУКЛЫ СРЕЗАЛО ВЕРХНЮЮ ЧАСТЬ ГОЛОВЫ, Я ЗАСУНУЛА ТУДА РУКУ И ДОСТАЛА ГЛАЗА»

Родилась я в Ленинграде 8 марта 1938 года. Мой отец, Саввин Алексей Андреевич (1898 года рождения) — уроженец г. Елец Орловской области. Моя мать, Нина Викторовна (1912 года рождения) — коренная ленинградка. Ее отец, Лаврентьев Виктор Тимофеевич, уроженец Санкт-Петербурга, проживал на Литейном проспекте, дом 11. Мои родители жили на улице Средняя Подьяческая, дом 11, в коммунальной квартире.

Отец был подполковником, работал в Петропавловской крепости начальником химмастерских. Мать — телефонисткой на городской телефонной станции на улице Герцена.

В 1940 году отца направили работать в г. Плунге Латвийской ССР (8-я армия 10-я стрелковая дивизия). Мы уехали туда вместе с ним. Весной 1941 года он нас привез в Ленинград, а сам уехал служить обратно в Прибалтику.

Блокаду мы встретили в Ленинграде. Нам неоднократно предлагали эвакуироваться из города, но мать отказывалась, мотивируя это тем, что за ней приедет муж. Отец погиб в первые дни войны, и до сих пор мы не знаем, как он погиб и где, хотя пытались его разыскать. А прибалты молчат, кроме похоронки, нам ничего не прислали.

В марте 1941 года мне исполнилось три года и я, конечно, не могла судить по-взрослому, что такое война и что такое блокада. Я очень хорошо помню, что мы все время лежали. Жили все жильцы коммуналки на кухне. Стояла буржуйка, топили книгами (у отца

было много книг и ящик, в котором они лежали). Квартира находилась на втором этаже. В нашей парадной, в подвале, было бомбоубежище, куда прятались при воздушной тревоге.

Наш Октябрьский район бомбили чаще других (из рассказов матери). Мы настолько устали от бесконечных хождений в бомбоубежище, что однажды мать легла к нам на кровать, обняла нас и сказала: «Будь что будет, если разбомбит, то всех вместе, в бомбоубежище не пойдем!» Но санинструкторы все же заставили нас туда спуститься. В кухне на табуретке осталась сидеть моя кукла Галька с закрывающимися глазами, которую мне привез отец из Прибалтики.

После отмены воздушной тревоги, когда мы вернулись, я увидела свою куклу. Прямым попаданием дом № 12 напротив нашего был разбомблен, у нас вылетели все стекла, и осколком у куклы срезало верхнюю часть головы. Мне было любопытно: почему у куклы закрываются глаза? Я засунула туда руку и достала глаза. Обратно вставить их мы уже не смогли, и эти темные провалы глазниц, еще страшнее при свете маленького огонька коптилки, очень долго преследовали мое воображение, особенно в темное время суток.

Помню, как соседка, работавшая на витаминной фабрике на улице Римского-Корсакова, приносила крохотные таблетки сахарина и фруктовую эссенцию для конфет, которую мы капали в кипяток вместо чая. До сих пор не люблю фруктовые конфеты.

В блокаду умер мой дед Виктор Тимофеевич, который работал электриком в Госбанке на набережной канала Грибоедова, дом 30/32, напротив Казанского собора, а другой стороной банк выходил на Садовую улицу (сейчас там ФИНЭК). Со своей женой они проживали при банке в отдельной трехкомнатной квартире. Однажды он пошел на работу, упал и умер. Его похоронили на Митрофаньевском кладбище, а после того как там стали строить Новоизмайловский проспект, его перезахоронили на Охтинском кладбище.

Нас очень поддерживала сестра матери, Уткина Лариса Григорьевна. У них на проспекте Коммуны на Пороховых был свой дом и небольшой участок земли. Она работала на заводе главным бухгалтером, жили при заводе на казарменном положении, но когда выдавались выходные, она по льду через Неву приходила к нам и приносила немного картошки и овощей. А еще я помню, как в солдатском котелке она приносила дрожжевой суп и говорила, что зачерпнула его со дна кастрюли, погуще.

В кухне на табуретке осталась сидеть моя кукла Галька с закрывающимися глазами, которую мне привез отец из Прибалтики.

Нам, детям, давали соевое молоко — очень невкусная штука, но голод не тетка, всё делили на всех и старались хоть чуть-чуть оставить на следующий день.

И еще я помню, как окна были заделаны подушками и разными вещами, чтобы не дай бог не осталось ни одной щелочки, а то дежурные, которые находились у ворот, свистели в свисток.

До войны я была избалованным ребенком, капризничала, отказывалась от еды. Если я упрямилась и не хотела обедать, отец грозился ремнем. А вот когда в блокаду я стала просить хлебца, мать говорила: «Вот теперь я поняла, что она действительно голодная».

В 1942 году летом нас вывез из Ленинграда мой дядя Саввин Иосиф Андреевич, родной брат моего отца, генерал-майор ИТС (инженерно-танковой службы). Он служил в управлении командующего бронетанковыми и механизированными войсками 2-го Украинского фронта, с августа 1943 года — заместитель по ремонту и снабжению. Сейчас его уже нет, он похоронен на Богословском кладбище, там стоит ему памятник.

Потом на поезде нас привезли в Ярославскую область, где мы прожили до 1944 года.

Осенью 1944 года мы вернулись домой в Ленинград. Мать устроилась на работу в трамвайный парк имени Коняшина на телефонную станцию. Я была устроена в детсад при трампарке на круглые сутки.

В 1945 году пошла в первый класс школы № 227 Октябрьского района.

Вот и все, что осталось в памяти, что я могу рассказать о блокаде. Сейчас мне 75 лет, я понимаю, какое это было страшное, тяжелое время. Бедная моя мамочка, как она страдала, а ей было всего 29 лет. Она больше замуж не вышла, посвятила себя дому и работе.

До войны я была избалованным ребенком, капризничала, отказывалась от еды

На фото:
Лариса Саввина с родителями, 1940 г.

На фото:
Лариса Саввина, 1940 г.

На фото:
в эвакуации, 1942 г. Слева направо: Лариса, мама, соседская девочка Неля Яковлева, младший брат Олег

На фото:
отец в Красной армии (первый ряд, второй слева), 1919 г.

На фото:
семья дедушки В. Т. Лаврентьева (первая справа — будущая мама Ларисы — Нина), около 1914 г.

На фото:
Лариса Саввина,
после войны

На фото:
старший брат
Владимир Саввин
(ныне подполковник в
отставке)

На фото:
младший брат Олег (сзади — дом
Саввиных на Средней Подьяческой улице)

КАПРАЛОВ
ГЕННАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

«ЧЕТВЕРО МОИХ РОДНЫХ ДЯДЕЙ УШЛИ ДОБРОВОЛЬЦАМИ НА ФРОНТ В САМОМ НАЧАЛЕ ВОЙНЫ — ВСЕ ОНИ ПОЧТИ СРАЗУ ПОГИБЛИ, ЗАЩИЩАЯ ЛЕНИНГРАД»

Родился я на 8-й Красноармейской в 1937 году. Некоторые моменты помню, когда мне было четыре года.

В июне мы с матерью в Ораниенбауме встречали отца, который после финской войны находился в Кронштадте. Помню залив, лодки с моряками и моего отца, который вышел на берег и взял меня на руки.

Война. Летом 1942 года я с мамой попал под обстрел или бомбежку. По небу летал самолет, потом сильный взрыв. Меня сильно оглушило, я перестал слышать. Через несколько недель слух постепенно стал возвращаться, но левое ухо утратило слух навсегда.

Помню, перед началом или в первые дни войны аэростаты, которые на канатах перемещали по городу, некоторые были высоко в небе.

Уже к середине 1941 года очень плохо стало с продуктами. Очень хотелось есть, это ощущение голода я запомнил на всю жизнь.

Соседи по квартире — еще мальчишки, лет по двенадцать-четырнадцать — бегали на Бадаевские склады, которые были разрушены бомбардировкой в сентябре и сгорели. Мальчишки в мешках приносили землю с территории склада, в нем было много песка сахарного и другие остатки продуктов. Все помещали в кастрюлю и кипятили, после чего разливали по кружкам и пили.

В 1942 году, где-то весной, отцу удалось нас отправить на поезде (наверное, товарном). Мы много дней добирались в Рязанскую область, на родину моих родителей. Во время поездки несколько

раз поезд бомбили и обстреливали немецкие самолеты, но мы, слава богу, остались живы.

Мои дедушка и бабушка не захотели уезжать из Ленинграда и умерли от голода. Моя мать не смогла вынести все переживания военного времени и умерла в 1945 году, не дожив до победы.

В 1946 году отец привез меня в Ленинград, и меня вместе со своим сыном воспитывала родственница.

Во время войны, в самом ее начале, четверо моих родных дядей ушли добровольцами на фронт — ни один из них не вернулся: все они почти сразу погибли, защищая Ленинград.

Соседи по квартире — еще мальчишки, лет по двенадцать-четырнадцать — бегали на Бадаевские склады, которые были разрушены бомбардировкой в сентябре и сгорели.

БЕЛОУСОВА
ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВНА

«МЫ С БРАТОМ ПОЛУЧИЛИ ПИСЬМО И ЖДАЛИ МАМУ, ЧТОБЫ ПРОЧИТАТЬ И ВМЕСТЕ ПОРАДОВАТЬСЯ, ВЕДЬ ОНО НАВЕРНЯКА ОТ ПАПЫ, НО МАМА, ПРОЧИТАВ, ОЧЕНЬ ПЛАКАЛА: ОТЕЦ ПОГИБ НА ФРОНТЕ»

Прошло уже семьдесят два года с начала той войны. У нас, бывших детьми в ту пору, многое стерлось из памяти.

Помню 8 сентября 1941 года — бомбили Бадаевские склады. Жили мы на Заозерной улице, которая находится между Обводным каналом и Киевской улицей. После пожара на складах мама приносила «сладкую воду», которую продавали предприимчивые люди.

Вспоминаю бомбоубежище, где мы с братом, заболев коклюшем, находились вместе с мамой в отдельном ото всех помещении. Мама в это время вязала защитные сети из какого-то материала, от которого у нее были руки в кровавых ссадинах.

Между посещениями бомбоубежища находились в квартире, с завешанными одеялами окнами, освещались коптилкой. Из еды помню дуранду и «жем» из клея.

Жила с нами бабушка, мамина мама, которая умерла в феврале 1942 года.

Помню, как радовались мы с братом, получив письмо, и ждали маму, чтобы она прочитала его. Ведь письмо — от папы. Он был,

как все мужчины, в армии. Но мама, прочитав письмо, очень плакала: в нем сообщалось: «Ваш муж, командир Красной армии, у меня на руках умер от ран». Это писал его сослуживец. Погиб отец на Ораниенбаумском пятачке.

А позднее получили известие о том, что мамин брат находится в госпитале, в возрасте девятнадцати лет он подорвался на мине и лишился ноги.

А потом была эвакуация.

Воспоминания об этих годах настолько тяжелы, что у нас в семье не было вечеров воспоминаний. Да и сейчас каждое воспоминание — слезы.

Между посещениями бомбоубежища находились в квартире, с завешанными одеялами окнами, освещались коптилкой.

На фото: родители

На фото:
Белоусова Лидия
с мамой и братом

На фото:
Белоусова Лидия
с братом, май 1945 г.

На фото:
школа, 1946 г. 5-й класс

На фото:
школа, 1947 г.

ДМИТРИЕВА (СИЗОВА)
АННА ИВАНОВНА

«Я ПОПАЛА ПОД ОБСТРЕЛ НА НЕВСКОМ ПРОСПЕКТЕ, ГДЕ МНОГИЕ ПОГИБЛИ, А МЕНЯ ОГЛУШИЛО, ПОШЛА ДАЛЬШЕ, НО МЕНЯ РАНИЛО ОСКОЛКОМ — ТАК Я, МЕДСЕСТРА, ВПЕРВЫЕ ПОПАЛА В ГОСПИТАЛЬ ПАЦИЕНТОМ»

Я родилась 28 апреля 1924 года на Смоленщине. Там же я окончила семь классов. В 1938 году переехала в Ленинград к своей старшей сестре.

Мне исполнилось семнадцать лет, когда началась война. Было теплое летнее утро, и тут из репродукторов все услышали голос Левитана: «На нашу страну напала Германия без объявления войны». На улице вокруг репродукторов толпились люди, все плакали, включая нас.

В начале войны сестру призвали в армию. У здания Московского исполкома собрали призывников и добровольцев, погрузили на машины и увезли. Я тоже решила пойти добровольцем на фронт, но меня не взяли из-за возраста.

Приехав к сестре в город, я устроилась на работу в швейный цех промкомбината Московского района. Но когда объявили военное положение, я поступила на курсы медсестер и окончила их на «отлично» 24 августа 1942 года, с правом работы медсестрой в гражданских и военных учреждениях. Мы все рвались защищать Родину.

С фронтов привозили окровавленную одежду, которую мы отмывали и штопали, приводили в порядок. Иногда в карманах шинелей находили «пистончики» с записками, где были указаны имя, фамилия, отчество бойца и откуда призывался.

Мне на всю жизнь запомнился первый год блокады, он был самым тяжелым. В цехе работали одни женщины, многие обессилели от голода и холода, многие умирали на рабочем месте. Те, кто покрепче, несмотря на бомбежки, голод и холод, обходили квартиры близстоящих домов, оказывали медицинскую помощь. Иногда заходишь в квартиру, а там лежит мертвая мать, и около нее живой ребенок, а иногда и вся семья погибала. Живых детей, независимо от возраста, устраивали в детские приемники, а мертвых захоранивали в братских могилах.

Я никогда не забуду, как в госпитале при медицинском институте имени Отта на Васильевском острове среди раненых увидела свою сестру. Однажды я ехала навестить ее (трамваи все еще ходили) и попала под обстрел на Невском проспекте. В наш трамвай попал снаряд, многие погибли, но меня только оглушило. Дальше я пошла через Дворцовый мост, но вновь началась бомбежка. Меня ранило осколком в ногу. Так я в первый раз попала в госпиталь в качестве пациента.

Когда рана зажила, меня откомандировали на курсы сержантского состава рабочих формирований внутренней обороны Ленинграда. После окончания я была назначена командиром взвода первой роты десятого стрелкового рабочего батальона для выполнения почетной задачи по защите города от немецко-фашистских варваров. Закончила войну в звании сержанта.

Весной 1945 года все население, от мала до велика, гражданские и военные, все, кто мог ходить, убирали улицы от нечистот, опасаясь эпидемии, разбирали разрушенные здания, приводили город в порядок. Вспоминаю то военное время и удивляюсь, откуда мы брали силы выдержать эти нелегкие испытания.

В День Победы все были очень счастливы и горды, главным образом, что наша страна одержала победу. Все обнимались и целовались даже с незнакомыми людьми, выпивали фронтовые сто граммов за победу и поминали всех, кто не дожил.

Живых детей, независимо от возраста, устраивали в детские приемники, а мертвых захоранивали в братских могилах.

ТОМИЛОВА
ЛЮДМИЛА ПАВЛОВНА

«МАМА С ЖЕНЩИНАМИ РЫЛА ОКОПЫ, А НЕМЕЦКИЕ САМОЛЕТЫ БОМБИЛИ ИХ И РАЗБРАСЫВАЛИ ЛИСТОВКИ: «ДОРОГИЕ ДАМОЧКИ! НЕ КОПАЙТЕ ДЛЯ СЕБЯ МОГИЛУ»

Вражеские танки быстро приближались к городу.

Когда началась война, мне исполнилось одиннадцать лет. Мы жили на Лесном проспекте. Моя мама работала в школе учительницей, а папа — инженером на заводе «Светлана». Он ушел на фронт добровольцем, окончив курсы младших летчиков.

Мама участвовала в подготовке школы к эвакуации. Мы тоже собирались уезжать, но пришло сообщение, что поезд с ленинградскими детьми разбила немецкая авиация в Новгородской области, и эвакуация по железной дороге прекратилась. Помню, что маму и многих других женщин отправили на оборонительный рубеж — рыть окопы, чтобы загородить немецким танкам путь к Ленинграду. Немецкие самолеты стали бомбить и разбрасывать листовки: «Дорогие дамочки! Не копайте для себя могилу».

Вражеские танки быстро приближались к городу. Все женщины с оборонительного рубежа пешком уходили в город. Наступала зима 1941—1942 года, самая холодная и самая страшная в моей жизни. Источником тепла стала печка-буржуйка, а источником света — коптилка. Дрова кончились, в печку уже бросили все деревянное и то, что может гореть: этажерки, стулья, книги. Последнее сжигать было очень жалко, поскольку имелись очень ценные издания.

Самыми тяжелыми для нас месяцами оказались декабрь и январь. Мама слегла и не вставала с постели. Мне самой пришлось

ходить за хлебом в булочную. Улицы города стали безлюдны, темны и мрачны, покрыты сугробами. Было ужасно страшно. Все окна завесили одеялами и тряпками, и даже света не стало видно. В булочной я долго стояла в длинной очереди. На одну детскую карточку выдавали где-то 125 граммов хлеба, и его необходимо было донести до дома, не уронить, самой не упасть и даже чтобы кто-то его не отнял (увы, и такое случалось).

Эту ужасную зиму не смогла пережить моя мать, и я осталась одна... Плача, пошла к соседям просить о помощи, чтобы похоронить маму, а они сами были полуживые. Но от мамы осталась карточка на хлеб, и соседка за нее согласилась отвезти маму на саночках туда, куда складывали всех умерших. Мы жили на Выборгской стороне, это относительно недалеко от Пискаревского кладбища. После войны я узнавала: из Выборгского района в 1942 году хоронили на Пискаревском кладбище. Я теперь прихожу туда поклониться захороненным...

Как выжить одной в блокадном городе зимой? И я решила идти пешком к своей родной тете на Петроградскую сторону, на улицу Куйбышева. Она работала на машине-полуторке, вместе с ней работала бригада девушек, восемь человек. Они с городских улиц вывозили трупы погибших ленинградцев. Куда вывозили — не знаю, но их было очень много...

Уже в наше время я была на экскурсии в музее Спас на Крови, и нам рассказывали, что во время блокады этот храм превратили в гигантский морг, трупы там лежали чуть ли не до самого потолка.

Помню холод и голод, но еще было очень плохо с водой. У нас во дворе стояла колонка. Сначала из нее качали воду, но потом перестали, и она лилась постоянно. Требовалось к ней подобраться, но кругом высились горы льда. Я уже не помню, как я лазила на эти горы, помню только, сколько слез было пролито. А в результате до дома доносилось воды как кот наплакал.

Спали мы одетые в пальто и валенки. Не секрет, что у всех были бельевые вши, но когда открылись бани, их, конечно, не стало.

Что удивительно, как-то быстро в нашем городе навели порядок и чистоту. Боялись эпидемии холеры, были приняты все меры по санитарной профилактике. В городе открылись бани. Мылись вместе, мужчины и женщины, но мужчин почти что не было. Открылись профилактории, в которые направляли горожан с сильной дис-

Она работала на машине-полуторке, вместе с ней работала бригада девушек, восемь человек.

трофией. В садах, парках и скверах пололись грядки. Ленинградцы стали выращивать разные овощи.

Возобновилась учеба в школе, и меня туда направили. В здании Нахимовского училища обучали детей со всего Петроградского района. Я вспоминаю, как в пятом классе нас учили ползать по-пластунски с сумкой Красного Креста, перевязывать и останавливать кровотечения. Все учения проходили около памятника миноносцу «Стерегущий». Я немного знала азбуку Морзе и работу на ключе. Наверное, нас готовили на случай уличных боев.

Когда мы проходили мимо Гостиного двора, было видно, что все четыре стены здания закрыты до потолка мешками с песком, а в середине оставлены окошечки-амбразуры — защитные укрепления на случай уличных сражений. Многие здания и стратегические объекты заминировали.

Честно признаюсь: хоть я и ходила в школу, но учиться мне не давала одна мысль — о еде. Учительница, видя мои мучения, сказала: «Тебе надо устроиться на работу, без рабочей карточки ты погибнешь». Она посоветовала мне пойти на работу в мастерские по пошиву военного обмундирования (они находились в районе Апраксина двора).

Со школы направили на работу меня и еще одну девочку. Собралось нас в мастерской шесть подростков двенадцати—тринадцати лет. Мы учились шить одежду для военных. Особенно тяжело давалось шитье шинелей, они были очень тяжелые для нас. Работали по десять часов, а после шли на разборку разбитых артиллерийскими снарядами и бомбами домов. Также нас направляли в госпиталь к раненым, и мы помогали писать им письма, рассказывали стихи. Солдаты на нас смотрели как на своих детей.

Жить в Ленинграде в 1943 году стало значительно легче и лучше. Я получала рабочую карточку и мне как работнице давали билеты в Театр музыкальной комедии. Почему мы туда ходили с девчонками после работы? Когда смотришь спектакль, не помнишь о еде, чуть-чуть забываешься, ведь очень мучительно все время думать о ней. Я все еще была дистрофиком, хотя уже работала, и рабочая карточка увеличилась в два раза — 250 граммов хлеба.

Театр музкомедии находился в здании Александринки. Если начинался артиллерийский обстрел во время спектакля, выходил человек и громко говорил, чтобы мы все покинули здание. После окончания артобстрела мы возвращались и продолжали просмотр.

Особенно тяжело давалось шитье шинелей, они были очень тяжелые для нас.

Про театр многие не верят, что в блокадном осажденном городе он мог работать, почему-то об этом мало говорят. Артисты выступали перед истощенными детьми и военными, прибывшими в командировку ненадолго в город с фронта. Репертуар был такой: «Летучая мышь», «Сильва», «Баядерка», «Фиалка Монмартра» и другие. Всех артистов я помню по фамилиям: Колесникова, Свидерский, Корольквич, прима-балерина Пельцер и так далее. Они все выступали не только в городе, но и ездили по фронтам с концертными бригадами.

Мой отец как-то приезжал на побывку. Я помню, как мы с ним ходили отмечаться в военную комендатуру на Садовую улицу. Там находилась и столовая для командного состава. Он привел меня туда и смотрел, как я ела, а по его щекам катились слезы.

Запомнила, когда наконец-то прорвали блокаду: по Невскому проспекту прошли колонны воинов-освободителей Ленинградского и Волховского фронтов. Кроме военных, шли и героические партизаны Ленинградской области, их можно было узнать по красным ленточкам на шапках. Рядом со взрослыми маршировали и маленькие мальчики двенадцати—тринадцати лет, такие же, как и мы.

В 1944 году меня наградили медалью «За оборону Ленинграда» (№ АД 61737). Торжественная церемония награждения проходила в бывшем дворце Белосельских-Белозерских на Невском. Мне было всего четырнадцать лет.

Как же мы мечтали об окончании войны! Наши войска уже взяли Берлин, все вот-вот ждали объявления победы. Мы после работы собирались у репродуктора на Невском проспекте, надеясь, что объявят. Первое мая, второе, третье, четвертое... каждый день в ожидании. Потом расходились.

Девятого мая объявили об окончании войны. Весь народ вышел на улицы, все обнимались, целовались друг с другом, ликовали, кричали: «Ура!», плакали от счастья.

Рядом со взрослыми маршировали и маленькие мальчики двенадцати—тринадцати лет, такие же, как и мы

АЛТЫНОВА (НИКИТИНА)
ЛЮДМИЛА ЗАХАРОВНА

«КОГДА БЛОКАДУ ПРОРВАЛИ, В ДЕТСКОМ ДОМЕ СТАЛИ ДАВАТЬ УВЕЛИЧЕННЫЕ ПОРЦИИ ХЛЕБА, НО ВСЕ РАВНО МЫ НЕ ДОЕДАЛИ ЕГО, А ПРЯТАЛИ НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ ПОД МАТРАЦ»

Когда объявили войну, я с родителями находилась в городе. Начался голод, и 17 марта 1942 года умерла мама. Отец работал, и мы с братом целыми днями сидели дома одни. Когда его взяли в армию, двоюродная сестра отдала нас в 49-й детский дом, где мы и пробыли всю войну.

Что мне запомнилось? Конечно, страх во время бомбежки, прежде всего.

В детдоме мы учились, а также ездили в госпитали, выступали там. Я любила танцевать, как получалось — так и танцевала. А потом к нам пришли педагоги из хореографического училища им. Вагановой и отбирали детей учиться. Я попала в их число.

Нас было пять девочек. Из детдома до училища расстояние около трех километров. На занятия утром и вечером мы ходили вместе. Но не по тротуару, а по середине дороги, потому что нас предупреждали, что появились людоеды. Это было страшно.

Когда открылась Дорога жизни, детей стали вывозить на Большую землю. Отец очень просил нас не отправлять — боялся потерять. Так мы всю войну и пробыли в Ленинграде. И холод, и голод, и бомбежки — все прочувствовали.

Запомнился мне день прорыва блокады. Канонада длилась несколько часов. А когда нам сказали, что блокаду прорвали, мы все прыгали, радовались и плакали одновременно.

После постоянного голода мы вдруг на столе во время еды обнаружили увеличенные порции хлеба, появилась булка. Но все равно мы не доедали эту порцию, а прятали на всякий случай под матрац.

Слушали радио. Радовались голосу Левитана, сообщавшему об освобождении наших городов от немцев, о героических подвигах наших солдат. И мы нисколько не сомневались, что победим.

СКОРНЯКОВА
ЛЮДМИЛА ГРИГОРЬЕВНА

«К НОВОМУ ГОДУ В ДЕТСАДУ КЛЕИЛИ ИГРУШКИ: КАЖДЫЙ ДОТРАГИВАЛСЯ ПАЛЬЧИКОМ ДО КЛЕЯ ИЗ МУКИ, ПОКАЗЫВАЛ, ЧТО ВЗЯЛ ЧУТЬ-ЧУТЬ, МАЗАЛ БУМАГУ И УЖЕ ЧИСТЫЙ ПАЛЕЦ ОБСАСЫВАЛ ВО РТУ, ВДЫХАЛ ЗАПАХ НА КОЖЕ»

За два дня до начала войны мне исполнилось четыре года. В нашей комнате собрались дети дружной двенадцатисемейной коммуналки, в которой мы жили. После праздничного стола мои гости читали стихи, пели, танцевали, рассматривали подаренные книжки и цветные карандаши. Было очень весело.

Но через два дня жизнь внезапно полностью изменилась: началась война. В первый же день ушел в военкомат папа, еще не оправившийся после ранения в финской войне. Наши мамы (моя и моих друзей) после трудового дня уходили на оборонительные работы. Мы, дети, узнали новые слова: мобилизация, эвакуация, бомбоубежище, противогаз, противотанковые ежи, светомаскировка и многие другие.

Как в мирное время, продолжал работать детский сад. Моя мама трудилась воспитательницей в младшей группе. А я была в старшей, чувствовала себя очень взрослой. Детский сад готовили к эвакуации.

На время пути уже получили продукты, но вывезти нас не успели. Тогда рядом со зданием детского сада соорудили крытую траншею, заменившую нам бомбоубежище.

Детская любознательность влекла нас посмотреть то на натянутую маскировочную сетку, то как мешками с песком укрывали Медного всадника. Или позади строя новобранцев мы «шли на фронт» (меня так трижды возвращали домой). Но при этом на нас никто нигде ни разу не накричал, не оскорбил и не обозвал.

Все новое врезалось в детскую память: и походы за водой к другому берегу Невы (там стоял корабль и матросы оббивали вокруг него лед и не позволяли проруби рядом замерзнуть), и первый разрушенный бомбой дом на углу проспекта Маклина — ныне Английском (до войны он назывался в народе «Дом-сказка»), и многое другое вроде холода и голода. А среди людей запомнилось взаимоуважение и стремление поддержать друг друга.

Детский сад продолжал работу. Уже стали привычными бомбежки, артобстрелы, нахождение в крытой траншее. Вдоль длинного стола из досок там были вкопаны скамьи. Дети уже не были подвижными и веселыми, сказывались голод и холод, мы по-взрослому переживали трудности. Но воспитатели все-таки находили возможности для поддержания оптимизма, воспитания в нас честности (особенно в отношении еды), аккуратности, вежливости и других прекрасных человеческих качеств.

В декабре шла подготовка к новогодней елке. Объявили тревогу, и все спустились в траншею. Мы молча сидели за столом и прислушивались к тому, что делается наверху. Вдруг нас прижало грудью к столу, сверху посыпался песок — это содрогнулась земля. Когда объявили отбой тревоги и воспитатели вывели нас из траншеи, снаружи уже толпились наши мамы. Каждая ухватила своего ребенка, прижимала, целовала, а по улыбающимся счастливым лицам текли слезы: живы! И все что-то говорили, говорили, говорили.

Оказалось, что в нашу группу попал артиллерийский снаряд, он разрушил колонну у входа, стену и воткнулся в пол под батарею. Стены почернели от сажи, пол засыпан обломками. Вызвали сапера. Кроме персонала, всех попросили уйти. Я осталась, попыталась незаметно для взрослых что-то увидеть. Коптилкой освещали саперам снаряд, работали они очень осторожно. Тогда я впервые услышала слово «антифашисты». Вместо пороха в снаряде оказался насыпан речной песок! Чужие рабочие, в другой стране рисковали своей жизнью и спасали незнакомых им людей. И разделились в моем сознании два понятия: фашисты и немцы.

Вдоль длинного стола из досок там были вкопаны скамьи.

На несколько дней детский сад закрыли. Несмотря на то что после артобстрела было сломано пианино, подготовка к Новому году продолжалась. Дети клеили игрушки для елки, учили песни и стихи. Действие «клеили» хочется пояснить: ни клея, ни бумаги не было, игрушки делали из газет, а клей заваривали из муки, но в мизерном количестве. По очереди каждый из нас дотрагивался пальчиком до поверхности и показывал всем, что взял чуть-чуть. Потом мазал склеиваемое место, а уже чистый от клея палец брал в рот и обсасывал, а потом ходил и нюхал запах клейстера на коже.

Вместо разбитого пианино моя мама принесла нашу гитару. Черная, блестящая, с перламутровой инкрустацией, она выглядела празднично, и Новый год состоялся. Было почти все: праздничная елка, игрушки, песни, стихи и хороводы, мы веселились. Но как сильно это веселье отличалось от того, что было в мой день рождения, который отметили за два дня до начала войны!

Я благодарна работникам нашего детского сада, они сохранили всех, ни один ребенок не умер. Высокой духовностью города можно объяснить и стойкость ленинградцев во время блокады, и силу духа наших пенсионеров-блокадников уже в наше время.

Сохранилась фотография, где я с папой, уходившим добровольцем на финскую войну. С этим снимком мой отец прошел две войны. Дети, фотографии которых были у каждого отца, постоянно, в любом бою увеличивали жизненные силы и стойкость родителей.

По очереди каждый из нас дотрагивался пальчиком до поверхности и показывал всем, что взял чуть-чуть.

ТЕРЕНТЬЕВ
ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

«С ОТКРЫТКОЙ СВЯЗАНЫ МОИ САМЫЕ РАННИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О БЛОКАДЕ, НА ОТКРЫТКАХ ОТСЫЛАЛИ РОДНЫМ ВЕСТОЧКИ В АРМИЮ, ДА И СЕМЕЙНЫЙ ФОТОАЛЬБОМ ПОПОЛНЯЛСЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ НЕ СЕМЕЙНЫМИ СНИМКАМИ, А ОТКРЫТЫМИ ПИСЬМАМИ С ФРОНТА»

Я родился в 1934 году в Ленинграде. Наша простая ленинградская семья Терентьевых состояла из шести человек. В ее состав входили: дед (по матери) Георгий Капитонович, мать Зиновия Георгиевна, отец Александр Александрович, дядя со стороны матери Герман Георгиевич и мы — я и сестра Зинаида.

Мы все безропотно переносили неповторимую по лишениям жизнь в осажденном городе. Дед находился на пенсии. Отец до войны работал бухгалтером на фабрике имени Первого Мая, но после ее остановки и увольнения он, используя свое художественное образование, стал работать художником-оформителем в районном жилищном управлении Ждановского района г. Ленинграда. В связи с тяжелой болезнью (туберкулез) он часто лежал в больницах, когда же возвращался домой, то я запомнил его постоянно склоненным над столом, на котором он писал лозунги на обратной стороне обоев (другой бумаги не было)

и на красной материи, рисовал агитационные плакаты и оформлял стенгазеты.

Мать работала медсестрой в системе райздравотдела, но часто во время блокады ей приходилось рыть окопы, разбирать деревянные дома на топливо, трудиться на торфоразработках.

Мы жили на Корпусной улице, где находились заводы и фабрики, в том числе и завод «Вулкан».

В декабре 1941 года мы с сестрой часто ездили за водой на Неву. На санки, сделанные дедом, мы ставили два ведра и ковшик. Ехали сначала по Корпусной улице, потом сворачивали на Малую Зеленина, подъезжали к Неве и напротив проходной завода «Вулкан» черпали из полыньи ковшиком воду. Однажды на улице мы увидели труп, с которого была сорвана одежда и вырезаны мягкие части тела. Мать потом вспоминала, что она не знала, что ответить на наши вопросы по этому поводу. В конце декабря мы уже не ездили за водой, так как дети стали пропадать и родители нас уже не отпускали.

Вспоминаю одну из первых бомбежек. Вражеский налет авиации состоялся поздно вечером 10 сентября, на третий день блокады. У нашего дома бомбоубежища не было. После объявления тревоги родители ставили нас с сестрой у входной двери квартиры, потому что часто бывало, что после попадания бомбы в дом лестничная клетка оставалась нетронутой. На этот раз нас подняли уже с постели и поставили на вышеуказанное место. Внезапно наш дом несколько раз тряхнуло. Оказывается, через два квартала от нас упали четыре фугасные бомбы на перекресток улицы Большой Зеленина и Геслеровского проспекта (ныне Чкаловский проспект). В результате, как стало известно на следующий день, этими бомбами был разрушен дом 25 и повреждены дома 27/14 и 26/9. Погиб постовой милиционер.

Особенно тяжело было в конце 1941 — начале 1942 годов. «Смертное время», — так, по свидетельству писателя В. В. Бианки, называли ленинградцы этот период. Истощение, холод, отсутствие цивилизованного быта, болезни, апатия во всех ее проявлениях — все это пришлось испытать нашей семье, как и остальным жителям, остававшимся в городе.

Вскоре наша семья понесла невосполнимые утраты: в декабре 1941 года умер дедушка, а в апреле 1942 года, также от голода, умерла моя сестра Зина, ей было всего четырнадцать лет.

В конце декабря мы уже не ездили за водой, так как дети стали пропадать и родители нас уже не отпускали.

Моя мама послала открытку своему брату Герману с известием о смерти его отца и племянницы. Через некоторое время мы получили ответ от дяди Германа на открытке с портретом Героя Советского Союза летчика Н. Я. Тотмина. Дядя писал: «С боевым приветом к вам ваш брат Геха. Здравствуйте, мои братья и сестра. Пишу открытку с нового места, т.е. подъехал ближе к фронту. Вероятно, скоро вступим в бой с проклятыми немецкими захватчиками, будем мстить за разорение и издевательства наших городов и сел. Зина, очень прошу, за меня не беспокойся. Я должен расплатиться за папу и племянницу, за вас всех, а что будет со мной — это неважно для меня, если надо, отдам и жизнь за будущее наших детей и свободу Родины. Привет всем знакомым. Герман. 13.08.42 года. Действующая Красная армия. Мой адрес: почтовая станция 2467 106 М.С.П.Б. Т.Г.Г.».

В августе 1942 года дядя Герман погиб в танковой атаке.

После смерти сестры я остался один у родителей и обязательной эвакуации уже не подлежал, так и прожил в осажденном Ленинграде все тяжелые девятьсот дней блокады.

Семейный альбом нашей семьи в годы блокады не пополнялся фотографиями, последний снимок с сестрой был сделан в мае 1941 года. В альбоме все чаще стали появляться открытые письма с фронтов от оставшихся в живых дядей со стороны матери и отца, а также купленные по случаю неиспользованные открытки.

С течением времени количество открыток увеличивалось. Так как мы из города никуда не выезжали, альбом сохранился до настоящего времени. Теперь у меня небольшое собрание блокадных открыток. Некоторые знакомые называют это коллекцией. Но для меня это не коллекция — это моя жизнь в период блокады. Выдающийся русский поэт В. А. Жуковский писал: «...Существует только то, чего уже нет. Будущее может не быть; настоящее может и должно перемениться; одно прошедшее не подвержено изменяемости: воспоминание бережет его...»

В июне 1942 года мне исполнилось восемь лет. Осенью открылись в Ленинграде школы, и я пошел в первый класс. Школа размещалась в помещении школы для слепых на Песочной улице. Добираться до нее было нелегко и жутко, так как приходилось ходить по пустынной Барочной улице, на которой было мало домов, а зимой — сплошные сугробы.

Самые ранние мои воспоминания в условиях блокады связаны с открыткой художника А. Ф. Пахомова «Папа, убей врага!»

Через некоторое время мы получили ответ от дяди Германа на открытке с портретом Героя Советского Союза летчика Н. Я. Тотмина.

(1942 год). На открытке изображен мальчик в буденновке с игрушечным ружьем за плечами, который, сидя за столом, пишет письмо отцу на фронт.

Много эмоций вызвала у меня сатирическая открытка художника Л. Самойлова «Новогодняя ночь в партизанском отряде» (1943 год). Открытка изображала закутанного немецкого солдата в разорванной шинели, которого вел под конвоем партизан в полушубке с автоматом. Под рисунком было четверостишие поэта Б. Тимофеева:

Зима. Крестьянин, торжествуя,
Карлушку пленного ведет...
Фашист, винтовку сзади чуя,
Походкой быстрою идет.

Что можно было в период блокады противопоставить голоду, холоду и страху? Творчество! Оно и помогало выживать. Многие дети рисовали войну. И вот эта партизанская открытка осталась у меня до сих пор, расчерченная на клетки. Это было сделано для того, чтобы срисовать с нее более точную копию в увеличенном масштабе.

В 1941—1942 годах была издана открытка с плаката В. Серова «Защитим город Ленина». На своем плакате художник изобразил четыре поясных фигуры: красноармейца, краснофлотца, рабочего и работницу, идущих в бой. Лица их суровы и мужественны. На заднем плане — вооруженные ленинградцы, лавиной движущиеся на врага. На горизонте — знакомые очертания родного города. Открытка имела огромное мобилизующее значение.

Огромную роль играли открытки, прославлявшие героев Ленинградского фронта. В. Серов одним из первых изобразил на открытке подвиг героя Ленинградского фронта медсестры Клариссы Чернявской, посмертно награжденной орденом Ленина. Из письма боевых товарищей: «Память о ней сохранит не одна сотня бойцов и командиров, коим она спасла жизнь и с коими ходила в контратаки. Да, она была патриот Родины, мать, спасающая в опасную минуту детей и личным примером воодушевлявшая всех».

Эту работу выполняли и другие художники города-фронта. Были созданы многочисленные открытки по их портретным зарисовкам. Художник-фронтовик Н. И. Пильщиков стал автором одиннадцати портретов героев-летчиков Ленфронта: П. Бринько, И. Кованева, В. Мацкевича, Н. Павлова, Г. Петрова, П. Покрышева, Я. Тотмина,

На горизонте — знакомые очертания родного города.

В. Харитонова и других, а также капитана К. Мотузова, снайпера сержанта П. Галиченкова, который на своем боевом счету имел сто шестьдесят пять убитых гитлеровцев (открытки издательства «Искусство», 1942—1943 годы).

Молодой художник А. Н. Яр-Кравченко в первые дни войны добровольцем ушел на фронт. В трудных условиях обороны и блокады города художник создал портреты четырнадцати героев ленинградского неба. На одной из этих открыток изображен Герой Советского Союза П. Харитонов. Всего за время войны он произвел сто восемьдесят успешных боевых вылетов. Лично сбил четырнадцать самолетов противника, из них два — тараном.

Художница О. Д. Жудина написала для открыток портреты снайперов В. Куташа и И. Добряка.

Известный плакат художника Н. А. Тырсы «Тревога» (1944 год) был репродуцирован на открытке под названием «Отражение врага», только на открытку не попали стихотворные строки плаката:

Тревога! На небо взлетели
Столбы голубого огня.
Гремят по невидимой цели
Зенитки, наш город храня.

И знает разбуженный город:
Зенитчик без промаха бьет.
И взрывом коротким распорот,
Враждебный горит самолет.

В «Тревоге» передана величественная красота города, которую не в силах уничтожить враг, как не в силах сломить волю и стойкость его защитников.

Один из наиболее острых моментов во всей моей блокадной жизни — тушение зажигательных бомб, упавших на крышу нашего дома. Упавшую шипящую гадину засыпаем песком, она брызжет огнем, слепит глаза, воняет, не желает сдаваться. И все это время над головой — басовый тяжелый гул «Хейнкеля». Тревожно ждешь страшного удара фугаса. Момент тушения замечательно передан художником С. Мочаловым на открытке «Тревожная ночь».

Прекрасная ленинградская художница А. П. Остроумова-Лебедева создала серию открыток с видами города. Она, до самозабве-

В трудных условиях обороны и блокады города художник создал портреты четырнадцати героев ленинградского неба.

Над городом повисли в воздухе десятки аэростатов заграждения.

ния любившая свой город, ни за что не хотела изображать его израненным, и город выглядел на ее рисунках таким, каким она знала его до войны и каким хотела видеть его после победы.

В награду она получала много теплых писем с фронта и из госпиталей. Восхищаясь красотой города на ее рисунках, воины обещали стойко защищать город. Так искусство старейшего русского художника солдаты брали на вооружение.

В октябре 1942 года появилась первая открытка художницы на блокадную тему: «Не в нашем квадрате». За ней последовали: «Летний сад», «Смольный», «Памятник Петру», «Биржа», «Сфинкс у Академии художеств», «Ростральные колонны» и другие.

Неутомимо трудился в эти годы участник первой империалистической войны художник И. А. Владимиров. Был выпущен ряд открыток-репродукций с его картин, отразивших славные боевые действия советских воинов и партизан. Среди них «Бой в Тихвине», «Налет партизан на вражеский отряд», «Пожарные спасают» и другие.

Как выглядели улицы и площади блокадного Ленинграда? Атаки с воздуха, систематические обстрелы и бомбежки Ленинграда. Заполнившие воды Невы морские суда — военные, торговые, подводные лодки, всплывшие на Неве и вставшие на стоянку. Над городом повисли в воздухе десятки аэростатов заграждения. Завален-ный сугробами Невский проспект, улицы перегородили массивные укрепления, и в стенах домов появились узкие бойницы, бетонные надолбы на уличных перекрестках, разрушенные снарядами и бомбами дома.

Серию рисунков-пейзажей блокадного Ленинграда, воспроизведенную на открытках, создал архитектор-художник В. А. Каменский. Его акварели 1943 года «У Исаакиевского собора», «У Нарвских ворот», «На Аничковом мосту», «Площадь Воровского», «У Ростральной колонны», «Проспект 25-го октября» и другие тонко передают настроение незабываемых первых месяцев войны, наполненных тревогой за судьбу своей Отчизны, за родной город.

Целый год с мая 1942 по апрель 1943 отразил в своих пейзажах блокадного Ленинграда художник В. В. Морозов, создав, таким образом, живописную летопись своеобразного портрета города. Каждый рисунок в этой серии посвящен отдельному месяцу: «Ленинград в апреле 1942 года» и так далее до «Ленинград в мае 1943 года».

Открытки с произведений М. А. Шепилевского, выпущенные издательством «Искусство» в 1943 году: «Пожар Гснардома», «В осенний вечер», «Зимняя стоянка», «Отряды морской пехоты уходят на фронт» и другие его работы, производили неизгладимое впечатление, напоминали о суровых героических днях.

Произведения художника С. М. Мочалова были воспроизведены на открытках, выпущенных «Воениздатом»: «Окраска фонаря», «Перевозка танков», «Разборка дзота», «Обстрел кончился», «Воздушная тревога» и другие.

На двухцветной открытке с рисунком неизвестного художника «Вид Адмиралтейства и корабли на Неве» приведены стихи поэта Н. Брауна:

Покуда живы мы, балтийцы,
И гнев у нас кипит в сердцах,
Мы не дадим врагу пробиться,
Мы не отступим ни на шаг.

Жизнь города отразили открытки художника Н. А. Павлова: «За водой на Неву», «Разборка на топливо деревянных строений», «Работа по укрытию памятника Петру I», «На передовые позиции — танки идут», «Враг над городом», «Очистка улиц от снега и льда», «Аэростаты воздушного заграждения», «Зима 1942 года. Ленинград» и другие.

Талантливый мастер, неутомимо работавший все 900 дней блокады, А. Ф. Пахомов создал целую сюиту графических рассказов об участии юношей и девушек в обороне города. Его открытки «Тушение зажигательных бомб», «На посту МПВО» и многие другие расходились многотысячными тиражами.

Патриотическая тема в годы войны была основной в творчестве ленинградских композиторов. Крупнейшим событием музыкальной жизни осажденного Ленинграда явилось исполнение 9 августа 1942 года Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича, получившей название «Ленинградской».

Особо следует выделить издание литературно-музыкальной открытки с напечатанным текстом стихов для фронтовых и лирических песен, иногда с нотами. Среди этих открыток с песнями: «Песня гнева», «Месть балтийцев» Гольца; «Балтика родная», «Трубка», «За Ленинград», «Балтика походная» композитора Витлина; «Красно-

Патриотическая тема в годы войны была основной в творчестве ленинградских композиторов.

флотская улыбка», «Морячка», «Как на зорьке застучали топоры», «За дальнею околицей» композитора Н. Будашкина. В создании текстов этих песен участвовали поэты Г. Акулов, Н. Браун, А. Верховский, В. Дыховичный, М. Исаковский, Н. Тихонов, С. Фогельсон, А. Чуркин и другие.

На открытках активно использовалась оборотная сторона для агитационного текста. Так, на открытке с песней «Балтийская походная» композитора А. Соколова было напечатано: «Самоотверженно работать для удовлетворения нужд фронта! Все для фронта! Все для победы!». На открытке с песней «За дальнею околицей»: «Мы заставим немецких преступников держать ответ за все их злодеяния. Все для фронта! Все для победы!». На открытке с песней «Балтика родная»: «Наши бойцы, наши командиры — герои. Забота о них — почетнейшее и святое дело. Все для фронта! Все для победы!». На открытке с песней «Морячка»: «Забота о семьях фронтовиков является половиной всей нашей заботы о Красной армии».

Всего было выпущено более пятидесяти наименований открыток с песнями. Новой песней хотелось поделиться с друзьями, как делились хлебом и патронами. Тогда приходили на помощь открытки, и песни разносились по всей стране вместе с приветом от воинов или воинам. Каждая из них воспринималась как двойной подарок, потому что была не только весточкой от друга, но и произведением искусства.

30 декабря 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль «За оборону Ленинграда». К этому событию была выпущена двойная открытка художника П. Григорьянца «Письмо. (Медаль за оборону Ленинграда)».

Меньше чем через месяц после опубликования Указа, 18 января 1943 года воины Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокаду.

В 1943 году была издана открытка художника В. М. Соколова со стихами Е. И. Рывиной:

Многое забудут в мире люди,
Но, бессмертным счастием горя,
Эту дату мы не позабудем —
Восемнадцатого января.

Победный салют был отмечен выпуском открытки художника Луганского «Салют в Ленинграде».

За 900 дней блокады в Ленинграде была издано свыше 800 сюжетных открыток, из них почти 400 посвящены героической обороне! В создании открыток принимали участие свыше семидесяти художников, двенадцать композиторов, восемнадцать поэтов и четыре фотографа.

Открытка — своеобразный исторический документ, рассказ о подвиге нашего народа, его сынов и дочерей. Иногда открытки являются единственными дошедшими до нас фотодокументами. Открытки, издававшиеся даже в самые трудные дни блокады, — это художественная и документальная летопись героической борьбы советского человека с фашистскими полчищами. Это часть истории блокадного города, да и часть моей жизни.

После войны я окончил Технологический институт, женился, работал в НИИ Буммаш и на бумажной фабрике «Гознак», были у меня исследовательские работы и изобретения, а как краевед Петергофа и Стрельны я опубликовал более ста статей в газетах. Есть сын Герман, двое внуков, правнучка.

В создании открыток принимали участие свыше семидесяти художников, двенадцать композиторов, восемнадцать поэтов и четыре фотографа.

На фото:
мама З. Г. Терентьева в блокаду работала медсестрой, 1943 г.

На фото: Евгений с сестрой Адей (Зинаидой), май 1941 г.

На фото:
Евгений Терентьев в пять лет, 1943 г.

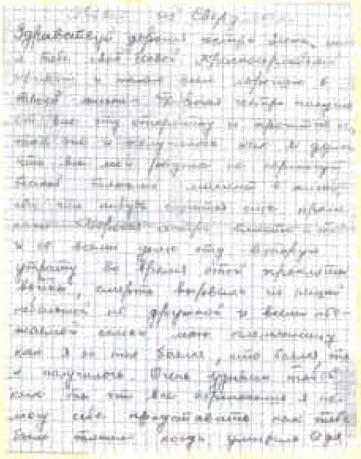
На фото:
родители Евгения Терентьева

На фото: дядя Герман с невестой

На фото:
Женина открытка маме, 1943 г.

На фото: открытка дяди Германа домой

На фото:
похоронка на дядю Германа



На фото:
письмо дяди Германа с фронта, 1942 г.

Рис. 2. Худ. *А. Ф. Пахомов.* Зима 1941—1942 г. За вод

Рис. 3. Художник В.А. Серов. Защитники Ленинграда. 1941 г.

Открытки времен Великой Отечественной войны

Новогодние подарки
Дед Мороз врагу несет,
От которых в стужу жарко,
А в жару мороз берет.

Открытки времен Великой Отечественной войны

Мой папа герой! А ТЫ?

ЗА РОДИНУ МАТЬ!

Освободи!
ОСВОБОДИТЬ... НАШИХ ЖЕНЩИН ОТ ТОГО ПОЗОРА И ПОРУГАНИЯ, КОТОРЫМ ПОДВЕРГАЮТ ИХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИЕ ИЗВЕРГИ.
СТАЛИН

БЕСПОЩАДНО УНИЧТОЖАТЬ УБИЙЦ НАШИХ ДЕТЕЙ!

Отомсти!

ДОБЛЕСТНЫЕ ВОИНЫ, КРЕПЧЕ БЕЙТЕ ВРАГА!
ВПЕРЕД НА ЗАПАД,
ЗА ПОЛНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛИ!

ГЕРОЙ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА
КЛАРИССА ЧЕРНЯВСКАЯ

Вынесла с поля боя свыше 300 раненых. В одном из боев под Ленинградом шесть раз бесстрашно ходила в атаку. Награждена орденом Ленина.

Открытки времен Великой Отечественной войны

ДРОЗДОВ
ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

«САМЫМ ЧУДЕСНЫМ НА ФРОНТЕ БЫЛИ ГОСТИНЦЫ, НА ПРИСЛАННЫЕ ДЕНЬГИ НАШ ПОЛК ОБНОВИЛ МАТЕРИАЛЬНУЮ ЧАСТЬ, А ОДНАЖДЫ СИБИРЯКИ ПОДАРИЛИ НАМ... ДВА МИЛЛИОНА ПЕЛЬМЕНЕЙ!»

Родился я 1 сентября 1916 года в Нижнем Новгороде. С детства любил волжские просторы, участвовал в регатах яхт, главным судьей которых был Валерий Чкалов, легендарный летчик, первым перелетевший через Северный полюс. Конечно, мечтал стать судостроителем. С этими планами я и отправился по окончании школы в 1936 году в Ленинград.

Хотел поступить в индустриальный институт, сейчас он называется Политехническим университетом. Проучился два курса, а на третьем перевелся в Ленинградскую военно-электротехническую академию им. С. М. Буденного. Обстановка в мире тогда менялась, была явная угроза войны. Я понял, что пригожусь Родине как военный.

Вскоре Великая Отечественная война окончательно определила мой жизненный путь. В действующую армию призвали 14 сентября 1941 года. Прослужил честно и самоотверженно до самого Дня Победы в Четвертом минометном полку. С августа

Обстановка в мире тогда менялась, была явная угроза войны

1941-го по август 1942 года был помощником начальника связи минометного полка. С августа 1942 года по май 1944-го служил начальником связи в управлении гвардейскими минометными частями Сталинградского и Южного фронтов, с ноября 1944 года по 9 мая 1945 года воевал в составе 1-го Украинского фронта.

Особо стоит сказать, что именно в Четвертом минометном полку впервые ввели в действие знаменитые ракетные установки «катюши» (их так в 1942 году солдаты ласково прозвали). И уже сейчас вряд ли кто вспомнит, что сначала они официально назывались БМ-13 (боевая машина). 14 июля 1941 года установки БМ-13 были впервые применены в бою. И в августе 1941 года под Москвой был сформирован Четвертый минометный полк. В нем было четыре дивизиона по двенадцать установок в каждом. К слову, один из сформированных дивизионов был отправлен на Волховский фронт. В нем воевал наводчиком установки Эдуард Асадов, в будущем известный поэт.

В декабре 1941 года наш минометный полк сражался в судьбоносной битве за Москву. Участвовал и в рейде по тылам противника, которые пытались обойти столицу с юга. В первый же день похода я был определен старшим в группе и отправлен в разведку. Ведь, как известно, чтобы «катюша» попала в верное место, его сначала нужно определить.

Моя группа обнаружила формирование фашистов и успела сообщить своим по рации. Но немцы нас заметили и открыли огонь. Спасли родные «катюши», которые закрыли своими залпами отступление разведки. И не раз еще смерть подходила ко мне. Но всегда хватало буквально небольшой удачи, чтобы не попасть в ее цепкие объятия.

После разгрома противника под Москвой ракетный полк, в котором я служил, вошел в состав Юго-Западного фронта. И уже в июле 1942 года отошли к Сталинграду. На этом пути получил первое ранение — в руку. Но в медсанбат ехать отказался наотрез.

Позже на нашем пути встретилась станица Вешенская, где стоял дом писателя Михаила Шолохова. Вражеская бомба попала в него, под обломками погибла мама писателя, Анастасия Даниловна. Мы похоронили ее. Нам удалось спасти из огня библиотеку Михаила Шолохова. И когда он узнал об этом, то в благодарность приобрел за свои деньги четыре боевые установки, которые подарил нашему полку.

Ведь, как известно, чтобы «катюша» попала в верное место, его сначала нужно определить.

За Сталинград сражались уже сорок гвардейских минометных частей. Почти пять месяцев были оборонительные бои. И мне доверили осуществлять бесперебойную связь минометных частей всего Сталинградского фронта. А потом освобождал город. В это время у Четвертого минометного появились шефы — новосибирские комсомольцы. Из их числа формировалось пополнение.

Но самым чудесным были гостинцы. Однажды сибиряки подарили минометчикам... два миллиона пельменей! А в 1944 году на собранные у тылового народа деньги они полностью обновили материальную часть полка. На новых машинах гордо красовалось: «Новосибирский комсомолец». И как с такой надписью отступать?! Именно в тот момент наша армия и перешла к окончательному наступлению.

После полутора лет я решил попросить перевода. Под Ленинград. Еще и потому что там воевала моя невеста Лариса. Мы были знакомы еще до войны, с апреля 1941 года. Но война разлучила. Успели обменяться подарками. Лариса подарила мне вышитый платочек с запахом своих духов, а я ей — часы. Видимо, эти талисманы любви и хранили нас.

Ларисе пришлось вернуться в осажденный Ленинград. И письма шли на фронт с большими опозданиями. Да и я не сидел на месте. Так что доходили не все. Я, в свою очередь, тоже писал часто. Хоть два года почти не получал ответа. Но не верил в плохое, писал снова и снова.

Вот отрывок из одного письма: «Да! Любовь согревает, любовь — это новые силы в бою. Под танками, минами, под пулеметным огнем, в грязь и дождь, в мороз, в бессонные ночи и бури, в тяжелые минуты жизни — двойная энергия, тверже воля, больше ненависти к врагу, уверенности в победе. Испытания продолжаются. Знаю, как они кончатся. Никакие тяготы борьбы не остановят меня. Встреча с тобой будет! Мы будем вместе! Моя любимая! Ляля! Таких писем никогда не писал и не мог написать. Крепко целую. Твой Гена. Харьков, май 1942 года».

Когда блокада была прорвана, Ларисе вручили целую кипу писем от меня. Полетели письма и ко мне. Долгожданные, желанные, окрыляющие. В одно было вложено фото девушки в военной форме, а на руке, на самом виду, — мой подарок, наручные часы. «Мой дорогой, родной Генка! Когда будет наша встреча? Ну, а сейчас посмотри на меня и считай, что это — встреча, так как

Лариса вынуждена вернуться в осажденный Ленинград.

сердце мое каждую секунду с тобой. Сколько бы ни пришлось ждать тебя, родной, буду ждать, ты помни это и еще яростнее иди на врага. За нашу жизнь! Твоя Лариса».

При этом Лариса сама самоотверженно воевала за родной Ленинград, участвовала в его освобождении. Потом была откомандирована на Южный фронт, ко мне. 2 июня 1943 года мы сыграли фронтовую свадьбу. И дальше воевали вместе, освобождали Донбасс, Крым, Севастополь.

Встретил Победу в Берлине. Даже поднялся на купол Рейхстага. Потрогал Знамя Победы и взял на память небольшой камень — осколок от гранитной лестницы Восточного входа, — который ношу с собой всю жизнь.

После войны я служил начальником радиоцентра Главного штаба Военно-воздушных сил, потом — начальником курса Военно-воздушной инженерной академии имени А. Ф. Можайского, был ведущим инженером 15-го Военно-морского института. Гвардии инженер-полковник в отставке.

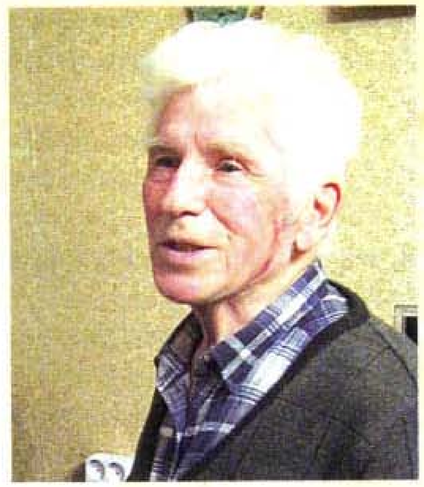
У меня, кроме боевых наград, много общественных признаний. В мае 2013 года стал лауреатом премии «Большая Медведица» в номинации «Фронтовая доблесть» (за мужество и отвагу, проявленные на фронтах Великой Отечественной войны 1941—1945 гг). Уже полвека провожу в Музее артиллерии у знамени своего родного полка встречи с потомками героев-гвардейцев.

У нас с Ларисой выросли талантливые дети. Сын Дмитрий — инженер авиационного и космического приборостроения, имеет ряд важных изобретений в этой области. Дочь Александра — биофизик, доктор наук, профессор Политехнического университета в Петербурге. Она имеет звание «Изобретатель СССР». Международный научный комитет в Кембридже присвоил ей звание «Первая женщина-ученый года» за 1997—1998 гг. и наградил серебряной медалью. А международный научный комитет при Гарвардском университете включил ее в число выдающихся деятелей XX столетия.

В Купчино мы с Ларисой почти полвека назад посадили на Софийской улице небольшую аллею — двенадцать деревьев. Они растут в память о ближайших друзьях-однополчанах, оставшихся на полях войны. О гвардейцах легендарного Четвертого минометного. Теперь уже и в память о любимой Ларисе, ушедшей несколько лет назад.

ТЕРЕХИН
АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

«НА ОФИЦЕРСКИЕ КУРСЫ МЕНЯ ОТПРАВИЛИ С ФРОНТА ПО ЛАДОГЕ, ПЕРЕПРАВЛЯЛИСЬ НА БАРЖЕ ПОД НЕСКОНЧАЕМЫМ ВРАЖЕСКИМ ОБСТРЕЛОМ, И Я ПОЖАЛЕЛ, ЧТО НЕ ЗНАЮ НИ ОДНОЙ МОЛИТВЫ»



Я жил как все: воевал, любил, детей растил, работал. Много болел, был ранен, выжил в одном из боев, где почти все погибли. Значит, у судьбы и Родины на меня были свои планы. И я старался много и честно трудиться, хорошо воспитать детей. И сейчас, в свои девяносто, стараюсь не быть никому в тягость.

Я хорошо помню себя ребенком. Мама была телеграфисткой, папа работал в военной типографии. Через них проходило много информации, и мы в семье всегда много разговаривали. Помню, что родители меня и младшего брата Костика очень любили, баловали, почти не наказывали. Дом наш стоял у Большеохтинского кладбища. Жильцов было много. Мама рассказывала, что когда-то семья моего дедушки — печатника — занимала большую квартиру из четырех комнат. Но я родился уже в коммуналке. Соседи были хорошие, все дружили.

В 1930 году, незадолго до того, как я пошел в школу, семья переехала в отдельную двухкомнатную квартиру в деревянном доме на Большой Пороховской, дом 1. Из окон нашей квартиры был хорошо виден Большеохтинский мост. Хорошо помню, как во время блокады немецкие самолеты ежедневно пытались разрушить его. Я не умел молиться, но очень просил кого-то свыше, чтобы мост уцелел. Почему-то для меня это было очень важно. И мост уцелел.

Весной 1941-го, будучи в выпускном классе, я заболел воспалением легких и слег. Экзамены все же сдал, но не было в моей жизни выпускного вечера. А я ведь выпускник 1941 года. Документы отнес в Военмех, меня зачислили в студенты, я сидел в парке и наслаждался хорошим солнечным деньком. И вдруг на соседнем столбе громкоговоритель стал кряхтеть, шипеть и потом зазвучала речь Молотова.

Началась война, меня вызвали в институт и записали в команду строителей оборонительных сооружений. Ездили мы в Стрельну, в Ораниенбаум. Боевое крещение получил в конце сентября в поселке Володарском под Урицком. Нас привезли в здание школы, выдали инвентарь для строительства и стали объяснять задачу. Вдруг из леса выдвигается цепь солдат, и сразу — автоматные очереди по нашим окнам. Мы бросились из школы врассыпную. Я на ходу заставил себя успокоиться и решил, что правильнее всего добежать до стрельнинской трамвайной линии, сесть на 36-й трамвай и уехать в Ленинград. Добежал, а там толпа! Все кидаются на трамвай, облепили его, тот еле движется. Другой трамвай из города сразу по прибытии поехал обратно, без пассажиров. Я догнал, вскочил в него. В салоне лишь кондуктор, который лежал на полу, закрыв голову руками.

В армию меня призвали в ноябре. Семья осталась в блокадном Ленинграде, родители по-прежнему работали на телеграфе и в типографии. А меня направили в 172-й стрелковый полк 13-й стрелковой дивизии 42-й армии. Наша линия обороны проходила через деревню Кискино — это в двухстах метрах от Пулковских высот. Фашисты были наверху, а мы в самой низине, в болотах. Из-за близости врага окопы мы рыли в основном ночью. А днем воевали, стоя по колено в воде. Бывал я в Ленинграде по поручениям командования. Навещал родных. Мама мне все старалась дать кусочек хлеба — явно урывала из своего скудного пайка. А я и сам тоже старался домой что-то привезти. Очень за младшего братишку беспокоился.

Так случилось, что младший брат Костик блокаду пережил, в 1944 году его призвали в армию, и он почти сразу погиб под Псковом...

В ноябре 1942 года меня вызвали в штаб дивизии, на месте нынешнего Авиагородка. И предложили отправиться на Большую землю — на офицерские курсы.

Семья осталась в блокадном Ленинграде...

Нас переправляли по Ладоге. Военные, гражданские — все в одном трюме. До Кобоны плыли под нескончаемым вражеским обстрелом. Пожалел, что не знаю ни одной молитвы. И просто просил судьбу, чтобы уберегла всех нас, пассажиров этой баржи. Мы прибыли на место живыми. И там нам КАЖДОМУ дали по буханке белого хлеба. Кто-то долго смотрел на это чудо, не веря глазам своим. Кто-то быстро-быстро начал откусывать большие куски и, не жуя, глотать. А я долго дышал этим хлебом, буквально поедал его сначала носом. А потом ел очень медленно, почти ритуально. И этот запах и вкус первого послеблокадного хлеба я помню до сих пор.

Несколько месяцев я отучился на курсах в подмосковном Нахабино, в 1943 году выпустился младшим лейтенантом и был направлен в воздушно-десантные войска на Карельский фронт. Во время учебы совершил пять учебных прыжков с парашютом. И потом на фронте пришлось столько же раз прыгать.

Известие о полном освобождении родного Ленинграда застало меня в Белоруссии. Мои однополчане, узнав, что я ленинградец, обнимали, поздравляли.

В 1944 году здоровье совсем стало подводить — сказывались ранения и малярия. Правый глаз совсем не видел. Я стрелял слева. Очередная медкомиссия попыталась меня списать совсем. Я не считал себя вправе уходить со службы, ведь еще шла война. Упросил отправить меня хоть и в тыл, но в военную комендатуру. Конец войны встретил в Восточной Пруссии, в городе Гумбинен. Я там служил в пункте приемки и переправки беженцев, занимался вопросами репатриации наших граждан и иностранцев. Много судеб прошло передо мной — плен, предательство, концлагеря... Там я познакомился с Валентиной, своей ровесницей. Она уроженка Смоленской области, партизанила. После доноса односельчанина была угнана в немецкий плен.

Валю быстро проверили, она в ожидании обоза до дома устроилась работать на телеграф. 6 июня 1945 года ее обоз отправился в сторону Литвы, я поехал провожать любимую на мопеде. И только мы пересекли границу СССР, в городе Кибартай сразу отправились в ЗАГС и расписались.

Демобилизовался я в сентябре 1945 года. В Ленинград доехать было трудно, но на товарных поездах все же добрался. Родители уже переехали на Владимирскую улицу, в большую комнату в ком-

Я не считал себя вправе уходить со службы, ведь еще шла война.

муналке. А мой дом детства на Большой Пороховской разобрали в блокаду на дрова.

В 1946 году ко мне приехала моя Валентина. Мама устроила ее к себе на телеграф. А я поступил в ЛИСИ на гидротехнический факультет. Учился, подрабатывал — тогда хорошие сантехники были везде нужны. У нас с Валей родились сыновья-погодки: Гена — в 1947 году, Женя — в 1948. Жилось трудно, но выручала взаимопомощь, в нашем поколении так было принято. Окончил вуз с красным дипломом, поступил работать в научно-исследовательский и проектный институт Гипроникель, проработал там тридцать четыре года, руководил отделом водоснабжения и гидротехники. Как инженер-консультант объездил в командировках всю страну — от Белоруссии до Дальнего Востока. Дважды был в Южной Америке, в Боливии — там наша страна строила заводы. Был на Кубе, в Канаде. Три года работал в Югославии на авторском надзоре — руководил внедрением проекта. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За оборону Ленинграда» и медалью «За трудовую доблесть».

Почти шестьдесят лет мы прожили с Валей (ее не стало в 2004 году), вырастили хороших детей — работящих, образованных. Правнуки уже есть. Сейчас я один, много читаю, пишу воспоминания, мастерю.

Там я познакомился с Валентиной, своей ровесницей. Она уроженка Смоленской области, партизанила. После доноса односельчанина была угнана в немецкий плен.

На фото:
Александр с отцом

УТИНА (ЛАВРУХИНА)
ЛИДИЯ ИВАНОВНА

«НЕДАВНО БЫЛА У ПОСТРОЕННОГО НАМИ В ГОДЫ ВОЙНЫ ДОТА — НИ ОДНОГО ПУЗЫРЯ НА СТЕНЕ ЗА ПРОШЕДШИЕ СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ!»

Когда началась война, мне было семнадцать лет, успела окончить восьмилетку и отучиться год в вечернем техникуме. После сдачи экзаменов студенты были мобилизованы и отправились рыть противотанковые рвы.

Нас не называли «народное ополчение». С 1941 по 1942 год мы не очень разбирались, к каким частям относимся. Ленинградцев забирали с производства, из училищ, и комплектование этих групп не было настолько организованным, чтобы именовать их какой-либо частью. От нас требовали военной дисциплины, но как называть, не знали. В тот период мы были не «народное ополчение», а «стройармейцы». Впоследствии, весной 1942 года, нас присоединили к регулярным частям, мы стали строить доты и дзоты — линию укреплений на юге Ленинграда. Они и сейчас стоят, эти треугольники у Пулкова.

При первом выезде летом 1941 года под Красное Село группа молодежи ничего не успела сделать. Запомнилась брань небритого, осатаневшего артиллерийского офицера в адрес старшего группы: «Куда вы их привезли? Немцы по шоссе на мотоциклах разъезжают!» Потом был авиационный налет, только вместо бомб на девчат посыпались листовки.

Людей в нечеловеческих условиях поддерживало радио.

Летом и осенью 1941 года группу девушек перебрасывали на разные направления, в том числе на южной окраине за Московским проспектом мы делали бетонные надолбы.

Зиму 1941—1942 года провела в Ленинграде. Обеспечивали дровами пекарню, совместно с военными ломали на топливо дома по обоим берегам Невы. Дом нашей семьи (он стоял на правом берегу, за Володарским мостом) тоже разобрали.

В январе 1942 года хлебные карточки почти не отоваривались, хлеба не было, паек выдавали мукой. И муки было чуть-чуть — когда ее заворачивали, получался сверточек немногим больше самодельной цигарки, «козьей ножки». Люди тут же, едва получив, съедали эту крошечную порцию. Это было самое тяжелое время, самая большая смертность блокадного периода.

В марте возила воду в бочках в пекарню на Троицком поле. А в апреле-мае участвовала в уборке города.

Ленинград весной 1942 года очистили девушки и женщины из МПВО и других вспомогательных объединений. Мы разбирали завалы, удаляли с улиц накопившуюся грязь, вывозили останки погибших, искали по домам и спасали осиротевших детей.

Наш участок уборки был на проспекте Обуховской обороны. Покойников с марта-апреля 1942 года свозили на кладбище Памяти жертв 9-го Января. Их было очень много. Муж моей сестры с ужасом рассказывал об увиденном на фабрике «Красный ткач» в Веселом поселке: штабеля мертвых тел. Оттуда их увозили на Пискаревское и другие кладбища.

Людей в нечеловеческих условиях поддерживало радио. С теплотой вспоминаю выступления Ольги Берггольц и Марии Петровой. Когда утихала бомбежка, они начинали говорить. Сильный голос, четкая дикция ведущих успокаивали, вселяли надежду и даже уверенность.

Тяжелые потери армии и необходимость пополнения вынудили командование перевести солдат инженерных войск в боевые части. Их работу взяли на себя девушки и женщины. В мае 1942 года я и мои подруги стали кадровыми военнослужащими, нас приписали к воинской части 37593.

Инженерные войска — самая неприметная, но тяжелая часть армейской службы. Трудно, рискованно, а в сводках — почти ни слова о тружениках фронта, которые строили переправы, обеспечивали продвижение и закрепление на новых позициях.

Когда смотрю на карту Ленобласти — сплошь знакомые названия, в войну исходила эти места пешком. Мы копали заградительные рвы и окопы у Мельничного Ручья, потом Парголово, Лисий Нос, Агалатово, Сертолово, Вартемяги... С мая 1942 года отряд работал в Песочном, Дибунах, потом у Белоострова. Здесь, под Белоостровом, отряд уже вел более техничное, обстоятельное обустройство линии обороны. Дерево-земляные огневые точки, сложная система окопов с бортами из жердей и даже бревен, с ответвлениями, нишами для размещения раненых, с бойницами. Это была вторая линия обороны, в двух-трех километрах от линии фронта. Солдаты приходили с передовой, любовались, сожалели, что нельзя у них на передовой обустроить позиции по всем правилам фортификационного искусства.

Мы сами рубили и подносили бревна. Стойки и жерди связывали металлическими тросами. В мои обязанности входила установка удерживающих борт толстых анкерных кольев.

Под Белоостровом строителей укреплений нещадно обстреливали, мы были под огневым дождем. Однажды при близком разрыве меня сбросило ударной волной в окоп, на спину упал анкер. Я помню свой страх: показалось, что это снаряд, не решалась даже пошевелиться, ожидала взрыва.

А осенью 1942 года, когда войска двух фронтов стремились прорвать блокаду и шли на соединение, рота работала у Синявино. Вязали на специально изготовленных козлах фашины — связки прутьев для прокладки гати на болотах, чтобы наши танки могли пройти и не увязнуть.

Часть девушек отправили на Невский пятачок, они вывозили с плацдарма раненых на собачьих упряжках. Я в их число не попала. После прорыва блокады роту отправили восстанавливать мосты на Неве.

Весной 1943 года роту перевели в Ленинград, в Московский район, начали строить укрепления в ходе подготовки новой войсковой операции.

Линии укреплений предназначены не для одной лишь обороны. Они должны «идти» за наступающими — новые и новые укрепления, тысячи тонн бревен, камней, арматуры, вынутого грунта и залитого бетона. Самым крупным строительством была линия дотов на юге Ленинграда — рубеж «Ижора».

Доты мы начали строить в 1943 году от кладбища Девятого Января, по Витебской железной дороге и за ней. Работали под обстрелом, меня там ранило в ногу.

Доты были разного устройства: с одной амбразурой, с двумя, пулеметные и даже артиллерийские полукапониры. В ходе постройки отделение из десяти человек копало котлован, делало опалубку с двух сторон на толщину стены. Я сколачивала доски и выводила на закругление, скос верхней части — работа называлась «кружилиха». Не менее сложной была опалубка под двери и пулеметные амбразуры. Строили основательно, как дом. Только прочнее. Возводили эстакаду, чтобы могла въезжать и разгружаться трехтонка.

Все на себе — и бревна, и переброска бетона. Даже военные, артиллеристы из-под Пулково, глядя на нас, поражались: «Сколько можно надрываться? Шли бы лучше в боевую часть, солдаты сидят в обороне, а вы так жилы рвете!»

На заливке женщины по очереди, увязая в бетоне, отгребали раствор и трамбовали двуручной толкушкой–«бабой», чтобы не было пузырей. Опалубку снимали через день-два.

Заливали и трамбовали на совесть, без вытекания, без недоливов. Строительство шло с предельно высоким темпом, в условиях маскировки, бетон заливали по ночам при потайном синем свете с абажурами. Доты накрывали песком и дерном, опять же принося грунт вручную, на носилках.

Наши доты — у кладбища Девятого Января, на улице Димитрова, у дома 24. Очень интересное сооружение было на Московском проспекте. А еще мы делали амбразуры в домах, превращая их в военные укрепления: вытаскивали кирпичи, цементировали проем.

Недавно, когда меня пригласили на акцию памяти у одного из построенных мной дотов, я отметила не без гордости: ни одного пузыря на стене!

Все на себе — и бревна, и переброска бетона.

Строительство шло с предельно высоким темпом, в условиях маскировки, бетон заливали по ночам при потайном синем свете с абажурами.

СПРАВКА

Дана гр. Лаврушкой Лидии Ивановне в том, что он на основании Постановления Военного Совета Ленфронта от 2-го Октября 1942 г. мобилизован на работы в 8/часть п.п. 37593 с "5" мая 1942 г. и в соответствии с приказом НКО пользуется всеми льготами состоящих в рядах Красной Армии.

НАЧАЛЬНИК 8/ЧАСТИ

НАЧАЛЬНИК 7 ОТДЕЛА:

БЫСТРОВА
МАРИЯ ПЕТРОВНА

«В ОДИН ИЗ ДНЕЙ НАС НА БРЕЮЩЕМ ПОЛЕТЕ ОБСТРЕЛЯЛ НЕМЕЦКИЙ САМОЛЕТ. ОН ЛЕТЕЛ ВДОЛЬ РВА И МЕТОДИЧНО СТРЕЛЯЛ ПО ГРАЖДАНСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ»

Я родилась в селе Большое Пулково (на Пулковских высотах). Наш дом находился на Ленинградской улице. Мы, дети, часто бегали играть в парк Пулковской обсерватории. Великолепный до войны был парк. Во время Великой Отечественной он сильно пострадал.

Когда началась война, мне было всего девятнадцать лет, но я уже работала мастером в ателье верхней одежды на 7-й Красноармейской улице. В июле 1941 года всех сотрудников ателье, и молодых, и пожилых, в срочном порядке направили под Кингисепп на строительство противотанковых рвов. Мы там отработали три недели. Что запомнилось? В один из дней нас на бреющем полете обстрелял немецкий самолет. Он летел вдоль рва и методично стрелял по гражданскому населению. Началась паника, все громко кричали, люди побежали врассыпную...

Через три недели мы вернулись из Кингисеппа домой, в Пулково, и там увидели, как толпы беженцев со своим скудным имуществом, погруженным на маленькие тележки, двигались нескончаемой вереницей по дороге в сторону Ленинграда. Как быть? Уходить вместе с беженцами в Ленинград или оставаться на месте? Подумали

и решили, что остаемся дома, вряд ли допустят немцев так близко к нашему городу.

Пока я копала рвы в Кингисеппе, на Пулковских высотах также велись оборонительные работы. Один из юношей-ленинградцев, занятых на обустройстве окопов, жил в нашем доме, его звали Женя. К нему приезжала мама, и как-то она нас спросила: «Есть ли у вас знакомые или родные в Ленинграде?» Но у нас никого в городе не было, и тогда она предложила: «В случае необходимости приезжайте в Ленинград и живите в моей квартире на Фонтанке, 33».

С Пулковских высот город просматривался очень хорошо, и мы видели, как после немецкой бомбежки заполыхали Бадаевские склады. После этого печального события очень быстро немцы подошли к Пулкову. Стали обстреливать деревенские дома, в результате фашистского обстрела часть наших односельчан погибла, но я продолжала каждый день ездить в Ленинград на работу. От нас в центр города тогда ходил автобус третьего маршрута. Он имел конечную остановку у памятника Пушкину на развилке Киевского и Пушкинского шоссе.

И вот в один из дней мы пришли на автобусную остановку, а автобуса нет, оказывается, в связи с приближением фашистов к Пулкову движение по третьему маршруту было закрыто. Куда нам идти? Вспомнили про приглашение матери мальчика Жени и пошли к ней на Фонтанку. До сих пор я благодарна этой доброй женщине, которая прописала нас к себе. Раньше ведь очень строго было — без прописки жить в Ленинграде запрещалось. Прожили мы там три месяца. Жили в холоде и голоде... Мы ведь в Ленинграде оказались без всяких запасов и припасов. Все, что было на нас, — вот и все. Кто жил в городе постоянно, находился в лучшем положении по сравнению с нами. У коренных горожан хоть какие-то запасы были...

Следующие три месяца мы прожили у нашей знакомой на Подъяческой улице. Вскоре, можно сказать, нам очень повезло. В одном из домов на улице Восстания требовался дворник, а дворнику предоставлялась служебная жилплощадь. Оформив на работу дворником свою маму (а она была очень больным человеком), мы сами стали за нее работать. По улице Восстания в 40-х годах прошлого века ходили трамваи, и необходимо было трамвайные пути расчищать от снега и льда. И мы вдвоем с сестрой с ломом в руках поочередно разбивали ледяные глыбы.

С Пулковских высот город просматривался очень хорошо, и мы видели, как после немецкой бомбежки заполыхали Бадаевские склады

У нас была знакомая женщина, которая в годы блокады работала в столовой. И у нее на фронте воевал сын. Как сейчас помню, просит она меня написать письмо сыну (сама-то она была безграмотной): «Напиши, Маша, письмо сыночку...» Письмо я напишу, а мне за это — тарелка каши или супа.

Но на нашем пути встречались не только добрые люди. В квартире на улице Восстания нашим соседом оказался властный и жесткий человек. Мы находились с мамой и сестрой в проходной комнате и, чтобы хоть как-то создать домашний уют, повесили занавесочку у дверей, но сосед постоянно ее срывал. Когда в квартире умерла бабушка, этот гражданин отнес тело умершей на кухню и запрещал нам туда заходить в течение двух месяцев. Зачем он так поступил — можно только догадываться...

Я работала на Красноармейской улице, и каждый день ходить на работу в ателье и обратно было тяжело. И когда моя подруга предложила мне сменить место работы, я сразу же согласилась. В депо «Сортировочная — Московская» меня обучили работе стрелочницы. Поезда тогда практически не ходили, и движение по Октябрьской железной дороге в направлении на Москву осуществлялось только в городской черте.

Нас часто направляли на разные работы. Помню, как на ручной дрезине мы с подругой холодной зимой перевозили тела умерших в депо рабочих на Обуховское кладбище. Ящики, в которых перевозили погибших, постоянно сползали с тележки. Из них капала кровь, и нам постоянно приходилось их поднимать заново. Было очень тяжело и страшно, и жалко погибших. Это забыть нельзя, нам ведь было всего по двадцать лет.

К смерти невозможно привыкнуть, хотя с ней приходилось сталкиваться очень часто. На наших глазах люди гибли в результате артобстрелов, падали от голода и не могли уже подняться. У нас у всех была дистрофия, а у моей мамы — последней степени, она долго лежала в больнице, но все же выжила. Война принесла много горя моей семье. Мой родной брат погиб в 1944 году под Псковом, родную тетю с семьей немцы угнали в неволю, много родственников умерло от голода, всех не перечислить. Вечная им память!

Помню, как на ручной дрезине мы с подругой холодной зимой перевозили тела умерших в депо рабочих на Обуховское кладбище

МАТЮШЕНКО (БАЕВА)
АЛЛА ИВАНОВНА

«Я НА СЕБЕ ТАСКАЛА МЕШКИ С МЕДИКАМЕНТАМИ ДЛЯ ГОСПИТАЛЯ ОТ ПУЛКОВСКИХ ВЫСОТ ДО ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА ПОД ОБСТРЕЛОМ И БОМБЕЖКАМИ»

Отблески Серебряного века

Полно приходивших к нам людей и то, с каким достоин-

Я выросла в Острогожске Воронежской области — маленьком купеческом старинном городе, откуда родом художник Иван Крамской. Ровная планировка улиц, все дышит стариной. Такой красоты больше нигде не видела. Дедушка мой был приказчик, красавец. Имел одиннадцать детей и красивый кирпичный двухэтажный дом — примечательный особняк, в котором когда-то Петр I встречался с гетманом Мазепой.

Воспитана я была в интеллигентной семье: в детстве не слышала не то что бранных слов, но даже ссор между родителями. Серебряный век российской культуры сохранился в городке даже после революции и во время нэпа. Папа увлекался музыкой. Играл на разных инструментах, в том числе на гитаре и гармошке. Помню приходивших к нам людей и то, с каким достоинством и простотой они держались.

Я окончила педагогические курсы и уже в шестнадцать лет работала в селе под Острогожском в рамках кампании по борьбе с неграмотностью. Папа одобрял мое подвижничество: «Ты служишь государству, служишь своему народу».

В Ленинград я приехала в 1940 году, в восемнадцать лет, поступила в электровакуумный техникум. Так мне посоветовал двою-

родный брат Лев Георгиевич Попов, считавший эту специальность перспективной. Он сам к этому времени окончил Горный институт, был кандидатом геолого-минералогических наук, преподавал в институте. Молодой ученый за короткий срок успел достичь немалых успехов в своем деле, ему предсказывали блистательное будущее. Его портрет и сейчас висит в вестибюле Горного института. Зимой 1942 года Лев Попов погиб при эвакуации из блокадного Ленинграда, скончался от истощения.

Краснофлотцы

Мне было девятнадцать лет, когда началась Великая Отечественная война. К этому времени я закончила первый курс электровакуумного техникума при заводе «Светлана». Сначала я занималась подготовкой и отправкой техникума к эвакуации. Затем пошла в армию и через некоторое время поступила в военно-морской госпиталь № 2 (в доме 20 по 19-й линии Васильевского острова), в качестве краснофлотца Краснознаменного Балтийского флота.

Выполняла обязанности санитара, носила раненых вместе с напарницей Ритой (Терской?), вместе отправлялись и на выезды эвакогоспиталя в «горячие точки», где советские войска шли на прорыв или немецкие армии пытались взломать оборону. В периоды относительного затишья краснофлотцы ездили заготавливать дрова для госпиталя. Заготовка дров для отопления госпиталя для меня закончилась операцией по удалению аппендицита. Дерево надо было спилить, очистить от веток топором, распилить на части, уложить в машину, да еще мороз сорок градусов. От изнеможения уже не хотелось ни есть, ни спать.

Кроме того, мы доставляли на эвакопункты и на транспорт через Ладогу подлеченных раненых. На краю озера стояли ледяные домики. Я и охраняла их с винтовкой, и работала.

Ленинградцы умирали не только от обстрелов и бомбежек, самым страшным был голод. Я никогда не забуду, как мы, девчонки-санитарки, выносили на носилках из домов по 16-й линии Васильевского острова умерших от голода ленинградцев, укладывали закоченелые тела на телегу, запряженную лошадью, накрывали простыней или рогожей, садились сверху и вывозили за черту города.

Мы все боялись эпидемий, а противник как раз рассчитывал на то, что город вымрет. Но немцы просчитались: эпидемии в Ленинграде не было.

Несколько раз я пешком ходила за медикаментами для госпиталя — с Васильевского острова до Пулковских высот, где находился склад. Обратно было идти тяжело — под обстрелом и бомбежками, а за плечами — мешок с товаром.

Для меня самые запоминающиеся дни блокады — это 18 января 1943 года — прорыв блокады, а также 27 января 1944 года — снятие блокады. В этот день я получила ранение головы и контузию.

Красный Крест на поле боя

Когда начинались бои под Ленинградом, эвакогоспиталь выезжал туда с палатками и оборудованием. Врачи, медсестры и санитарки обслуживали раненых рядом с полем боя. Нашей обязанностью было участвовать в боевых операциях, горячих точках битвы за Ленинград: на Невском пятачке, Ораниенбаумском плацдарме. Мы тащили раненых до палатки с керосиновыми лампами, отдавали врачам, а те решали, сразу ли оперировать или в стационаре.

Невский пятачок мне запомнился, особенно дорога туда и обратно. Туда ехали на грузовике, в открытом кузове — врачи, медсестры, санитарки, вместе с медицинским оборудованием и медикаментами. Ехали очень быстро, потому что началась бомбежка и артобстрел. Артподготовка перед сражениями обычно длилась больше недели до наступления. На одном из поворотов открылся борт машины, я и подруга вылетели в сугроб. Зима, сорок градусов мороза. А обратно меня везли в госпиталь на санитарной машине с тяжелой контузией.

Такие бои, что целые поселки в момент были сметены. Начался обстрел, мы залегли рядом с домами. Когда подняли головы, остались только фундаменты да печи с трубами, и очень много погибших солдат и матросов. Я села — и тут разрыв снаряда, меня ударило бревном по голове, получила тяжелую контузию. Это случилось за два дня до того, как Ленинградский и Волховский фронты прорвали блокаду.

Второй раз ранение получила в том же 1943 году в здании своего госпиталя на Васильевском. Снаряд снес мой угловой кубрик на третьем этаже, разминулась со смертью на секунду. Когда начался

обстрел, я спохватилась: там же хлеб в тумбочке лежит! Побежала, взяла, стала спускаться, когда меня волной сбросило со второго этажа вниз. Контузия была тяжелой, ощущение было такое, будто меня всю выкручивает.

От обстрелов погибло много сослуживцев — врачей, медсестер, санитарок. В сторону здания госпиталя били густо, ведь тут рядом на Неве стоял линкор «Октябрьская революция» и другие корабли.

Гибли медики и во время перевозки: уже после блокады, при транспортировке госпиталя в Таллин на моих глазах был уничтожен снарядом шедший впереди корабль. Находившиеся на нем девушки не спаслись.

Таланты

Наши врачи просто чудеса творили. Арно Гофрен, главный хирург госпиталя, был настоящий волшебник, он так собирал раздробленные кости в ноге, что человек потом ходил. Георгий Анатольевич Нагибин лечил легочные болезни. Валентина Разумеенко — очень добрая, приходила раньше всех, обо всех позаботится, накроет. А начальник госпиталя Агаси Нубарян спас мне жизнь в 1944 году вскоре после снятия блокады, когда у меня на лесозаготовках случился острый приступ аппендицита. Привезли, он сказал: немедленно на операционный стол. Сделал операцию и потом ежедневно приходил смотреть и приносил мне фрукты.

Было неловко, но Нубарян урезонил в своей неподражаемой манере, строго чеканя слова с сильным акцентом: «Я вас знаю, сейчас пойдешь в кубрик и там девочкам раздашь. Давай ешь, иначе ты вообще не встанешь». Это было не преувеличение: незадолго перед операцией я перенесла дистрофию, и ослабленный организм мог не выдержать.

Медсестры и санитары оказались и талантливыми артистами. Выступали перед ранеными, в том числе и прямо в палатах перед пациентами, которые не могли ходить. Руководила самодеятельностью Анна Вишневич, в прошлом главный концертмейстер балета Мариинского театра.

Я играла на гитаре, пела романсы. Катюша Лобачева так пела «Валенки», что все плакали. Валя Клейн и старшина роты Володя Чубаровский пели оперетту. Наташа (Триодина?) била чечетку. Люди в госпитале были замечательные, благодаря им мы не чувствовали голода и усталости.

Медсестры и санитары оказались и талантливыми артистами. Выступали перед ранеными, в том числе и прямо в палатах перед пациентами, которые не могли ходить.

У нас лежали два тяжелораненых — Бари-Абдул Нурмухамедов и Петя Черноусов. Запомнилось, как они заботились друг о друге. Я приходила к ним с гитарой, книжки приносила, читала им. И звала подружек — пойдем, сыграем мальчикам, они же не могут пойти на концерты. Еще запомнился коренастый парень, мне было очень жалко его, обе ноги были срублены осколком при обстреле. Он всегда был напряжен, весь в себе. Молчал, не жаловался, но это молчание было очень красноречивым.

От ненависти до любви

С будущим мужем судьба свела в 1945 году в Таллинском морском оборонительном районе. Художник из Кронштадта, морской офицер Александр Матюшенко рисовал секретные карты в управлении. Для меня он был старшим по чину и всячески пытался не пустить на танцы, а в выходные ставил дежурить с винтовкой. Не осознав, что он пытается ухаживать за мной, я испытывала к нему не самые теплые чувства.

Ехидный, колючий, вредный, да в голову не приходило, что за него выйду замуж! Сейчас уж не могу определить момент перехода от неприязни к любви. После него мне не нужен никто. Талантливый, умный, интеллигентный. И до свадьбы, и после всегда был ко мне внимателен, старался чем-нибудь порадовать. Я прожила такую прекрасную жизнь! Жаль те пары, которым недоступно такое согласие, такое чувство. Всем бы жить так счастливо.

После войны Александр работал на Комбинате графического искусства. Я окончила институт, стала инженером по научной организации труда, занималась улучшением условий работы в торговле, в том числе для крупнейших ленинградских магазинов: Гостиный Двор, ДЛТ. Обследовала рабочие места, убеждала руководство, что им выгодно комфортно обустраивать рабочие места для людей, это поможет выполнению плана.

Блокада не заканчивается с войной, блокада вся во мне. Всегда буду помнить медиков, с которыми работала в госпитале, замечательных людей, кто был для меня образцом человечности и культуры.

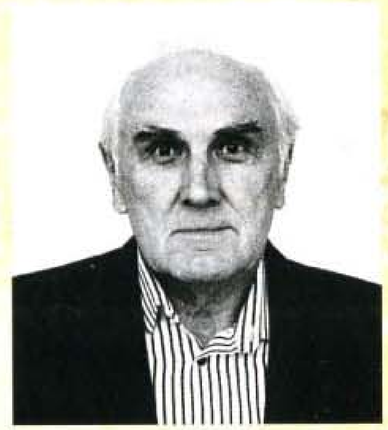
Блокада не заканчивается с войной, блокада вся во мне

На фото:
Алла Баева
в приемном покое
госпиталя, 1945 г.

Всегда буду помнить медиков, с которыми работала в госпитале, замечательных людей, кто был для меня образцом человечности и культуры.

КОЛИН
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

«ВОДОПРОВОД НЕ РАБОТАЛ, НО НАС ВЫРУЧАЛА СНЕЖНАЯ ЗИМА: СНЕГ ВО ДВОРЕ БЫЛ ЧИСТЫМ, МЫ НАБИВАЛИ ИМ КАСТРЮЛИ, СТАВИЛИ НА ПЕЧКУ И ПОЛУЧАЛИ ВОДУ»



Мне было девять лет, я хорошо помню дни начала войны, выступление Молотова, особенно его слова: «Враг будет разбит, победа будет за нами!» Взрослые так часто повторяли их, что и сегодня они в моей памяти.

Наш двор находился почти напротив Бадаевских складов (что по Киевской улице, дом 5), на которых была сосредоточена часть продовольственного запаса города. Все обитатели двора видели, как горят склады. Немецкие самолеты появились неожиданно. Они нагло летели, группа за группой, поодиночке заходили на цель, сбрасывали зажигательные бомбы — и улетали. Это был первый день блокады Ленинграда. Пожар продолжался свыше пяти часов, сгорело больше сорока деревянных складских строений, в них — три тысячи тонн муки и около 2500 тонн сахара.

Приближалась зима 1941—1942 годов — самый трудный период за всю блокаду. Перестали ходить трамваи. Иногда мимо дома, по Московскому проспекту (тогда Международному), вместо трамвая ехал паровозик и тащил за собой грузовые платформы.

В квартирах появились печки-буржуйки, для поддержания тепла в них сжигали мебель, книги, газеты и все, что могло гореть. Водопровод не работал. Нас выручала снежная зима. Снег во дворе был чистым, мы набивали им кастрюли, ставили на печку и получали воду.

... я хорошо помню дни начала войны, выступление Молотова, особенно его слова: «Враг будет разбит, победа будет за нами!»

Летом 1942 года на случай прорыва немцев в нашим дворе построили блиндаж, вырыли две землянки. Для быстрого возведения баррикады завезли крупногабаритные металлические конструкции. Но врага не пустили в город.

В это же лето во время очередного обстрела в нашу комнату попал снаряд, но обошлось без жертв — снаряд не взорвался.

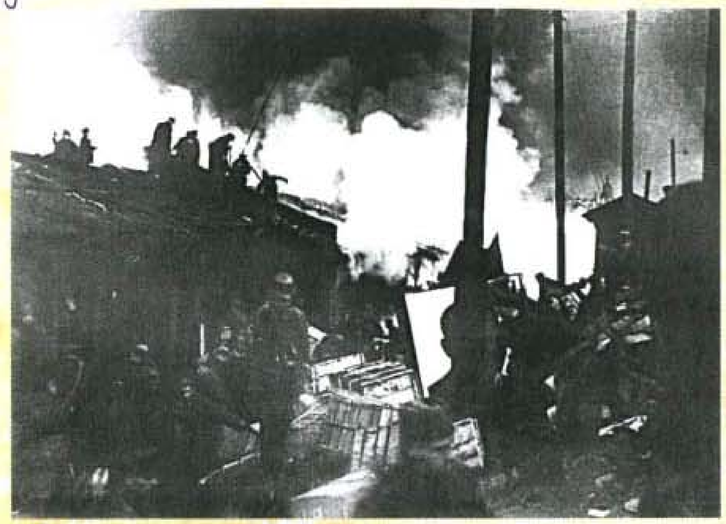
Осенью 1942 года занятия проходили не в школе, а в одном из зданий, которое находилось в глубине квартала. Детей было мало, и содержать большую школу стало накладно в условиях блокады.

После попадания снаряда в нашу комнату нас переселили в соседний дом по Смоленской улице, дом 1. Весной 1943 года во время ночной бомбежки в наш дом попала бомба, которая взорвалась на верхнем этаже.

Летом 1943 года нас, ребят, отправили в пионерский лагерь во Всеволожский район. Все обошлось хорошо, мы и отдохнули, и в дороге обошлось без происшествий.

27 января 1944 года прогремел салют в честь полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады.

Для быстрого возведения баррикады завезли крупногабаритные металлические конструкции. Но врага не пустили в город.



На фото:
пожар на Бадаевских складах

СЕМЕНОВА (КИРИЛЛОВА)
ГАЛИНА ИВАНОВНА

«Я СПАЛА ВМЕСТЕ С БАБУШКОЙ, КАК-ТО ПРОСНУЛАСЬ, А ОНА МЕРТВА; ВСЕГО ЖЕ ЗА НЕДЕЛЮ В НАШЕЙ СЕМЬЕ УМЕРЛИ ТРОЕ — ЕЩЕ МОЯ МЛАДШАЯ СЕСТРА И ТЕТЯ»

Родилась в Ленинграде 5 мая 1930 года. В день наступления войны мы с родителями были в Выборге на отдыхе. В середине дня на заборах и деревьях стали наклеивать листовки. Родители прочитали и сказали, что началась война. Мы сразу же поехали в город, домой.

В Ленинграде по радио Молотов говорил о войне. На пятый день после начала войны папу Ивана Васильевича Кириллова призвали на фронт. В 1942 году маме прислали извещение о его смерти.

До войны я окончила три класса. В июле–августе 1941 года нас отправили под Лугу. А в сентябре мама забрала меня в Ленинград. Нас везли на военных машинах, так как поезда уже не ходили.

Когда я вошла домой, меня поразило, что все окна были заклеены газетами крест-накрест. По вечерам окна завешивали одеялами. Начиная с осени квартиры отапливали буржуйками.

В моей школе развернули госпиталь, и об учебе нечего было и мечтать. Мы жили на улице Чайковского, а школа находилась напротив. Бомбили почти ежедневно. И мы старались каждый раз спускаться в бомбоубежище. Иногда гасили фугаски.

Весной 1942 года был голод, я ездила на Пороховые к тетушкам полоть грядки. Всю траву везли в город и пекли лепешки. Бабушка напекала лепешек, и мы их ели, а затем шли спать.

Я спала вместе с бабушкой. Как-то, проснувшись, обнаружила, что она мертва (ей было семьдесят пять). Через неделю умерли моя

Когда я вошла домой, меня поразило, что все окна были заклеены газетами крест-накрест.

младшая сестра и тетя — сестра моей матери (мы жили вместе). И мы остались втроем: мама, брат девяти лет и я (мне было двенадцать).

Воды в доме не было. Мы с братом ходили на улицу Чернышевского с бидонами за водой.

Мама работала на заводе, получала рабочую карточку, а мы с братом — карточки иждивенцев. В блокаду семья еле выжила.

В 1943 году я снова начала ходить в школу, в четвертый класс. В пятнадцать лет уже пошла работать. Училась в вечерней школе рабочей молодежи. Так, с 1946-го по 1986 год, я непрерывно трудилась сорок лет.

27 апреля 1989 года я получила знак «Житель блокадного Ленинграда».

У меня большая семья: муж Иван Васильевич, два сына — Сергей и Валерий, и внук Дмитрий. В нашей семье пять поколений коренных петербуржцев, начиная с моей бабушки по папиной линии.

Весной 1942 года был голод, я ездила на Пороховые к тетушкам полоть грядки. Всю траву везли в город и пекли лепешки.

КОРНЕВА (БОРОВСКАЯ) АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА

«ПО СЛУХАМ, НА ПИСКАРЕВКЕ ЕСТЬ ТАБЛИЧКА С МОИМ ИМЕНЕМ НА МОГИЛЬНОМ КАМНЕ, НО НИКТО ИЗ РОДНИ ТАК И НЕ ОТВАЖИЛСЯ ПЕРЕПРОВЕРИТЬ»

Во время одного из налетов гитлеровской авиации отчетливо видела лицо летчика, крутившего пальцем у виска и расстреливавшего безоружных мальчишек и девчонок.

Родилась 27 мая 1923 года в деревне Липная Горка Тихвинского района Ленинградской области и была одиннадцатым ребенком в семье.

С детства знала работу в колхозе, пережила и ужас нависших репрессий, коснувшихся родных по линии отца. В 1937 году окончила семилетнюю школу и, с большим трудом получив паспорт в сельсовете, отправилась поступать в ФЗУ в Ленинград. Там вначале устроилась домработницей, а затем работала на предприятиях города.

С первых дней войны находилась на оборонных работах. В начале — в районе Пулковских высот, в Кингисеппе, а потом в районе Мельничных Ручьев. Во время одного из налетов гитлеровской авиации отчетливо видела лицо летчика, крутившего пальцем у виска и расстреливавшего безоружных мальчишек и девчонок. На всю жизнь запомнила глаза летчика и первую смерть — мальчика, который спрятался вместе со мной за валуном от бомб. Это было под Пулковом.

А в районе Кингисеппа видела, как шли молодые несмышленые ребята за одним из так называемых комсомольских лидеров с белым платком на единственной винтовке. Как выяснилось, шли в сторо-

ну расположения врагов. И только отступавшие советские бойцы остановили их, арестовали предателя и повернули всех назад.

Ежедневно ходила пешком от Разъезжей улицы, дом 6, до Бумажной фабрики №1 имени А. М. Горького на Васильевский остров.

Помню и первый замерзший труп у ворот своего дома. Сначала испытала шок, потом обратила внимание, что человек босиком, — видимо, кто-то снял обувь, ведь покойнику она уже была не нужна. Затем трупов я видела еще много, и пришлось привыкнуть к этому ужасу по пути на работу.

1 марта 1942 года я уволилась с фабрики, а дальше работала на погрузке угля для отопления так называемого Делового двора, на расчистке улиц города, сопровождала эвакуационные машины в Москву и обратно, была курьером между отплывающими катерами и армейским подразделением, базировавшимся в землянках на Васильевском острове. И вся эта деятельность сопровождалась постоянным чувством голода и запахом несуществующей еды, о которой мечтала.

Спасла себя и своих родных от голода старшая сестра, которая строго по часам порционно выдавала еду — хлеб, печально известные лепешки из дуранды и что придется. Однажды повезло, и все ели у соседки суп из кошки Муськи, обманывая и утешая себя мыслями, что это кролик.

Большая часть родных, собравшихся в одной квартире, выжили в блокаду. Не уберегли только сынишку этой героической старшей сестры. Также погиб дядя, который с открытием Дороги жизни отправился на Большую землю, к брату за продуктами и, не удержавшись, с жадностью набросился на еду, а истощавший организм не выдержал. Не вернулся со смены с завода и мой родной брат.

На работу я частенько ходила с остановками, с передышками у родных на Гороховой, Фонтанке и Социалистической.

Только после полного снятия блокады в 1944 году по разрешительному документу я приехала к родителям в Тихвин. На подножке товарного поезда окоченевшими и онемевшими руками держалась несколько часов за поручни вагона, а по сути — за жизнь.

Затем работа до конца войны в Тихвине, ожидание писем от братьев с фронта и родных из Ленинграда. А потом, в 1945 году, я вышла замуж за кадрового офицера, имевшего пять орденов, а также массу медалей за отвагу и боевые заслуги, дошедшего до Праги.

Помню и первый замерзший труп у ворот своего дома.

Последовали бесконечные переезды по стране: Соловки, Кутаиси, Североморск, Смоленск, Выборг и Ленинград, и так до 1957 года. Двое детей, работа, а своего жилья так и не заслужила. В шестьдесят лет стала вдовой и жила с дочерью, есть трое внуков.

По слухам, где-то на Пискаревке есть табличка с надписью на могильном камне с моим именем, по ошибке и неаккуратности попавшем туда. Но никто из родни так и не отважился перепроверить достоверность этого факта из суеверия.

Спасла себя и своих родных от голода старшая сестра, которая строго по часам порционно выдавала еду — хлеб, печально известные лепешки из дуранды и что придется.

ВАВИЛИН
ВИКТОР ГАВРИЛОВИЧ

«СТАВ ТАНКИСТОМ, Я ВОЕВАЛ НА УКРАИНЕ, В ВЕНГРИИ, РУМЫНИИ И ЧЕХОСЛОВАКИИ, А В ЗАВЕТНЫЙ ДЕНЬ ПОБЕДЫ, КОТОРОГО ТАК ЖДАЛ, ОТПРАВИЛСЯ К ЯПОНСКОЙ ГРАНИЦЕ»

Несмотря на то, что после окончания войны прошло почти семьдесят лет, я часто вспоминаю о молодости, проведенной на войне.

Накануне Великой Отечественной войны мне было семнадцать лет, я закончил техникум. В июле 1941 года, когда гитлеровцы стали подходить к Ленинграду, вступил в народное ополчение.

Народное ополчение, которое должно было компенсировать нехватку сил регулярных частей Красной армии в первые дни войны, формировалось в короткие сроки из добровольцев. Часто они не имели никакой военной подготовки. Меньше чем за две недели, с 4 по 15 июля, удалось собрать двухсоттысячную армию. Мы практически не знали, как обращаться с оружием, но были полны решимости защитить свою страну.

Одним из полковых командиров Ленинградской армии народного ополчения в 1941 году был майор Василий Маргелов, впоследствии — легендарный создатель ВДВ, генерал армии, Герой Советского Союза. Он командовал ополченческим третьим полком, который составлял ядро обороны в битве за Ропшу.

Я стал бойцом Третьей Фрунзенской дивизии, ее полки были укомплектованы в основном рабочими и служащими Фрунзенского

района. Новобранцам дали всего две недели на подготовку. В первых боях самым ходовым оружием были бутылки с зажигательной смесью.

Среди бойцов Третьей Фрунзенской дивизии были молодые испанцы добровольцы, которые еще детьми были вывезены в СССР во время Гражданской войны. Один из них недавно приезжал на встречу однополчан. После войны я встречался со своими однополчанами в течение всей жизни.

28 июля дивизия выгрузилась в Лодейном Поле и вступила в бой с финнами у реки Свирь, в районе города Олонца. Чувствовалось огромное преимущество вражеской техники, очень много солдат погибло в первые дни, и очень многие попали в финский плен. Я был санитарным дружинником в полку, спасал раненых, вел книги учета убитых.

Противник занял Олонец и продолжал свой натиск. Мне вместе с госпиталем пришлось отступать. Силы были неравные, и с этим было сложно что-то сделать. Вышли на Кировскую железную дорогу, там тоже многие из наших погибли.

В сентябре меня зачислили в регулярную армию: до 1943 года оборонял Кировскую железную дорогу, служил в медсанбате, позднее командировали в тыл — в танковое училище.

Став танкистом, я воевал на Украине, в Венгрии, Румынии и Чехословакии. А в заветный День Победы, которого так ждал, отправился из Праги на Дальний Восток — в Монголию. СССР интенсивно готовился к войне с Японией, и мы приняли участие в операции. Помню, как ночами нас гоняли по азимуту, а днем мы отсыпались под брезентом. Жили в обстановке строжайшей секретности, даже писем не получали (нас тогда полевая почта не обслуживала). Пришлось пережить налеты вражеских летчиков-камикадзе на танковую колонну. Наконец Япония признала поражение после американской атомной бомбардировки. Ефрейтором я закончил Вторую мировую войну 3 сентября 1945 года в Порт-Артуре.

Моя жена, Антонина Николаевна Вавилина (Серебрякова), так же, как и я, была участницей народного ополчения Третьей Фрунзенской дивизии. Она работала в одном со мной госпитале дружинницей, а затем судьба развела нас в разные концы страны — она отправилась в 19-ю армию под Мурманск, в госпиталь в Кандалакшу, а я — в танковое училище, потом на Второй украинский фронт, в Шестую гвардейскую танковую армию. Когда мы встретились в

Жили в обстановке строжайшей секретности, даже писем не получали (нас тогда полевая почта не обслуживала).

народном ополчении, она была смешной конопатой девчонкой. А отношения у нас завязались уже потом, после войны. Вскоре мы поженились.

Жена была мне большим другом, очень хорошей хозяйкой и доброй женщиной, она не теряла приветливости даже в суровых военных условиях. На протяжении долгих лет она оставалась секретарем организации ветеранов Третьей Фрунзенской дивизии, кропотливо собирала и хранила информацию об однополчанах, организовывала встречи, старалась поддерживать контакт с родственниками погибших, взаимодействовала с музеями.

Теперь, когда Анастасии Николаевны не стало, этими делами занимаюсь я. Я один из немногих оставшихся в живых участников народного ополчения, воевавших в составе Третьей Фрунзенской дивизии. Готовлю материалы для архива. Здесь все документы: кто где служил, кто когда умер. Надо передать их в музей, чтобы память не была утрачена.

Среди бойцов Третьей Фрунзенской дивизии были молодые испанцы добровольцы, которые еще детьми были вывезены в СССР во время Гражданской войны

ВАЙНШТЕЙН
МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ

«В ПОЛЕ НА ОКРАИНЕ ГОРОДА ФАШИСТАМИ БЫЛИ РАССТРЕЛЯНЫ МОЯ МАТЬ И 74 РОДСТВЕННИКА»

Я гвардии сержант, инвалид Великой Отечественной войны II группы.

Родился я в 1926 году, в местечке Острополь на Украине.

Мой отец был членом ВКП(б) с 1920 года, мама работала служащей. Отца в 1930 году партия направила директором мельницы в Староконстантинов. Этот город был недалеко от Острополя. В 1932 году отца арестовало ГПУ, и мы, несмотря на усилия мамы и адвоката, ничего не смогли выяснить о его судьбе.

В 1940 году нас навестил вышедший из концлагеря человек и сообщил, что видел отца, которому запрещена переписка. Больше ничего об отце мы не слышали.

Впоследствии выяснилось, что он погиб в лагере перед 1941 годом.

Когда началась война, подробностей о наступлении гитлеровцев мы не знали. 4 июля военком города Староконстантинова приказал всем мужчинам от 1905 до 1925 года рождения явиться для отправки в область, на призывной пункт Красной армии. Мама женской интуицией чуяла беду, если я останусь, и велела мне сказать в военкомате, что я 1925, а не 1926 года рождения. Таким образом, я присоединился к собранным 950 человекам. Мне было пятнадцать лет, и я к тому времени закончил семилетку.

Нас построили в колонну, которая двинулась пешком к месту назначения. Вскоре мы переждали налет гитлеровской авиации. Многие погибли, остальные вместе с начальником колонны разбежались.

Осталось нас 180 человек. Мы организованно, под командой директора школы, ночами дошли до Полтавы. Старших призвали в армию, а юношей 1924—1925 годов рождения направили на работу в колхоз, в деревню Диканьку. Через три месяца фронт приблизился к Полтаве. Нас отказались взять в армию по малолетству, хоть мы

и просили об этом. В итоге к зиме я с мальчишками-земляками добрался до Саратова, меня направили работать в колхоз Озерского района.

В колхозных мастерских я слесарил, ремонтировал трактора, учился водить эти транспортные средства, а весной 1942 года уже работал на тракторе ЧТЗ.

В начале 1943 года я был призван в армию. После ускоренного трехмесячного курса в Саратовском танковом училище получил звание сержанта-танкиста. Поехали мы в Нижний Тагил получать на заводе новые танки, а осенью прибыли на фронт в Белоруссию. В дружном танковом экипаже я был заряжающим.

В октябре 1943 года в бою фашисты подожгли наш танк. От попадания снаряда в броню я получил контузию и потерял сознание. Ребята вытащили меня, полуживого, через водительский люк и отправили в медсанбат бригады.

Там я пролежал целый месяц. Сначала сильно заикался, навсегда оглох на левое ухо: лопнула барабанная перепонка. Из медсанбата меня выписали в старый полк, но так как танков не хватало, назначили в роту автоматчиков, в разведвзвод, а потом определили командиром 76-миллиметрового орудия. Мы стреляли прямой наводкой по вражеским танкам. В одном бою мое орудие было разбито, весь расчет погиб.

Опять я стал на время автоматчиком. Во время другого боя я увидел, как тяжело ранило в обе ноги молодого лейтенанта, под шквальным огнем дополз до него и сумел вытащить беднягу из этого ада. За это командир роты накричал на меня, что я автоматчик, а не санинструктор. Но, несмотря на выговор, представил меня к награде орденом. Награды я не дождался, поскольку был переведен в другую часть. Туда пришли новые танки, и я снова стал танкистом.

Воевал я с декабря 1943 года на Первом Белорусской фронте, с августа 1944 года — на Первом Прибалтийском, а с февраля 1945 года до конца войны — на Втором Белорусском. Был ранен, трижды контужен, два раза горел в танке. Служил я в 143-й отдельной танковой бригаде и в 66-м танковом полку.

Много пришлось пережить, так как я провел на фронте, на передовой, без передышки более двух лет.

Вспоминаются некоторые фронтовые эпизоды.

Это случилось в Белоруссии. Тогда я был командиром орудия. Вечером поставил часового. На ночь расчет залез в окопы, я тоже —

в свою ячейку. Не помню, сколько я проспал. Под утро меня разбудили. Я открыл глаза и увидел, что вся земля вокруг изрыта воронками от снарядов, а я спал как убитый и ничего не слышал. Смотрю, в моем окопе вода, одежда намокла. В лужах — ледок: конец октября, ночные заморозки. Встать в рост не могу — рядом открытая местность. Часовой советует бежать с полкилометра в наши тылы обогреться. Что делать, не знаю. Оставить позицию — означает попасть под трибунал. Но необходимо подсохнуть, согреться.

Решил бежать. А уже рассвело. Бегу. Немец меня обстреливает из миномета. Разрывы то впереди, то сбоку, то позади. Как я добежал и меня не задел ни один осколок, до сих пор не понимаю. Старшина в землянке раздел меня донага, растер тело спиртом, заставил выпить стакан водки, а я никогда в жизни столько не выпивал. В землянке было тепло. Старшина выдал мне все новое сухое белье. И я помчался обратно на свою позицию. За всю войну ни летом, ни зимой я ни разу не болел. Зато после войны меня замучил фурункулез.

Второй эпизод тоже случился на Белорусском фронте. Я — командир орудия старого образца. Оборону мы занимали на возвышенности. Прямой наводкой по наступающим немецким танкам стреляла моя батарея. Мы отбили две атаки фашистов. Подбили три танка. Мой наводчик был ранен. Я его заменил. Но кто конкретно подбил танки, сказать не могу, так как стреляли и соседние орудия.

Как обычно, при оборудовании новой позиции вырыли мы один блиндаж на всех, с одним накатом бревен вместо крыши. Четыре солдата заявили, что им тесновато. Они вырыли рядом еще один блиндаж, в который и перешли. Я с одним бойцом остался в старом. Мой напарник был часовым снаружи. Я один отдыхал в блиндаже, а те четверо — в своем. Начался артиллерийский налет противника на нашу позицию. Длился он почти полчаса. Мне потом рассказали, что после первых залпов один снаряд разорвался у моего блиндажа. Взрывной волной бревна наката разбросало. А одно бревно придавило меня. С каждым новым разрывом снарядов меня все больше вдавливало в землю. Наружу торчала только моя голова. Оставшиеся в живых ребята нашли меня, освободили от бревна и вытащили наружу. Затем мои спасители разобрали вход во второй блиндаж, засыпанный землей. В нем нашли всех четверых бойцов моей батареи. У них из ушей и носов виднелись ручейки запекшейся крови. Ранений ни у кого не нашли. Оказалось, они были убиты взрывной волной.

За всю войну ни летом, ни зимой я ни разу не болел.

В составе Первого Белорусского фронта я участвовал в освобождении города Витебска. Оттуда нашу танковую бригаду передали Первому Прибалтийскому фронту. Мы прорывали оборону гитлеровцев под Шяуляем. Затем уже в составе Второго Белорусского фронта мы ликвидировали противника, окруженного у Данцига. Оттуда по понтонной переправе мы форсировали реку Одер и брали город Штеттин. Теперь он в Польше и называется Щецин.

Наш танковый полк послали в обход Берлина за отступавшими в панике гитлеровцами. Бросок был настолько стремителен, что мы оторвались от приданной пехоты на сотню километров. Пришлось остановиться и ждать отставших. До подхода пехоты мы заняли круговую оборону. Но, к счастью, обошлось без столкновения с немцами. Наконец пехота появилась, мы посадили ее на танки и совершили марш-бросок по Германии на двести километров. Это было в начале мая 1945 года.

Закончил войну в городе Висмаре. Половину города занимали мы, вторую половину — американцы, с которыми дружески общались. День Победы, объявленный в Советском Союз 9 мая 1945 года, праздновали бурно. Даже не верилось, что остались живы.

Я был награжден орденом Отечественной войны первой степени, двумя медалями «За отвагу», медалью «За боевые заслуги», а также всеми медалями, положенными участникам войны, начиная от медали «За победу над Германией».

После окончания войны солдаты моего года рождения продолжали службу в армии до 1950 года. Демобилизовавшись, я поехал к двоюродной сестре в Ленинград. Поступил на работу в объединение ВПК «Ленинец» слесарем. Работал и учился в вечерней школе. В том же 1950 году женился. Окончив десять классов, поступил на вечернее отделение в ЛИАП. После окончания института остался в «Ленинце» на должности инженера и проработал до 1998 года, когда ушел на пенсию. У меня два взрослых сына. Оба они заочно закончили ЛИАП и тоже работали на «Ленинце», в СКБ.

В заключение не могу не описать один трогательный случай из моей гражданской жизни. В 1963 году по очереди я получил двухкомнатную квартиру на улице Гагарина. Только к вечеру завез туда семью, мебель и вещи и обнаружил, что не купил папиросы, а курить очень захотелось. Решил выйти на улицу и попросить папироску у первого встречного.

После окончания войны солдаты моего года рождения продолжали службу в армии до 1950 года.

На улице было уже темно. У нашей парадной я встретил куряще-го мужчину, который откликнулся на мою просьбу: «Пожалуйста, закуривайте. Только у меня папиросы "Звездочка". Я согласился, поблагодарил и взял одну папиросу. Начал искать в карманах спички. Мой доброхот сказал: «Не беспокойтесь. Я дам прикурить». Он зажег спичку и поднес мне. Пока я прикуривал, он взглянул на мое лицо и воскликнул: «Миша! Я же тебя сразу узнал. Мы с тобой в одном танковом полку воевали! В одном батальоне! В одной роте!» Он узнал меня при свете спички через пятнадцать лет! Я же его сразу не признал. Оказалось, что мы живем в одном подъезде. Зовут его Гена Басков, и работает он рабочим в ЖЭКе.

Вспомнили фронт, наших командиров, солдат. И он настоял подъехать в выходной день к однополчанину, инженеру метрополитена, жившему у Финляндского вокзала. Этот инженер встретил меня как родного, сразу узнал, обнял. И были мы в приятельских отношениях до самой его смерти в начале 90-х годов.

Вот таково мое последнее приключение, связанное с пребыванием на фронте.

Сразу после демобилизации я съездил в родной город Староконстантинов. В поле на окраине города я увидел скромный обелиск на месте уничтожения в 1943 году всех евреев города и окрестных селений, включая Острополь. Там были расстреляны моя мать и семьдесят четыре родственника.

АНИСИМОВА (УСТИНКОВА) НИНА ГРИГОРЬЕВНА

«МАМА УМОЛЯЛА НЕ ВЫСАЖИВАТЬ ЕЕ, УМИРАЮЩУЮ, С ПОЕЗДА»

Моя мама, Анисимова Нина Григорьевна (Устинкова), родилась 6 ноября (22 декабря по паспорту) 1924 года в деревне Половина Понизовского района Смоленской области в семье зажиточных крестьян. Хозяйство было крепким, большим: огромный сад с пчелами и медом, большой скотный двор, немаленький дом-пятистенок, в котором после раскулачивания и изгнания родителей Нины Григорьевны проживало три-четыре семьи.

Семью мамы после раскулачивания (невзирая на отсутствие наемных работников и использование только своего семейного труда) отправили жить в разбитый сарай. Маленькая Нина приходила к своему старому дому и со слезами смотрела, как в их доме жили другие люди, которые ничего не сделали для того, чтобы этот дом появился.

Боясь дальнейших репрессий после раскулачивания, родители Нины — Дарья Андреевна и Григорий Гурьевич Устинковы — вместе с тремя детьми (Нина — шесть лет, Николай — четыре года и Женечка — два года) уехали в город «за работой» для устройства жизни по уходу и воспитанию своих малышей.

Приехали в Ленинград, но знакомых не было. На работу смогли устроиться в Гатчине Ленинградской области, где были хотя бы какие-то знакомые люди и дальние родственники. Поселились в деревянном доме около кладбища.

Отец вскоре стал ездить в город Ленинград на работу, но простудился и умер, не дожив до 40 лет. Мать работала где только могла, чтобы хоть как-то прокормить и одеть детей, дать им образование. Она прожила до восьмидесяти пяти лет, дождалась правнуков.

Нина окончила гатчинскую школу №4 в 1941 году. Когда началась война, она пошла в военкомат и попросилась на фронт. Но ее, худенькую, слабенькую девушку, взяли только официанткой в столовую Военторга при штабе 42-й армии. Место работы находилось в здании теперешнего университета МЧС на углу Благодатной улицы и Московского проспекта.

В квартире, где она проживала в блокадные дни, умерли все, кроме маленькой девочки Гали. Ее Нине удалось с большим трудом устроить в Дом малютки. Саму Нину, тогда восемнадцатилетнюю, больную, с высокой температурой, госпитализировали, вывезли по Дороге жизни в Кобону, а затем на Большую землю.

Нине удалось выехать из осажденного блокадного Ленинграда, но в поезде, когда ленинградцев-блокадников везли на юг, она опять заболела. Будучи в горячке, услышала, что ее, «умирающую», хотят высадить, чтобы не заражать остальных в вагоне. Нина пришла в себя и стала умолять проходящих медицинских работников (поездную комиссию) оставить ее в поезде, уверяя, что она обязательно выздоровеет и выживет, ведь молодая, ей всего восемнадцать лет.

Комиссия ее оставила. Это запомнилось на всю жизнь. Ведь почти всех, кого высадили, похоронили вдоль этой железной дороги.

Уже в мирное время мы с семьей ездили в Кобону, и мама рассказывала, что ленинградцев поместили в церкви. Там было очень много людей, лежали прямо на полу. Нина была как в бреду и плохо помнила, что там происходило. Но после церкви в Кобоне болезнь покинула ее, и потом всю войну она не болела, в каких бы условиях ни оказывалась (а условия были суровые). Как будто неведомая сила охраняла стойкую девушку от болезней, плохих людей, недостойных дел.

Далее поезд с блокадниками поехал в Краснодарско-Ставропольском направлении. Когда они приехали на юг, их высадили из поезда и распределили по семьям в поселках Ставрополья. Местные жители накормили, напоили, одели ленинградцев.

Через некоторое время вывезенных из Ленинграда молодых людей снова собрали и отправили теперь уже на север — в Северодвинск Архангельской области. Там Нина очень много и упорно работала на заводе № 402, сначала — в механическом цехе, на токарном станке, перевыполняя нормы. Потом ее, по тем временам достаточно грамотную и толковую, перевели в отдел кадров завода. В Северодвинске девушка проработала до мая 1945 года.

Ведь почти всех, кого высадили, похоронили вдоль этой железной дороги.

В апреле 1945 года на имя Устинковой Нины Григорьевны в адрес завода пришел вызов из Москвы, от дяди Феофана Гурьевича Устинкова. И моя мама смогла выехать в направлении Москвы, а затем приехала в Гатчину к маме и сестре Евгении. Брат Николай пропал без вести.

В Гатчине Нина поступила на работу в редакцию газеты «Гатчинская правда». Будучи талантливым человеком, она вскоре стала корреспондентом газеты. Ее душевные интересные истории, статьи о жизни простых людей пользовались успехом у читателей.

В 1947 году Нина познакомилась с моим будущим папой Анисимовым Виталием Александровичем — директором Дома культуры, он в то время стал вдовцом с маленьким сыном Сашей (1946 года рождения). Вскоре они поженились. Через год в ноябре 1948 года родилась я, дочка Татьяна. Позже из маминой родной деревни со Смоленщины родители привезли мальчика Виктора (1938 года рождения), который остался после войны круглым сиротой, и они его усыновили. В 1968 году мы переехали в Ленинград.

Наша семья была очень дружной, трудолюбивой, приветливой. Дети были настроены на обязательно трудолюбивую честную жизнь, на помощь нуждающимся. Мы испытывали огромную благодарность родителям за теплую, уютную рабочую обстановку, которая сложилась у нас дома благодаря их крепкому душевному благотворному союзу.

Анисимова Татьяна Витальевна.

Как будто неведомая сила охраняла стойкую девушку от болезней, плохих людей, недостойных дел.

На фото:
Нина Устинкова

На фото:
Н. Г. Анисимова (Устинкова) с мужем Виталием Александровичем

На фото:
семья Устинковых (Нина — третья слева)

ГЕЛЛЕР (ЯКОВЛЕВА) ГЕРТРУДА МИХАЙЛОВНА

«В НАШ ДОМ ПОПАЛА БОМБА. К СЧАСТЬЮ, ОНА ОКАЗАЛАСЬ НАЧИНЕНА ПЕСКОМ, И ТАМ — ЗАПИСКА ОТ НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ: ЧЕМ МОЖЕМ, ТЕМ ПОМОЖЕМ»

Я родилась 19 октября 1931 года. Война нас застала на даче в Карелии. Пока нас с младшей сестрой (1934 года рождения) вывезли оттуда, пока собрались в эвакуацию к бабушке в деревню Денисово Калининской области, объявили блокаду. Так мы и остались в доме 106 по Большому проспекту Петроградской стороны, квартира 11.

Мой папа, Яковлев Михаил Яковлевич, имел броню, но тут же сам добровольцем пошел на фронт.

Мне очень запомнилось, как в наш дом попала бомба. Мама спряталась за печку, а мы с сестрой под стол. К счастью, бомба оказалась начинена песком, и там — записка от немецких рабочих: «Чем можем, тем поможем». Такая же бомба попала и в кинотеатр «Арс».

Еще запомнилось, как мы возвратились с водой, а у парадной — толпа. Оказывается, пала лошадь и уже замерзла. Люди стояли с ножами, топорами, но ничего отрезать не смогли. Плач был жуткий, пока не появился солдат и штыком не совладал с лошадью, разделив ее на всех. Это нас очень поддержало.

А еще раньше мама сварила кота, выдав его за кролика.

Ходили за водой на реку Карповку поблизости от дома.

В основном время проводили лежа в кроватке, в полусне. Мне все время виделись во сне сосиски. Потом мама совсем ослабела, заболела цингой. Но папе удалось нас вывезти по Ладоге.

Добирались мы к бабушке два месяца. Таким образом остались живы.

ЕФИМОВА (ПРОХОРОВА) НИНА ФЕДОРОВНА

«ВОТ РАДОСТЬ БЫЛА, КОГДА ИЗ НАЙДЕННОГО РЕМНЯ СВАРИЛИ СУП!»

Сколько бы лет ни прошло, а в наших сердцах набатом будут звучать слова «война» и «блокада», а вместе с ними — «подвиг», «героизм» и «мужество» ленинградцев.

Я расскажу о своей семье — обычной ленинградской, каких были сотни тысяч. Нас, Прохоровых, было пять человек, все мы родились в Ленинграде: папа Федор Николаевич (1887 года рождения), мама Ольга Михайловна — (1894 года рождения), сын Борис (1919 года рождения), дочь Лидия (1923 года рождения) и самая младшая дочь Нина (1927 года рождения) — это я.

Мы жили в двухкомнатной квартире на Киевской улице, дом 11, квартира 35. Папа работал на фабрике «Скороход», мама была домохозяйкой, Борис учился на четвертом курсе кораблестроительного института, Лидочка — на втором курсе института железнодорожного транспорта, а я — в седьмом классе средней школы.

Но вот 22 июня 1941 года, в воскресный теплый день, радио сообщило, что германские войска напали на нашу страну… Война! На следующий день — первая воздушная тревога в городе, и далее — каждый день с утра до вечера без передышки. 8 сентября в результате первого массированного налета бомба попала на Бадаевские склады, все продукты сгорели. На месте пожарища осталась сладкая земля, которую мы копали, процеживали и пили с ней чай. Магазины быстро опустели, ввели продуктовые карточки, началось голодание ленинградцев.

Магазины быстро опустели, ввели продуктовые карточки, началось голодание ленинградцев.

Брата призвали в армию. Папа стал плохо себя чувствовать, как и мама. Я еще ходила, мы учились в бомбоубежище на Заставской улице. Сестренку направили на работу в штаб Ленинградского фронта, но он находился на площади Урицкого (теперь это Дворцовая площадь), и ей приходилось так далеко ходить пешком, под обстрелами и бомбежками.

Зима стояла суровая, морозы 30–35 градусов. В декабре 1941 года папа уже не мог ходить от голода и холода и лежал в кровати. 18 декабря он умер. Мама и я уже больше лежали, чем ходили. Не было воды, света, дров, немец бомбил и стрелял круглосуточно. Пользовались свечками, у кого они были, а из-за отсутствия дров жгли мебель. У каждого ленинградца была времянка. Мы жили на кухне, там стояла железная кровать, плита чугунная, холодная, топить ее было нечем, а еще печка-буржуйка. Были керосинка и примус. Очень хотелось кушать, но ничего не было. Мы с мамой не ходили, лежали вместе в кровати и ждали Лидочку с работы. Мамочка не выдержала таких условий, голода и холода и ушла из жизни 22 марта 1942 года. Я осталась одна, и моя Лидочка со мной. Во время бомбежек и тревог я ползала, как могла, потому что встать не было сил.

Ленинградцы умирали в день по тысяче человек. Очень хотелось кушать, и когда была вода, мы старались пить, а потом распухали от головы до ног. Лидочка пыталась мне помочь, но как? Карточки не отоваривались, потому что в магазине не было продуктов. Как-то я нашла на кухне ремень — папин или брата, и Лидочка сварила мне из него суп. Вот радость была!

Квартиры в большинстве домов в городе не закрывались — были пустые, нечего было воровать. Ленинградцы ели кошек, собак, голубей, воробьев и траву-лебеду. А потом стали пропадать люди взрослые и дети маленькие. Говорят, из них делали котлеты и продавали.

Я не ела, некому было принести. Как я выжила — не могу до сих пор понять. Ведь лежала, не могла разговаривать, была дистрофиком, на ноге — открытая рана до кости, в которой завелись червячки, болела цингой, во рту зубы шатались и выпадали, непроходимость пищи. Усваивались только жидкая каша и вода, а где это все взять?

Но со временем стало легче. В 1943 году я уже ходила и стала похожа на человека. Мы очищали Ленинград от снега и льда. Нам,

блокадникам, очень помогали девушки из Ленинградского военного округа, они ходили по домам и тем, кто еще жив, старались помочь.

В ноябре 1943 года меня зачислили в Ленинградский военный округ учеником счетовода. Мне исполнилось семнадцать лет. Когда полностью сняли блокаду, меня отправили рядовой в 67-ю мотострелковую дивизию Ленинградского военного округа.

Квартиры в большинстве домов в городе не закрывались — были пустые, нечего было воровать.

РОМАНОВА-ПАНОВА
АННА ИЛЬИНИЧНА

«В ПЕРВУЮ БЛОКАДНУЮ ЗИМУ Я, ОПУХШАЯ ОТ ГОЛОДА, ПРИХОДИЛА С РАБОТЫ, А ДОМА МАМА ПЛАКАЛА НАД МОИМ СЫНОМ ОТ ОТЧАЯНИЯ, ЧТО ОН ЛЕЖИТ И ШЕВЕЛИТ ГУБКАМИ, А ДАТЬ ЕМУ НЕЧЕГО — ВСКОРЕ УМЕРЛИ ОНИ ОБА»

Я родилась в 1914 году в семье воронежских крестьян Пановых. Из тех бедствий, что постигли российское село в первой трети XX века, прежде всего, была жесточайшая засуха — два неурожая подряд, крестьяне собирали верблюжью колючку, чтобы выжить.

Мне было двенадцать лет, когда в 1926 году меня увезли из дому. Вербовщики приглашали семью на заработки под Ленинград, в Гатчину. В двадцатые-тридцатые годы строили город и поднимали промышленность выходцы из российских сел, зарабатывали деньги и для себя, и для семьи на малой родине.

Мы прибыли сюда с теткой, но скоро она уехала, а меня забрала заведующая столовой. Чем-то я ей приглянулась.

Потом стала работать официанткой, но тогда на такой работе платили мало, а я уже должна была и маме помогать, и брату, и сестра еще росла. И пришлось мне идти на стройку. Недолго там поработала и ушла на завод резиновых изделий «Красный треугольник». Так и работала там до войны, и замуж вышла на «Треугольнике». Знаменитый некогда завод, как и многие другие предприятия, был тогда нацелен на выпуск военной продукции. На «Красном тре-

угольнике» было шесть цехов, мой цех делал противогазы, а соседний приваривал к ним «хоботы». Еще завод выпускал шины, опять же для военной техники.

В 1940 году у меня родился сын. А мужа призвали в армию за три месяца до нападения Германии — в марте 1941 года. Он не дослужил восемь дней до окончания срока, должен был демобилизоваться и вернуться домой из эстонского города Тарту в воскресенье 30 июня. Пехотинец Романов прибыл в Ленинград с отступающими войсками и участвовал в обороне города. Позднее был ранен, вернулся домой уже инвалидом, потеряв обе ступни.

Во время первой блокадной зимы я похоронила маму и сына. Помню, как в ноябре 1941 года, когда я приходила домой, мама плакала над ребенком от отчаяния, что он лежит и шевелит губками, а дать ему нечего.

Мама умерла 22 декабря 1941 года, а мальчик — 14 января 1942 года. Сама я опухла от голода, слегла. Спас меня муж, когда наконец с большими усилиями добился, чтобы его направили из-за Ладоги в Ленинград.

В 1942 году меня наскоро выучили в водительской школе на углу улиц Марата и Разъезжей и сразу направили возить грузы во Всеволожском районе. За пределы участка между Всеволожском, Мельничным Ручьем и Бернгардовкой выезжать было нельзя, поскольку я не успела, как положено, постажироваться месяц с опытным шофером и оформить документы. Руководство Всеволожского пищеторга договорилось с отделом дорожной инспекции, чтобы мне, новоиспеченному шоферу, не запрещали ездить без прав.

Позднее я стала работать в части НКВД в том же районе, водила то грузовик, то легковушку в зависимости от рабочих заданий.

Война оставила страшный след в моей жизни. Во время блокады я потеряла единственного ребенка, маму, брата, сестру. Муж вернулся с войны искалеченный.

После войны работала в министерстве вооружений, в том числе возила начальников и гостей, приезжавших из столицы. Из пассажиров мне запомнился чернокожий американец Пол Робсон — спортсмен, певец, актер, правозащитник. В Советском Союзе его знали и обожали, голос звучал на пластинках чуть ли не в каждом доме. Он беседовал со мной. И хотя он симпатизировал коммунистам и был в жестком конфликте с американской политической эли-

Война оставила страшный след в моей жизни

той, все же звал меня к себе в страну: «Поедем, Аня, будете у нас водить не такой газик, а хорошую машину».

Работала я до 1970 года — свыше четверти века, пока не получила травму. В декабре, спеша оповестить сослуживцев о задании, упала и повредила глаз, частично утратила зрение. Пришлось распрощаться с «баранкой» и выйти на пенсию. Недавно я отметила столетний юбилей.

Спас меня муж, когда наконец с большими усилиями добился, чтобы его направили из-за Ладоги в Ленинград.

ЧЕТКОВА (МОСОЛОВА)
ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА

«В БЛОКАДУ МЫ, ДЕТИ, ОСТАЛИСЬ ЖИВЫ, ПОТОМУ ЧТО УМЕРЛИ НАШИ РОДИТЕЛИ»

Войну я встретила, стоя в очереди за яйцами, мне тогда было девять лет.

Война... Страшное слово, особенно для тех, кто был свидетелем ее.

Я родилась и росла до девяти лет на Большой Охте. Дом стоял на Среднеохтинском проспекте, мимо нас проходили процессии похорон на Георгиевское (ныне Большеохтинское) кладбище.

Войну я встретила, стоя в очереди за яйцами, мне тогда было девять лет. Все обратили внимание на летящие в небе звенья самолетов. Такого никогда не было. Помню и ужас взрослых, и суматоху. Около Большеохтинского кладбища находилось необыкновенное для деревянной Охты большое краснокирпичное здание школы с большим огороженным пространством. Именно там был призывной пункт, в те дни

там были типичные кадры из фильма «Летят журавли»: столько людей, прощание, шум, плач....

Нас, детей, по чьему-то приказу взяли от матерей и отправили в эвакуацию по Московской железной дороге. Оказалось, прямо к наступающим немцам. Помню только громадные сосны и ели. Не помню, где и как была организована жизнь, только очень скоро за мной приехала мама, как и за другими. С кем-то из знакомых пихнула меня в вагон, а сама поехала за младшей сестрой. По дороге бомбили, но слава богу, все обошлось. Приехав домой, я не узнала своей малой Родины: все кипело от людей, коров, коз, тележек, повозок, тюков и т.д. Это шли толпы беженцев, ведь мы жили на окраине.

А 8 сентября началась блокада. Как мы, дети, выжили, до сих пор не понимаю. Скорей всего, мы и живы, потому что умерли родители.

Картины блокадной жизни страшные. Первые дни для нас, детей, еще были особо неощутимы, хотя привыкнуть к налетам и бомбежкам невозможно. Бомбили часто, ведь рядом с нами «Петрозавод» (ремонт кораблей) и громадный Большеохтинский мост, тут же — подъездные пути железной дороги, по которой шло все. В команде пожарных служил отец, он был на казарменном положении.

Но холод и голод делали свое дело. В школу не ходили, пробовали сначала заниматься в каком-то казенном помещении при коптилках, но не получилось.

Дом наш был недалеко от кладбища, мимо нас везли умерших от голода, а когда выпал снег — катили на саночках. Трупы были обернуты простынями. Но даже у тех, кто очень любил близких, часто не хватало сил довезти до кладбища своих любимых. Много трупов оставлялось на дороге, мы даже часто спотыкались о покойников, среди них были и детские трупики. Страшная картина, но даже к этому начали привыкать: выходить из дома все равно надо было.

Кто жил рядом с Невой, ходили за водой туда. Я же с кастрюлей на саночках и флягой-манеркой ходила на речку Охту около Комаровского моста. Там очень крутые берега, но вода была нужна, и я сползала с манеркой, черпала воду и снова ползком наверх. Часть выливалась, земля леденела. Это запомнилось на всю жизнь. Приходилось ходить и за хлебом — 125 граммов.

Мама начала болеть — сердце. Брат был в ремесленном училище. Отец на казарменном положении. Топили буржуйки всем, что было, единственная отдушина — радио, черная тарелка.

Ранней весной в городе силами молодых людей и всех, кто мог, началась уборка, чтобы не было эпидемий. Я как-то шла от отца по берегу Охты около Красногвардейской площади, наледи были огромные, но солнышко было весеннее. От Комаровского моста к площади стал поворачивать грузовик, кузов которого был заполнен короткими бревнами и накрыт брезентом, но колеса попали на громадную наледь, и канаты лопнули. О ужас! Кузов наклонился, и из него посыпались «дрова» — трупы подростков, это были ремесленники, как я решила. А брат был в ремесленном. Как я плакала! Как могла, пошла скорей домой. Но судьба Николая хранила — вскоре он пришел домой.

Но с весной и мама, и папа очень сдали. Мама лежала, я обычно спала с ней. И вот 18 апреля 1942 ночью я проснулась — и не услышала ее дыхания. Стала тормошить — безуспешно, стала плакать, разбудила отца, он уже был дома, так как был очень слаб. Мама была мертва. Все близкие скинулись и за буханку хлеба нашли место на Большеохтинском кладбище.

Я после этого слегла: подвели ноги. Меня и сестру сандружинницы отвезли в детский приемник. Я попала в больницу. Там (и это до сих пор меня удивляет) нас, дистрофиков, кормили, лечили и даже... давали по ложке какого-то вина (кагор? портвейн?).

Когда я вышла из больницы, Галю уже через Ладогу отправили в эвакуацию в детский дом. Я побывала дома. От моей любимой бабушки — она жила отдельно, но часто ходила на кладбище — узнала, что в мамину могилу похоронили еще одну женщину. Бабуся написала дощечку и прикрепила к кресту. И вскоре там была записка с ответом. Эта записка у меня хранится до сих пор. Оказывается, сыну этой женщины за хлеб предложили только вырытую могилу, а когда он стал возражать, ему сказали: «Что ж вы хотите? Голод. Хороните во рву». Он согласился, хотя видел край гроба. Так и лежат там две ленинградки — одна тридцати шести лет (мама), другая шестидесяти трех.

В июне меня с другими детьми эвакуировали в Ивановскую область через Ладогу. Конечно, бомбили, но дети были в трюме. Было страшно, но ведь мы были маленькие и представить не могли, что можем умереть.

Началась другая жизнь. Папа умер в августе 1942 года. Николай всю жизнь проработал на заводе Ленэнерго, награжден медалью «За оборону Ленинграда». Галину администрация детского дома в конце 1945 года распорядилась привезти из Ярославской области ко мне, но блокада ни для кого не прошла бесследно. Болезни сопутствуют всю жизнь, а главное — ужас потерь и всего пережитого.

Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР
Отдел Актов Гражданского Состояния

СВИДЕТЕЛЬСТВО
о смерти № 3784

Мосолова Серафима Александровна
Дата смерти 21 апреля 1942 года
Место смерти г. Л-д
Возраст и причина смерти 36 лет, ист. слабость
Зав. Бюро ЗАГС
Гос. Стоимость 1 руб.

Ленсовет
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Отдел Актов Гражданского Состояния

СВИДЕТЕЛЬСТВО
о смерти № 170
г. Москва
Сергей Константинович
пол
проживал и умер(ла) (год, число и месяц)
26 августа 1946 г.
в чем и выдана настоящая выписка гражданского состояния о смерти за 1946 г. 27 числа августа
Место смерти г. Ленинград
Возраст и причина смерти 43 г. Сердечная слабость
Зав. Бюро ЗАГС Дзержинский
1 " 10 1946 г.

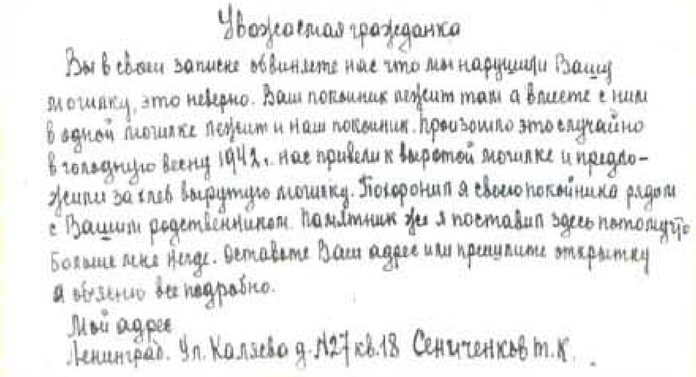
На фото:
свидетельство о смерти родителей — Серафимы Александровны и Сергея Константиновича Мосоловых

Справка

Дана гр-ке Мосоловой Е. С.
в том что она находясь на иждивении отца, который умер 21/IV-42
проживала ул. Медведева 10 кв 1.
с 31/VII-34 г. Дана в 1942 сгорела
Дана для представления
в ото Калининского р-на

Начальник Жилищного Управления Калининского района г. Ленинграда
25/X 42

На фото:
справка о месте жительства Е. С. Мосоловой (Четковой)



Уважаемая гражданка

Вы в своей записке обвиняете нас что мы нарушили Вашу могилку, это неверно. Ваш покойник лежит там а вместе с ним в одной могилке лежит и наш покойник. Произошло это случайно в голодную весну 1942 г. нас привели к вырытой могилке и предложили за гроб вырутую могилку. Похоронил я своего покойника рядом с Вашим родственником. Памятник же я поставил здесь поэтому Больше мне негде. Оставьте Ваш адрес или пришлите открытку я обязательно все подробно.

Мой адрес
Ленинград. Ул. Колзево д. №27 кв. 18 Сеничкин В. К.

На фото:
записка о захоронении на Большеохтинском кладбище

На фото:
с подругой по педучилищу № 3 Анной Зайцевой, 1949 г.

На фото:
дача детского дома №53, лето 1953 г., два года после педучилища

На фото:
первая работа — пионервожатая в лагере, третий курс педучилища, лето 1949 г.

На фото:
фото для выпускного альбома — мой первый выпускной класс, 1969 г.

На фото:
Серафима Александровна Мосолова, моя мама (слева), Старый Петергоф, 22.10.1949

На фото:
Сергей Константинович Мосолов, мой папа, 1941 г.

На фото:
с коллегами по детскому дому, 1954 г.

ЛЕБЕДЕВА ВАЛЕНТИНА ЕВГЕНЬЕВНА

«НАС БОМБИЛИ И ОБСТРЕЛИВАЛИ, ВОКРУГ ВСЕ ВРЕМЯ РВАЛИСЬ БОМБЫ»

До войны мы жили на Васильевском острове, на углу Малого проспекта и 13-й линии. Родители мои работали на кожевенном заводе «Коминтерн», бабушка — на фабрике офсетной печати, тетя — инвалид с детства, а я ходила в заводской детский сад.

Летом 1941 года, когда немцы подходили к Ленинграду, наш детский сад эвакуировали в город Холм Новгородской области. Вскоре оказалось, что немцы к Холму подходят ближе, чем к Ленинграду, и нас срочно повезли обратно в город.

По дороге нас очень сильно бомбили. Поезд часто останавливался, и нас выводили из вагонов, мы прятались в придорожных кустах. Когда налет прекращался, мы ехали дальше. Наши воспитатели помещали нас под нижние полки и накрывали матрасами, чтобы не поранило осколками.

Ехали мы очень долго. Особенно страшно было в Окуловке, где все гремело и горело. Однако нас благополучно довезли до Ленинграда, где родители уже и не чаяли нас увидеть. Никто из детей не пострадал. Большое спасибо за это нашим воспитателям. Ранило только нашего врача. На радостях мама купила мне куклу с закрывающимися глазами.

По возвращении я продолжала ходить в детский сад.

Папу моего на фронт не взяли из-за больной спины, и он был в ПВО на заводе. Домой папа приходил очень редко. Потом его ранили. После ранения он жил дома. Они с мамой разделили свои хлебные карточки, потому что папа не мог удержаться, чтобы не съесть сразу весь свой паек, а мама свой делила на маленькие кусочки и подсушивала. Один сухарик она оставляла мне на вечер. Моя же карточка была полностью в детском саду.

Зиму 1941—1942 года мы жили очень трудно, как и все ленинградцы. Папа был ранен, мама опухла и работать уже не могла.

1 апреля 1942 года умерла бабушка, а вскоре и тетя. Тогда нам предложили уехать из города. В июле 1942 года мы эвакуировались в Чувашскую АССР. Через Ладогу мы переправлялись на катере. Было очень страшно. Нас бомбили и обстреливали, вокруг все время рвались бомбы. Но мы благополучно добрались до Большой земли. Там нам сразу выдали горячую еду, но предупредили, чтобы мы много не ели — это опасно.

Потом мы погрузились в вагоны и поехали в Чувашию. Высадили нас на станции Вурнары, где уже ждали подводы. Погрузили на них и повезли в деревню. Мы, несколько семей, оказались в деревне Кумбалы Калининского района.

Сначала всех поселили в школе. Колхоз выделил человека и продукты, нас три раза в день кормили. Мы выползали из школы, ели и снова ложились. Потом разместили по домам. Хозяевам за нас платили трудодни, а нам в сельпо выдали муку, крупу и еще какие-то продукты.

Ближе к осени, когда взрослые немного окрепли, они пошли на работу в колхоз, а дети — в школу.

Так мы прожили до июня 1945 года, когда вернулись домой.

Хочу выразить глубокую благодарность людям, которые организовали наш быт в эвакуации, и всем тем, кто помог нам пережить эти страшные годы.

...нам выдали горячую еду, но предупредили, чтобы мы много не ели — это опасно.

ВСЕГДА В СТРОЮ!

Фотохроника наших дней

БЛОКАДНЫЙ СЛОВАРЬ

Бадаевская земля (сладкая земля, ленинградские конфеты) — земля, пропитанная расплавленным сахаром, в районе разбомбленных Бадаевских складов, которую ленинградцы ели в блокаду.

Белый билет — разговорное обозначение учетно-воинского документа (обычно военного билета) для тех, кто не годен к военной службе по состоянию здоровья или не подлежит призыву в силу других причин. Такие граждане, как правило, состояли на особом воинском учете с призывом не в боевые части РККА, а в тыловое ополчение.

Броня — закрепление за учреждением прав на специалиста, отсрочка от призыва.

Буржуйка — небольшая печка, дающая много тепла. В годы войны имелась практически в каждой ленинградской квартире. Эта железная конструкция очень удобна в силу своей компактности и легкости в изготовлении: ее можно было сделать своими силами из любого обрезка трубы или старого бензобака. Скорее всего, называлась так потому, что быстро остывала, требуя все больше топлива.

Дорога жизни — единственная транспортная магистраль через Ладожское озеро, связывавшая блокадный Ленинград со страной во время блокады в годы Великой Отечественной войны (с 12 сентября 1941 по март 1943 года). В периоды навигации — по воде, зимой — по льду.

Дуранда — остатки семян масличных растений после выжимания из них масла; жмых. В блокаду служила пищей для жителей осажденного Ленинграда.

Зенитка — просторечное название зенитного орудия, специализированное артиллерийское орудие на лафете с круговым обстрелом и очень большим углом возвышения (стрельбой в «зенит»), отсюда и происходит название.

Козья ножка — особого рода самодельная папироса, заломленная самокрутка, чтобы табак в рот не сыпался.

Контрбатарейная стрельба (борьба) — это стрельба из артиллерийских орудий с закрытых огневых позиций по аналогично расположенным огневым средствам артиллерии противника.

Коптилка — маленькая керосиновая лампа без стекла; самодельное примитивное осветительное приспособление, состоящее из банки, бутылки и т.п. с горючей жидкостью и фитильком для освещения. Испускала копоть и сажу, чернила дымом помещения.

Кутули — вещи, пожитки, скарб, добро.

Ладожский хлеб — хлеб, испеченный из муки, доставленной в Ленинград по Дороге жизни — Ладожскому озеру.

Латка — гончарное изделие в виде продолговатой миски, глиняная сковорода.

Ленинградский метроном — в блокадном Ленинграде, когда радио не работало, в эфире стучал метроном: этот звук передавали, чтобы проверить, есть ли связь. Кроме того, быстрый темп означал воздушную тревогу, медленный темп — отбой (изобретение одного из радиотехников, предложившего соединить метроном с самодельным устройством с моторчиком и задавать ритм метроному).

Манерка — походная металлическая фляжка с завинчивающейся крышкой в виде стакана.

Метроном — прибор, отмечающий короткие промежутки времени равномерными ударами; как правило, используется музыкантами как точный ориентир темпа при исполнении музыкального произведения на репетиции.

Полукапонир — (фр. caponniere — ниша) — огневое фортификационное сооружение, примыкающее к противотанковому земляному заграждению и ведущее фланговый огонь в одном направлении (в отличие от капонира, ведущего огонь по двум противоположным направлениям). Представлял собой сводчатое, присыпанное землей помещение, устраивавшееся артиллерийское вооружение.

Полуторка — грузовой автомобиль Горьковского автозавода (ГАЗ) грузоподъемностью полторы тонны. Вскоре после начала Великой Отечественной войны из-за недостатка материалов и комплектующих стали выпускать упрощенные военные грузовики (отсутствовали тормоза на передних колесах, оставлена только одна фара головного света, боковые борта не откидывались, двери заменили треугольными боковыми загородками и брезентом).

Работать «на оборону» — трудиться на предприятиях оборонной промышленности.

Радиотарелка — радиоприемник военного времени, у которого мембрана была конической формы для увеличения громкости в виде тарелки. Радио имело огромное значение для жителей осажденного Ленинграда: кроме основных функций, радиосеть несла информацию о воздушных налетах и артиллерийских обстрелах. В годы войны действовало распоряжение МПВО, запрещающее выключать репродукторы в домах ленинградцев. В первые месяцы блокады на улицах города было установлено 1500 громкоговорителей-тарелок. В тот момент, когда вещание не велось, передавался сигнал метронома, который подтверждал, что радиоточка включена и радиосеть исправна.

Светомаскировка — маскировка освещенных объектов в условиях войны. Каждый житель города отвечал за полное затемнение своей квартиры, и, прежде чем зажечь свет, надо было плотно завесить окно одеялом. За состоянием затемнения следило домовое начальство, и даже за небольшую щель, сквозь которую пробивался свет, грозило строгое наказание. Осенью 1941 года, когда еще не было отключено электричество, во всех подъездах повесили синие лампочки, а окна лестничных пролетов выкрасили в зеленый цвет.

Фитюлька — за неимением электричества и свечек делали самодельные светильники — в блюдце наливали горючую жид-

кость, крутили фитиль из ваты и клали в блюдце. Их очень берегли, как и топливо для печек, которые топили нечасто из соображений экономии.

Хряпа — верхние листья в кочане капусты, лежащие на земле. В мирное время не употреблявшиеся, в условиях войны шли в пищу.

Шрот (также «жмых», «мука», «порошок») — концентрированный корм; побочный продукт маслоэкстракционного производства — извлечения масла из семян и орехов путем прессования. В блокаду употребляли в пищу.

Штандер — популярная детская подвижная игра с мячом.

СЛОВАРЬ СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

Военмех — Ленинградский военно-механический институт им. Д. Ф. Устинова

Военпред — военный представитель Министерства обороны СССР, осуществлял контроль качества и приемки военной продукции на предприятиях-изготовителях

ВПК — военно-промышленный комплекс

ВСШ — вечерняя средняя школа

Главленхлопром — Главное управление хлопчатобумажной промышленности

ГПУ — Государственное политическое управление при Народном комиссариате внутренних дел СССР

ЖАКТ — жилищно-арендное кооперативное товарищество

ИТС — инженерно-танковая служба

ЛАРЗ — Ленинградский авторемонтный завод

ЛенВО — Ленинградский военный округ

Ленкарз — Ленинградский карбюраторно-арматурный завод им. В. В. Куйбышева

ЛИАП — Ленинградский институт авиационного приборостроения

ЛИИЖТ — Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта

ЛИСИ — Ленинградский инженерно-строительный институт

ЛЭТИ — Ленинградский электротехнический институт им. В. И. Ульянова (Ленина)

МПВО — местная противовоздушная оборона

Пункт УДП — пункт усиленного детского питания

РЖУ — районное жилищное управление

РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия

РСУ — ремонтно-строительное управление

РУ — ремесленное училище

СКБ — специальное конструкторское бюро

СпецКБ — специализированное конструкторское бюро

ЧТЗ — трактор, изготовленный на Челябинском тракторном заводе

ЭПРОН — экспедиция подводных работ особого назначения

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамова (Фадеева) Нина Ивановна 9
Аганин Евгений Владимирович 153
Алтынова (Никитина) Людмила Захаровна 289
Анисимова (Устинкова) Нина Григорьевна 355
Антонова Лидия Ивановна 75
Ахундова Наталия Юльевна 17

Бадаев Александр Сергеевич 187
Балыковский Олег Тимофеевич 73
Белоусов Владимир Константинович 157
Белоусова Лидия Алексеевна 279
Боева (Антонович) Любовь Сергеевна 21
Брусов Василий Иванович 147
Быстрова Мария Петровна 327

Вавилин Виктор Гаврилович 345
Вайнштейн Михаил Петрович 349
Видяева Вера Александровна 263
Воронков Михаил Яковлевич 27

Гараганенко Юрий Ильич 163
Гареева Наима Шакировна 31
Геллер (Яковлева) Гертруда Михайловна 359
Гимпельсон София Моисеевна 45
Гончарова Людмила Борисовна 167
Горелова Валентина Федоровна 67

Двойникова Валентина Алексеевна 61
Дмитриева (Сизова) Анна Ивановна 283
Доильницын Алексей Петрович 51
Докукина (Иванова) Вера Федоровна 95
Дорохина Галина Ивановна 169
Дроздов Геннадий Александрович 311

Ефимова (Прохорова) Нина Федоровна 361
Жмурин Петр Михайлович 69
Жукова (Прокофьева) Нина Иосифовна 37

Золотухина (Красавцева) Таисия Михайловна 175

Иванова Мария Алексеевна 235
Ильина Валентина Петровна 115
Ионцева Людмила Александровна 81

Капралов Геннадий Васильевич 277
Кацман Рудольф Борисович 269
Коваленко Лариса Ивановна 121
Колин Николай Васильевич 337
Корнева (Боровская) Александра Алексеевна 341
Котин Вячеслав Николаевич 239
Кравчук Галина Васильевна 83
Крылова Елизавета Александровна 85
Кудрякова Надежда Арсеньевна 259
Кузнецова Ирина Ивановна 91
Кустова Виктория Николаевна 245

Лапанухин Артур Жанович 97
Лебедева Валентина Евгеньевна 375
Лумме Лидия Александровна 103

Матвеева Александра Константиновна 33
Матюшенко (Баева) Алла Ивановна 331
Мень Мария Наумовна 169
Мисюкова Нина Михайловна 119
Мусалеева (Арифулина) Фатима Каюмовна 99

Олехнович Галина Витальевна 43

Пенева Мария Дмитриевна 55
Пентухова (Винокурова) Татьяна Васильевна 177
Плеухова (Орлова) Галина Алексеевна 125
Прохорова Антонина Николаевна 33

Рогозина Антонина Ивановна 129
Родина Людмила Сергеевна 131
Родионов Анатолий Владимирович 253
Романова-Панова Анна Ильинична 365

Рощина Александра Павловна 123
Румянцева Нелли Сергеевна 143

Саввина Лариса Алексеевна 271
Семенова (Кириллова) Галина Ивановна 339
Семенова (Розова) Зинаида Михайловна 179
Семёнова Антонина Ивановна 57
Симонов Юрий Анатольевич 191
Сиротова Евгения Яновна 101
Скорнякова Людмила Григорьевна 291
Смирнова (Алексеева) Лидия Павловна 247
Станкевич (Григорьева) Лидия Николаевна 117
Старостина Зинаида Алексеевна 101

Таткин Геннадий Васильевич 109
Терентьев Евгений Александрович 295
Терехин Александр Николаевич 315
Тимофеева Эра Савальевна 181
Тихонова Лариса Кирилловна 65
Тишина Инна Григорьевна 105
Томилова Людмила Павловна 285
Трофимова Ольга Ивановна 185

Утина (Лаврухина) Лидия Ивановна 321

Федоров Сергей Федорович 93

Чекменева Полина Павловна 265
Четкова (Мосолова) Евгения Сергеевна 369

Шинкарчук Тамара Андреевна 49

Яковлева Антонина Александровна 13

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие Главы администрации
Фрунзенского района В. В. Омельницкого 4

Приветствие Председателя отделения Фрунзенского района
общественной организации «Жители блокадного Ленинграда»
Н. А. Кудряковой 6

Воспоминания ветеранов Фрунзенского района
Абрамова (Фадеева) Нина Ивановна 9
Яковлева Антонина Александровна 13
Ахундова Наталия Юльевна 17
Боева (Антонович) Любовь Сергеевна 21
Воронков Михаил Яковлевич 27
Гареева Наима Шакировна 31
Матвеева Александра Константиновна
Прохорова Антонина Николаевна 33
Жукова (Прокофьева) Нина Иосифовна 37
Олехнович Галина Витальевна 43
Гимпельсон София Моисеевна 45
Шинкарчук Тамара Андреевна 49
Доильницын Алексей Петрович 51
Пенева Мария Дмитриевна 55
Семёнова Антонина Ивановна 57
Двойникова Валентина Алексеевна 61
Тихонова Лариса Кирилловна 65
Горелова Валентина Федоровна 67
Жмурин Петр Михайлович 69
Балыковский Олег Тимофеевич 73
Антонова Лидия Ивановна 75
Ионцева Людмила Александровна 81
Кравчук Галина Васильевна 83
Крылова Елизавета Александровна 85
Кузнецова Ирина Ивановна 91
Федоров Сергей Федорович 93
Докукина (Иванова) Вера Федоровна 95
Лапанухин Артур Жанович 97
Мусалеева (Арифулина) Фатима Каюмовна 99

Сиротова Евгения Яновна 101
Лумме Лидия Александровна 103
Тишина Инна Григорьевна 105
Таткин Геннадий Васильевич 109
Старостина Зинаида Алексеевна 111
Ильина Валентина Петровна 115
Станкевич (Григорьева) Лидия Николаевна 117
Мисюкова Нина Михайловна 119
Коваленко Лариса Ивановна 121
Рощина Александра Павловна 123
Плеухова (Орлова) Галина Алексеевна 125
Рогозина Антонина Ивановна 129
Родина Людмила Сергеевна 131
Румянцева Нелли Сергеевна 143
Брусов Василий Иванович 147
Аганин Евгений Владимирович 153
Белоусов Владимир Константинович 157
Гараганенко Юрий Ильич 163
Гончарова Людмила Борисовна 167
Дорохина Галина Ивановна
Мень Мария Наумовна 169
Золотухина (Красавцева) Таисия Михайловна 175
Пентухова (Винокурова) Татьяна Васильевна 177
Семенова (Розова) Зинаида Михайловна 179
Тимофеева Эра Савальевна 181
Трофимова Ольга Ивановна 185
Бадаев Александр Сергеевич 187
Симонов Юрий Анатольевич 191
Иванова Мария Алексеевна 235
Котин Вячеслав Николаевич 239
Кустова Виктория Николаевна 245
Смирнова (Алексеева) Лидия Павловна 247
Родионов Анатолий Владимирович 253
Кудрякова Надежда Арсеньевна 259
Видяева Вера Александровна 263
Чекменева Полина Павловна 265
Кацман Рудольф Борисович 269
Саввина Лариса Алексеевна 271
Капралов Геннадий Васильевич 277

Белоусова Лидия Алексеевна 279
Дмитриева (Сизова) Анна Ивановна 283
Томилова Людмила Павловна 285
Алтынова (Никитина) Людмила Захаровна 289
Скорнякова Людмила Григорьевна 291
Терентьев Евгений Александрович 295
Дроздов Геннадий Александрович 311
Терехин Александр Николаевич 315
Утина (Лаврухина) Лидия Ивановна 321
Быстрова Мария Петровна 327
Матюшенко (Баева) Алла Ивановна 331
Колин Николай Васильевич 337
Семенова (Кириллова) Галина Ивановна 339
Корнева (Боровская) Александра Алексеевна 341
Вавилин Виктор Гаврилович 345
Вайнштейн Михаил Петрович 349
Анисимова (Устинкова) Нина Григорьевна 355
Геллер (Яковлева) Гертруда Михайловна 359
Ефимова (Прохорова) Нина Федоровна 361
Романова-Панова Анна Ильинична 365
Четкова (Мосолова) Евгения Сергеевна 369
Лебедева Валентина Евгеньевна 375

Всегда в строю!
Фотохроника наших дней 377

Блокадный словарь 389

Словарь сокращений и аббревиатур 393

Алфавитный указатель 394